

vs.

Михаэль Бри

Открыть Розу
Люксембург
снова

ЛОГОС || RLS
МОСКВА 2020

Михаэль Бри
Открыть Розу Люксембург снова

М.: RLS (Moskau), Издательство “Логос”, 2020. – 192 стр.
Перевод с немецкого – Олег В. Никифоров

“Мой подход в этой книге обусловлен теми вопросами, что действительно поднимаются в связи с проблемами расколов среди левых, их актуального бессилия и новых попыток перестроения. Как и в моей ранее вышедшей в этой серии книге „Открыть Ленина снова“, здесь меня также, прежде всего, интересует стратегическая пригодность произведений Люксембург, а не ее отдельные политические взгляды или теоретические воззрения. Центральным при этом для меня было то, что важнейшим вопросом левой политики для Люксембург являлось „Как?“ соединения очень конкретных форм борьбы за самые повседневные интересы с целью социалистической трансформации общества. Здесь для нее находился водораздел между политикой приспособления к существующим отношениям и собственно политикой, направленной на освободительное преобразование социума”. (*Предисловие*)

Печатается по изданию:

© Michael Brie. Rosa Luxemburg neu entdecken.
(Ein hellblaues Bändchen zur «Freiheit für den Feind.
Demokratie und Sozialismus». VSA: Verlag Hamburg, 2019)

УДК 82 ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия)
ББК 84

© Перевод, настоящее издание – RLS: Фонд Розы Люксембург (Москва)
переводчик, издательство “Логос” (Москва), 2020.

<i>К читателю русского издания книги</i>	... 9
Михаэль Бри . <i>Открыть Розу Люксембург снова</i>	
Предисловие	... 11
Цитируемые сочинения Розы Люксембург и принятые сокращения	... 15
Часть 1: <i>Покажи нам чудо! Где твое чудо?</i>	... 19
В заключении – наедине с собой и с миром	
Говорить правду	
Свобода это всегда свобода Другого	
Часть 2: <i>Уничтоженный авторитет Энгельса и Каутского</i>	... 39
Мы снова с Марксом – но с каким?	
Максимальная и минимальная программа	
Сведение счетов с «эрзац-марксизмом»	
Часть 3: <i>«Готовая марксистка» и польский вопрос</i>	... 49
Основание польской социал-демократии и два ее крыла	
Диссертация Розы Люксембург о капитализме в Королевстве Польском	
Вновь к «польскому вопросу» – 1908/9	
Часть 4: <i>Революционная реальная политика</i>	... 72
Новые вопросы к старым ответам	
Стратегия СДПГ с 1891 г.	
Тотальная ревизия марксизма Бернштейном	
Революционный удар молотом Люксембург	
Единство марксизма и социализма	
Часть 5: <i>Электрическая эпоха внезапностей</i> – <i>русская революция 1905 года</i>	... 94
Всеобщая забастовка, организационные дебаты и политическое руководство	

Первая русская революция – урок истории	
Поражение как путь к победе	
Свобода для врага	
Часть 6: <i>В обороне</i>	... 116
Против «ничто-кроме-парламентаризма»	
Великая война и поиск стратегического ответа	
Часть 7: <i>Империалистическая эпоха и накопление капитала</i>	... 126
„Помоги мне, но по-быстрому, разрешить следующую идейку...“	
Общество как культурный организм	
Капитализм как невозможная мировая форма	
Политэкономические основы новой стратегии	
Часть 8: <i>Симфония демократического социализма 1918-20</i>	... 142
Спор между товарищами	
Лишь в этом смысле будущее повсюду принадлежит большевизму	
Слишком мало социализма, слишком мало демократии	
Чаемая гармония контрапунктов: социализм и свобода	
Часть 9: <i>Ноябрьская революция – насильственно прерванное начало</i>	... 158
Социализм как насущная задача	
Обновление программы и и основание Коммунистической партии Германии	
Январское восстание в Берлине и правительственный террор	
Литература	... 177
[Избранная библиография переводов работ Розы Люксембург на русский]	... 184

К читателю русского издания книги

После издания русского перевода исследования Михаэля Бри «Открыть Ленина снова» (2017) московский офис Фонда Розы Люксембург публикует второй томик в этой серии «переоткрытий» („... neu entdecken“): «Открыть Розу Люксембург снова» – так же авторства Михаэля Бри.

Многие улицы и площади по всей России названы в честь Розы Люксембург, широко известной здесь как немецкая революционерка. Если о ее революционной деятельности в царской Польше и соучастии в основании Социал-демократической партии Польши и Литвы вспоминают меньше, то руководящая роль Люксембург как соучредителя «Союза Спартака», ее деятельность по созданию Коммунистической партии Германии и значительная роль в немецкой Ноябрьской революции 1918/19 гг. остаются на слуху.

Читатели текстов Розы Люксембург знают ее как критика так называемого ревизионизма «старой» социал-демократии периода до 1914 года, которая ассоциируется с именем Эдуарда Бернштейна. Также хорошо известна полемика между Розой Люксембург и Лениным по важным вопросам отношений между диктатурой и демократией; партией, массами и рабочим классом; парламентаризмом и массовым движением. Вследствие этих споров ярлык «люксембургизм» («Luxemburgismus») в определенный период употреблялся в немецкой и советской компартиях и в Коминтерне столь же уничижительным образом, как и «социал-демократия».

Воздействие Люксембург в предреволюционный период и во время революций начала XX-го века, чье разви-

тие, итоги и последствия нам известны, предоставляет материал для обсуждения альтернативных концепций «пред-революционного» («vor der Revolution»). Сама Люксембург с энтузиазмом приветствовала, сопровождала и поддерживала революции (1905, 1917 и 1918/19 гг.), вместе с тем критикуя их протагонистов и проводимые ими стратегии.

«Терпение – добродетель революционеров» – эта цитата приписывается Розе Люксембург и соответствует ее пониманию «революционной реальной политики». Несмотря на всю жесткость и упорство, с которой ее можно – и должно – развивать, критика в рамках этой концепции не является средством исключения, что нередко характеризует сегодняшние фрагментарные и зачастую маргинальные усилия по изменению общества.

«Открыть Розу Люксембург снова» – это введение в ее жизнь, труды и политическую деятельность, с особым вниманием к их значимости для сегодняшнего стратегического мышления, для работы над изменениями, для дискуссий как внутри организаций и движений, так и за их пределами.

Также и для Михаэля Бри критика никогда не выступает средством исключением теорий, организаций и людей. Она – незаменимый инструмент в поиске наиболее последовательных шагов по освобождению людей. И обнаружить их возможно только совместно.

Мы особенно благодарим автора за его побудительное приглашение «снова открыть» Розу Люксембург, ее особую личность, ее теоретические и политические тексты. Московский филиал Rosa-Luxemburg-Stiftung воспринимает это приглашение как стимул к тому, чтобы в будущем расширить библиографию ее русскоязычных переводов, сделав тем самым тексты Люксембурга более известными и открытыми для обсуждения.

Керстин Кайзер, декабрь 2019 г.

Посвящаю эту книгу моей матери
Соне Бри (1925-2011)

*Свобода без равенства – это эксплуатация
Равенство без свободы – это угнетение
Солидарность – это источник свободы и равенства*

Предисловие

«Гуманность в нашем обществе определяется и по тому, насколько в чести у нас остается наследие Розы Люксембург».

Вальтер Йенс

Заглавие этой серии издательства VSA – «ОТКРЫТЬ... СНОВА» («... neu entdecken») – может порождать ложные ожидания. Ведь Роза Люксембург отнюдь не забыта. О ней вспоминают каждый раз, когда происходит разлом застывших отношений господства, когда люди вновь решаются сами определять свою судьбу. То же верно и относительно сегодняшнего дня, когда элементы варварства и тоталитарного господства, исключения и эксплуатации соединяются в мощные тенденции, для противодействия которым не хватит лишь оборонительных средств – нужно идти на прорыв.

Эта книга – своего рода отчет о моей собственной новой встрече с Розой Люксембург на протяжении последних двадцати лет, когда я работал в Rosa Luxemburg Stiftung. В это время я вновь и вновь задавался вопросом: какую роль произведения Люксембург играют в сегодняшних попытках стратегического обоснования левой социалистической политики? И как соотносятся актуальные походы к такому обоснованию, практикуемые в Европе, Латинской Америке, США, Африке и Азии, с теми позициями, которые сама Люксембург отстаивала более столетия назад? Сформулированная Люксембург теория накопления, ее понимание массовой акции (Massenaktion), демократии и свободы, критика диктатуры государственной партии и соучастия социалистов в буржуазных правительствах, но также ее собственная, очень личная позиция в этих конфликтах порождают всё новые волны публикаций. На некоторые из них я ссылаюсь в дальнейшем. Я не могу не поблагодарить здесь тех моих коллег, друзей и товарищей, с которыми мне довелось на протяжении многих лет вновь

и вновь обсуждать произведения Розы Люксембург. Если называть лишь немногих из них, это: Лутц Брангш, Юдит Дельхайм, Фригга Хауг, Хольгер Политт, Йорн Шютрумф и Эвелин Виттих.

Мой собственный подход в этой небольшой книге, прежде всего, обусловлен теми вопросами, что действительно поднимаются передо мной в связи с проблемами расколов среди левых, их актуального бессилия и новых попыток реформирования. Как и в моих ранее вышедших в этой серии книгах о Карле Полањи и Владимире Ленине, здесь меня также, прежде всего, интересует стратегическая пригодность произведений Люксембург, а не ее отдельные политические взгляды или теоретические воззрения. Центральным при этом для меня было то, что важнейшим вопросом левой политики для Люксембург являлось «Как?» соединения очень конкретных форм борьбы за самые повседневные интересы с целью социалистической трансформации (Umwälzung) общества. Здесь для нее находился водораздел между той политикой, которая приспосабливается к существующим отношениям, и той, что направлена на их освободительное преобразование.

Настоящая книга пытается поэтапно проследовать пройденному Розой Люксембург пути стратегического научения. Она задумана, прежде всего, как введение в деятельность Розы Люксембург, а именно в аспекте обретения стратегии и политической этики (Haltung). Целью было – дать слово самой Люксембург. Поэтому не будет ошибочным отнести к этой книге как к своего рода хрестоматии по Розе Люксембург – если у читателя недостает пока времени проработать семь опубликованных на настоящий момент томов из ее собрания сочинений (два из них – в двух книгах), переведенные с польского тексты и шесть томов ее переписки. Пространные цитаты должны помочь в этом.

Истина содержится в противоречивом целом произведения жизни (des Werks) Люксембург, а не в отдельных ее высказываниях. И эта истина всегда конкретна,

развертывается в реальных противоречиях, сцеплена с ними. Люксембург хотела содействовать утверждению освободительной дееспособности в период наступления всё более мрачных времён. При этом она боролась против бессилия и отчаяния, показывала, откуда появляются возможности того, чтобы рабочие и работницы, по ее словам, «массы», исходя из собственных интересов и следуя собственному видению посредством ими самими созданных форм организации смогли взять в собственные руки решение насущных для них вопросов. К конкретной истине относится и то, что эта проявляемая Люксембург неукротимая воля содействовать солидарному освобождению также выявляет и те оковы, которыми оказываются традиционные типы мышления и поведения, организационные структуры и культуры. Становится ясно, насколько это тяжело – творить новое. Свидетельство тому – ее собственное последнее большое усилие по созданию Коммунистической партии Германии.

Роза Люксембург не была, в первую очередь, теоретиком, как Маркс, или партийным вождем, как Бебель или Ленин. Прежде всего, она выступала на журналистском и ораторском поле действия. Как она высказывалась на одном из съездов СДПГ (SPD): «[...] единственное насильственное средство, которое приведет нас к победе, это социалистическое просвещение рабочего класса в повседневной борьбе». (GW 1.1: 239) Однако ее перу принадлежат и научные работы – ее диссертация и ряд экономических сочинений. В польской социал-демократии она выступала как активный партийный лидер, а в 1918 г. была одной из соучредителей Коммунистической партии Германии (КПД). Тем не менее, главным в ее работе было обращенное к рабочим *слово* – написанное и сказанное. Она хотела напрямую говорить с ними и мотивировать к собственной активности, помочь им действовать на высоте того времени. Этому соответствовало и ее представление о лидерстве: оно делится собственным убеждением, когда говорит, что задача со-

циалистической партии заключается не в том, чтобы по команде запускать массовое действие: «[...] Долгом является лишь каждый раз бесстрашно проговаривать то, что есть (как гласит ее любимое изречение Фердинанда Лассалья – М. Б.), т.е. ясно и четко сформулировать для масс их задачи в данный исторический момент, представлять политическую программу действий и те лозунги, что вытекают из насущной ситуации» (GW 4: 289).

1-я глава нашей книги представляет жизненную позицию Розы Люксембург. Центральным здесь является «проговаривать то, что есть». Для нее это, прежде всего, значило проговаривать то, что должно быть. И масштабом этого долженствования выступал масштаб человечности. Огромное обаяние Люксембург – осознание его в ходе проработки ее сочинений и писем стало для меня настоящим «открытием» – состоит в том, что она входила в очень особые отношения с теми, с кем она заговаривала. Отсюда складывался ее способ обращения со встреченным – языковой, этический, человеческий. Она хотела, чтобы те, с кем она искала разговора, сами выстраивали свою жизнь, развивали солидарность, оказывали сопротивление – причем по собственному свободному решению, рожденному в свободном собеседовании друг с другом, в полной открытости и бескомпромиссности. То же, чего она добивалась для самой себя, даже в тюремном заключении и будучи преследуемой, она хотела и для всех – свободы. Но не свободы как произвольности, а свободы как насыщенной жизни, не отрицающей обязанностей по отношению к другим.

Во 2-й части я обращаюсь к осуществляемой Люксембург критической переоценке стратегии СДПГ после отмены закона о социалистах 1890 года, предпринимаемой ею в период I Мировой войны и по ее завершению. В теоретических основах этой стратегии она усматривала разновидность «эрзац-марксизма». Отталкиваясь от этой ее критики я перехожу в 3-й части к тому периоду, когда она получает определяющее для

нее марксистское обучение в польской социал-демократии – сначала в Варшаве, а затем в изгнании в Цюрихе. При помощи своей докторской работы она пыталась обосновать социал-демократическую стратегию со-основанной ею Социал-демократической партии Польши и Литвы (SDKPiL). В этом контексте я также коротко резюмирую и ее установку по так называемому «польскому вопросу». В 4-й части я обращаюсь к ее позициям в споре о ревизионизме, начиная с 1898 г., и обрисовываю центральные элементы того, что она называет «революционной реальной политикой».

В 5-й части я показываю, что, принимая во внимание политическую стагнацию в немецкой и западноевропейской социал-демократии после 1900 г. и в связи с русской и польской революцией 1905-го, Люксембург стремилась разработать наступательную концепцию революционной реальной политики, в центре которой находились массовая стачка и другие формы прямого массового действия. Фиксация на чисто парламентских и профсоюзных формах борьбы и агитации должна была быть преодолена. 6-я часть имеет дело с оборонительным периодом, в котором левые в СДПГ оказались после 1905-го. 7-я часть сосредотачивается на большой работе Люксембург «Накопление капитала» («*Akkumulation des Kapitals*») и ее значении для левых стратегий. В 8-й части я обращаюсь к ее анализу и критике политики большевиков, захвативших власть в России в ноябре 1917-го. Ее знаменитое сочинение «О Русской революции» («*Zur russischen Revolution*»), как я считаю, итожит противоречия ее понимания социализма, доводя их до их предела. После ее освобождения из тюрьмы в ноябре 1918 г. у Люксембург остается менее десяти недель времени для духовно-практического действенного участия в немецкой революции. К этому я обращаюсь в 9-й части книги.

Роза Люксембург оставила нам нечто, важность чего нельзя переоценить: задание сделать мир более

человечным, действуя по-человечески. Поток истории – сокрушая стены нашего несовершеннолетия, которым мы сами себя ограничили (selbstverschuldeter Unmündigkeit¹) – увлек нас в новое Большое путешествие. И хотим ли мы того, или нет – в это путешествие мы берем с собой историю.

Цитируемые сочинения Розы Люксембург и принятые сокращения

Сочинения и письма Розы Люксембург цитируются по изданиям «Собрание сочинений» («Gesammelte Werke»). Сокращенно = GW) и «Собрание писем» («Gesammelten Briefen». = GB), опубликованным в берлинском издательстве Karl-Dietz-Verlag (Berlin).² Произведения Маркса и Энгельса, так же как и Ленина, цитируются по их собраниям сочинений (Werkausgabe), вышедшим в том же Karl-Dietz-Verlag.³ Также очень важны переведенные и опубликованные Хольгером Политтом под названием «Рабочая революция 1905/06» («Arbeiterrevolution 1905/06». Karl-Dietz-Verlag, 2015. = AR) ее сочинения польского периода 1904-1908 гг., написанные в контексте революции 1905 года в Российской империи; равно как и относящаяся к 1908/09 гг. работа Люксембург «Вопрос национальностей и автономия» («Nationalitätenfrage und Autonomie». = NA).

Все цитаты даются согласно новому правописанию. Мы не даем подробного именного указателя, но в цитируемых изданиях произведений Розы Люксембург содержится соответствующая информация.

Как на лучшие биографии Розы Люксембург можно указать на работы Петера Неттля (Peter Nettl. 1967) и Аннелиз Лашицы (Annelies Laschitza. 2002). Достойны

2 {Наиболее репрезентативным переводным сборником текстов на русском языке на сегодня остается издание: Люксембург, Роза. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма: [перевод с немецкого] / [сост. и авт. предисл. Я. С. Драбкин]. – Москва : Политиздат, 1991. (398 с.). См. также: «Избранная библиография переводов работ Розы Люксембург» в конце наст. изд. – *Прим. пер.*}

3 {Соотв. цит по изд: Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2 (М., 1955-1974) [в тексте: М/Э, Соч. (с указанием соотв. тома и страницы, н-р: {М/Э, Соч. 18: 90})]; Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55-ти томах (+ 3 справочных тома), издание 5-е. М., 1967 [в тексте: Ленин, ПСС (с указанием соотв. тома и страницы, н-р: [Ленин, ПСС 23: 40])] – *Прим. пер.*}.}

1 {Ср.: Кант И., «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» (1784) – *Прим. пер.*}

внимания и сегодня изложения Луизы Каутской (Luise Kautsky. 1929) и Пауля Фрелиха (Paul Frölich. 1990), еще лично знавших Люксембург. Блистательное и масштабное введение, подкрепленное публикацией избранных текстов Люксембург, дается в работе Йорна Шютрумпа (Jörn Schütrumpf. 2018). Интересующиеся экономическими работами Люксембург непременно должны обратиться к томам, изданным Инго Шмидтом (Ingo Schmidt. 2013) и Юдит Дельхайм и Фридером Отто Вольфом (Judith Dellheim und Frieder Otto Wolf. 2016). Желаям точнее разобраться в «польской стороне» ее творчества руководством послужат лучшие немецкоязычные исследования по вопросу, представленные в статьях Хольгера Политта (Holger Politt. 2012, 2015). Международная дискуссия, прежде всего, получает отражение на конференциях Международного общества Розы Люксембург (Internationale Rosa-Luxemburg-Gesellschaft) (см.: Bergmann et al. 1995; Bergmann/Haible 1997; Das Argument 1997; Ito et al. 2002, 2007, 2010). Заслуживающий внимания «Сборник» элементов для критического нового прочтения ее наследия уже после краха государственного социализма предложил Райнхард Хоссфельд (Reinhard Hossfeld. 1993).

Часть 1:

Покажи нам чудо! Где твое чудо?

«Ты однажды спросил у меня, чего мне не хватает. Собственно – жизни!»

(GB 1: 159)

Роза Люксембург была увлеченным ботаником. Она не только занималась биологией в Цюрихском университете, еще до своего изучения социальных и гуманитарных наук, но и вся ее жизнь отмечена особенным тяготением, которое вызывала в ней свободная природа (freie Natur). Ее сочинения пронизаны метафорами диких ландшафтов и силы жизни (см. в связи с этим чудесный гербарий Люксембург (Luxemburg 2016)). Видения социализма Люксембург черпает из природы – мир животных и растений, гор и бурных рек. И она сама, ее мышление и деятельность, даже столетие после ее смерти, противится холодной классификации и жесткому упорядочиванию. Ни в геометрически разбитых садах истории идей марксизма-ленинизма, ни в прелестных ландшафтных садах упрощенного либерализма места ей не находится. Наследие Розы Люксембург подобно дикой природе. Оно беспокоит, поскольку живо противится всем жестким правилам. Наследие Люксембург всегда полнится новым и разрушает самые твердые саркофаги с каждым новым восстанием людей из панцирей их послушности.¹ Но в чем же заключается взрывная мощь ее произведения жизни?

Многих политиков можно обозначить каким-либо одним понятием, тогда как Люксембург являет пространство живых противоречий. Хотя она тщательно

¹ Верно общее высказывание Петера Вайса: «Затверделые и недвижимые распорядители идеологии всегда оказываются на стороне реакционеров; независимо от того, к какому блоку они себя причисляют, их мнимо последовательная непримиримость не служит ничему иному, как консервации застарелого и отжившего свое материала идей». (цит. по: Gioia 1989: 9)

скрывала личную жизнь, вплоть до мелочей сохраняя для себя свое свободное пространство, эта ее обыденная жизнь и ее политический активизм были двумя сторонами одного и того же жизненного потока. Миропонимание и самопонимание у Люксембург неразрывно связаны. Она всегда была готова к тому, чтобы пожертвовать своей жизнью – уже будучи гимназисткой и далее, в вихре русской революции 1905/06 гг., в русских и немецких тюрьмах и во время Ноябрьской революции. И она наслаждалась жизнью – тем более осознанно и насыщенно, чем старше она становилась. Тот, кто хочет понять Люксембург, должен наряду с ее сочинениями также читать и ее письма. Они не просто дополняют ее статьи и книги, но и равноценны с ними. Для Карла Крауса ее письма из тюрьмы – «уникальное для немецкоязычного пространства свидетельство человечности и поэтичности» (цит. по: Netmann 1998: 6). Из этих писем только и можно понять, чем для нее была «удачная» жизнь социалистки. Во взаимосвязи политических и теоретических сочинений Люксембург, с одной стороны, и ее писем, с другой, отображается внутренняя напряженность самой ее жизни, и тот, кто не понимает этого, – ничего не понимает и в Люксембург. Невозможно оценить ее жизнь только по фактически сделанному ею: она не создала ни государства, как Ленин, ни эпохального произведения, как Марксов «Капитал». Ее политическое влияние было ограниченным, а работы по экономике хоть и значимы, но не выбивающимися из ряда других, написанных ее современниками марксистами.

Если оценивать Люксембург по непосредственному воздействию на ход событий, то окажется упущенным ее действительное нарастающее значение, поскольку то, что особо выделяет Люксембург, – это сама ее жизнь. «Главное достижение» («Hauptwerk») Люксембург – это «ее образцово прожитая жизнь» (Caysa 2017: 38). Гений Люксембург запечатлелся в этой жизни. Она жила одновременно и сверхполитично, и

сверхлично, равно последовательно-экзистенциально вмешиваясь в практические дела, и развивая теоретическую рефлексивность, будучи обращенной к массам – как одаренная журналистка и оратор – и всегда возвращаясь к своему собственному – занятиям живописью, музыкой, наблюдениям за растениями и животными. Она постоянно, оставляя «всё прочее на потом», отстранялась в свое письмо, рисование, ботанику. Она словно опьянялась ими (GB 5: 74, 234). Но уже вскоре после этого она вновь принималась кочевать с одной массовой манифестации на другую. Это не было существованием в каких-то параллельных мирах – этими полюсами формировались интенсивно проживаемые противоположности, изменяющиеся во взаимосвязи друг с другом. Словами Вальтера Йенса, она стремилась жить так, чтобы при этом «из частного человека и «общественного животного» складывалось гармоническое существо, определяемое собственной идентичностью и открытым отношением с миром» (Jens 1995: 13). Люксембург удалось образцовым образом воспринять социализм как солидаристско-освободительное движение в единстве изменения мира и изменения себя самой.

В ноябре 1918-го, сразу же после своего освобождения из тюрьмы, она публикует статью, где отстаивает необходимость немедленной отмены смертной казни и пишет:

«В эти четыре года империалистического наводнения кровь лилась ручьями и потоками. Ныне следует трепетно сохранять каждую каплю этого драгоценного сока в хрустальных чашах. Решительнейшая революционная дееспособность и самая великодушная человечность – таков истинный дух социализма. Следует перевернуть мир, но каждая слеза, что прольется, пусть ее и можно будет вытереть, это обвинение, а каждый, кто, торопясь по своим важным делам, из грубой невнимательности наступает на какого-то бедного червяка, совершает преступление». (GW 4: 406)

Это двойное требование к социализму: революционность и человечность – было, прежде всего, ставшим жизненным кредо требованием к самой себе. Когда она писала о социализме, она одновременно писала и о самой себе.

Источником той притягательной силы, которую всегда излучала Роза Люксембург, прежде всего, была сама ее жизнь, к которой она себя призвала – с огромной решительностью и еще большей настойчивостью. Древнегреческому философу Гераклиту приписывают изречение, что от характера человека, который он определяет как «демона», зависит его судьба, ведет ли он удачную жизнь или пропащую (Гераклит, фрагмент В119). В дальнейшем я постараюсь очертить контуры образа жизни Люксембург, чтобы описать ее «демона» – конечно же, тезисно, поскольку любое притязание на полноту и завершенность здесь будет напрасным.

Читая политические и теоретические сочинения Люксембург, сегодня приходится пробираться через во многом отживший свое язык марксизма II-го Интернационала. Многие из его ключевых понятий более не имеют живых коннотаций или же их еще предстоит заново произвести. Та естественность, с которой она говорила о рабочем классе или пролетариате, о реформе и революции, о партии и социализме, принадлежит другой эпохе. Но если пробиться через этот язык и разомкнуть сокрытую в нем жизненную реальность, тогда откроется неисчезающее основание ее притягательности, неослабевающей на протяжении целого столетия, – *ее эмпатическое со-чувствующее отношение к миру*. Она во всём искала какое-то Ты и на Ты обращалась к миру. Сила ее обращения собиралась из энергий ее собственной личности, из ее «души». В 1899 г. она пишет своему партнеру Лео Йогихесу:

«Не удовлетворяет меня, главным образом, эта форма изложения мысли, я чувствую, что у меня «в душе» вызревает совершенно новая оригинальная

форма, вовсе не пользующаяся формулами и шаблонами и их разрывающая – конечно же, лишь силой духа и убеждения. Мне нужно писать так, чтобы я воздействовала на людей как молния, пробирала их до мозгов, но, само собой разумеется, не пафосом, а широтой видения, силой убеждения и выразительностью». (GB 1: 307)

Ей присуща неизбывная парадоксальность: Люксембург была и зоркой, и слепой одновременно. Она проявляла безграничный оптимизм относительно проницательности рабочих в преодолении ими своей зависимости от капитала. Любой отдельный акт борьбы казался ей указующим вовне из своего здесь и сейчас. Обустройство в наличном, самоудовлетворенность были неприемлемыми для нее. Она могла прозорливо усматривать в русской революции 1905-го выражение живейшей самоорганизации и самоуполномочивания людей, вместе с тем почти не замечая ту неотъемлемую роль, которую в ней играли жестко выстроенные организации, или же критикуя их как инструменты господства. Она настаивала на классовой солидарности, поверх всех национальных, расовых и половых границ, отказывая поэтому утверждениям о каких-то особенных «еврейских скорбях», об особом пути борьбы против патриархата, о превосходстве одной нации над другой. Всё это было для нее общей социалистической борьбой, разрывы внутри которой были неприемлемы. Поэтому и не следует искать у нее стратегически сколь-нибудь убедительных ответов на вопрос о том, каким образом, осознавая такие разрывы, и даже расколы, можно осуществлять солидаристскую политику, идущую далее воззваний к общему. Взывая к общности экономических интересов, она сама себя считала идеалисткой.

Роза Люксембург не была, прежде всего, ни стратегом, как Ленин, ни теоретиком, как Каутский, ни сомневающимся, как Бернштейн, ни «органическим интеллектуалом», как Грамши, но – совершенно в ветхозаветном

смысле и все-таки очень по-современному – пророком: «указывающей путь из рабства» (Veerkamp 2013: 53).

Она взывала к нераздельному единству свободы и равенства, самоопределения и солидарности, сочувствия и наступательного действия. По ее словам, читая «Эмануэль Квинт» Герхарта Гауптмана она видела себя:

«Известны ли Вам образы Христа кисти Ханса Тома? Тогда Вы встретите в этой книге то же видение Христа: как он, худой и озаренный красным светом, шествует по нивам, а справа и слева его темную фигуру окружают лиловые волны, растекающиеся поверх серебряных колосьев. Наряду с многим прочим, меня в этой книге захватила одна проблема, представление которой где-либо еще я пока не находила, но глубоко знаю ее по себе: трагедию человека, проповедующего массам (Menge) и чувствующего, как каждое его слово в тот же миг, как оно срывается с его уст, сразу же огрубляется и застывает в мозгах его слушателей в какую-то карикатуру (Zerrbild); и к этой карикатуре на него самого этот проповедник и пригвождается, наконец, окружаемый учениками, крикливо требующими: 'Покажи нам чудо! Ты сам нас учил! Где твое чудо?'» (GB 5: 185)

Люксембург входила в живые отношения с тем, что могло предстать для нее как Ты, что соответствовало ей самой. Поэтому ее Я и ее деятельность, ее самость и ее произведение, ее личность и ее действие были неразрывно взаимосвязаны. Она не исчерпывалась своей деятельностью, не подчиняла себя ей и не сливалась с нею, но *проживала противоречия*. В действительном она искала то, что соответствовало ей самой – наслаждение с высокоподнятой головой преобразовывать мир в более человечный; радикальность в желании полного освобождения; любовь, полностью захватывающую другого и проникающую в самую глубь сердца; красоту, что явлена в самом малом листочке, в каждом крике птицы, в любом благозвучии; идею, что открывает новое видение мира. И всё, что отвечало подобным образом на это

обращение, становилось для нее неким Ты собеседования. Всё, что не отвечало ей как Ты, оставалось для нее закрытым, было тенью обреченного на упадок мира. То, что не предстало для нее живым и всецело подлинным, ее отталкивало. Повсюду в ее письмах обнаруживаются заметки, подобные этой: «Встречи с людьми меня страшат. Я хотела бы жить среди животных». (GB 3: 85) Она не хотела утрачивать свое Я в контакте с внешним миром (GB 2: 290). В годы войны она пишет из своего тюремного заключения:

«Что касается меня, то в последнее время, помимо того, что и раньше никогда не была мягкой, я стала твердой, как шлифованная сталь, и уже никогда не пойду ни на малейшие уступки ни в политических, ни в личных делах». (GB 5: 151)

Но вместе с тем оборотной стороной этого была чрезвычайная чувствительность, описанная ею в письме своему другу Хансу Дифенбаху 30 марта 1917 г.¹:

«В сердцевине моего мучительно выстроенного прекрасного вчерашнего равновесия, когда я уже засыпала, меня вновь настигло отчаяние, много более черное, чем ночь. А сегодня еще один серый день, вместо солнца – холодный восточный ветер... Чувствую себя замерзшим шмелем; наверное, и Вам доводилось в первые морозные осенние утра находить в саду такого – в мертвом оцепенении лежащего в траве на спинке, со сведенными вместе лапками и покрытой инеем шубкой? Лишь когда солнце хорошенько его прогреет, его лапки постепенно начинают подергиваться и растягиваться, затем тельце переворачивается и, наконец, он с тяжелым жужжанием поднимается в воздух. Моим всегдашним занятием было склониться над таким замерзшим шмелем и своим теплым дыханием пробудить его к жизни. Если бы только солнце захотело и меня-бедняжку пробудить от моего смертного холода!» (GB 5: 195)

Высшей максимой Люксембург было: «Всегда быть са-

1 Ханс Дифенбах погиб на фронте в октябре 1917 г.

мой собой, где бы и с кем бы ты ни был». К этому она добавляла: «Я идеалистка [...] и такой останусь, будь я в немецком движении или в польском» (GB 1: 323). В других и в мире она искала то, что соответствовало глубинному в ней. Когда она страстно заговаривает о социализме, о стихийной изобретательности людей, вовлекающих в движение, о том, что может сделать партия, о докапиталистических и посткапиталистических обществах – она всегда исходит из того, что ее одушевляет и находит отзвук в ней самой. И когда она пишет о смерти в богадельне, о жертвах колониализма или войны, об исполосованном петлями буйволе – она также выражает и свое собственное страдание. Она отображала мир и отображалась в мире. Между ней и миром не было никакой защитной или разделительной перегородки. Из этой непосредственности выростала ее неимоверная сила – но и ее слабости. Нужно также осознавать и складывающиеся таким образом границы ее мышления. Ее безусловность сталкивается с реальным миром обусловленного.

Даже немногих примеров этого избирательного симбиоза Люксембург с миром, каким она его воспринимала, будет достаточно. Так, она пишет, что –

«драгоценнейшим наследием» Маркса было объединение двух противоположностей: «теоретической углубленности, чтобы направлять нашу ежедневную борьбу посредством верного штурвала принципов, и решительной революционной деятельности, чтобы мы были соразмерны тем великим временам, что нам предстоят». (GW 3: 184)

Таким был ее автопортрет. Свое восхищение перед массовой политической стачкой она выражала теми же словами, которые она желала бы отнести и к своим собственным действиям:

«Из вихря и бури, из огня и жара массовой стачки, уличных боев восходят, подобно Венере из морской пены, свежие, юные, мощные и жизнерадостные – профсоюзы». (GW 2: 118)

В 1915 году она пишет о деятельности (Wirken) в социалистических организациях:

«Самим по себе нам не удалось бы освежить жаждущую свободного человечества душу в источниках социализма и испытать из них новой жизни, пусть даже мы и сподобились бы на то, чтобы соответствовать требованиям часа. Наше действие для организации и через нее должно, подобно чаше, быть до краев наполнено социалистическим духом. Единственно и только таким образом он обретет свой истинный смысл и свое высшее достоинство». (GW 7.2: 936)

Свое же призвание она видела в том, чтобы дать этому духу выражение. Лишенная духа эта чаша была для нее лишь мертвой скорлупой – и личным адом. Ее готовность скорее претерпеть поражение и даже собственную смерть, нежели поступиться верностью собственным идеалам, проистекает из этого прямого единства ее личности и всемирного движения, за которое она выступала. Она видела в себе «страну неограниченных возможностей» (GB 5: 157) и искала в действительности таких движений, таких людей, таких мыслей и форм, что также стремились взорвать любые границы.

Как раз ее переписка свидетельствует о постоянной работе над самой собой, над ее отношениями к подругам и друзьям, возлюбленным, о непрерывном процессе постоянного самоосмысления, как и об обращенным к другим призывам к правдивости и стойкости. Неизменный для многих ее писем оборот это: «Бодрее!» («Sei heiter!»). Противостоять вызовам судьбы для нее значило никогда надолго не утрачивать способности к осознанной и утверждающей жизни, наслаждающейся каждым своим мгновением. Она искала самых непосредственных *Ты*-отношений – будь то со шмелем, голубкой, цветком, возлюбленным, подругой, ландшафтом, блеклым светом луны, – вместе с тем выстраивая дистанцию, чтобы суметь оставаться с самой собой. И тот, кто попадал под ее обаяние (Bann), в достатке испытывал и

то, и другое – и щедрость, и отпор. Всё это находит выражение в одном из ее писем Хансу Дифенбаху от января 1917-го:

«Так что, скажу Вам, Хансик, если бы лучший друг как-нибудь сказал мне: 'В моей ситуации мне остается выбирать единственно между совершением подлости и мучительной смертью', – я с ледяным спокойствием ответила бы ему: *Так умри*». (GB 5: 158)

В заключении – наедине с собой и с миром

Характер человека, прежде всего, проявляется в ситуации, когда он оказывается лишен защитного пространства приватного. Как это происходит в тюрьмах. Если кто-то хочет разобраться в Нельсоне Манделе как личности, ему нужно посетить Роббенэйланд, атлантический остров-тюрьму в 12 километрах от Кейптауна, где он провел 20 лет заключения в камере площадью 4 квадратных метра. Еще до Первой Мировой войны Роза Люксембург неоднократно оказывалась в тюрьме. Во время войны она один год отсидела в «женской тюрьме» на Барнимштрассе в Берлине, а потом, после короткого перерыва весной 1916-го, как «предупредительно арестованная» («Schutzhäftling»), – во Вронке и Бреслау, откуда ее выпустили лишь в ноябре 1918-го. В период своего «невольного досуга» (GB 5: 130) в берлинской тюрьме она пишет, наряду с прочим, «Кризис социал-демократии» («Junius-Broschüre») и полемизирует с критиками ее «Накопления капитала», создавая свою «Антикритику». Во время своего позднейшего заключения она переводит первую часть воспоминаний малороссийского социалиста-революционера, писателя Владимира Короленко и пишет предисловие к переводу. Ей удается написать и передать на волю целый ряд статей, в которых, не в последнюю очередь, темой разбора становится Русская революция. Первый шок от заключения в берлинскую женскую тюрьму она комментирует следующим образом:

«Сопровождая меня как «политическую», русские жандармы относились ко мне с большим уважением, берлинские же охранники, напротив, заявили, что им на меня «плевать», и засунули меня с девятью «коллегами» в вагон. Впрочем, всё это лишь пустяшное, и Вам не следует забывать, что жизнь, как бы она ни складывалась, нужно принимать со спокойствием духа и бодростью. Их-то мне здесь как раз хватает. Однако, чтобы у вас не создавалось преувеличенного представления о моем героизме, хочу покаяться, что в тот момент, когда, во второй раз за день, меня заставили раздеться до рубашки и дать себя обыскать, я едва удержалась от слез. Естественно, внутренне я кипела от возмущения за такую свою слабость, и до сих пор на себя зла. К тому же, в первый вечер меня привела в ужас даже не камера заключения или мое внезапное исключение из среды живущих, но – только догадайтесь! – тот факт, что я должна отправляться в постель, не надев своей ночной рубашки и не причесавшись. Дабы не упустить возможности процитировать классиков: помните ли Вы первую сцену из «Марии Стюарт», когда у нее забирают украшения: «Лишеньё пустяков невинных» – говорит кормилица Марии, леди Кеннеди – несноснее тяжелых испытаний. (Взгляните сами – Шиллер, наверняка, выразился поизящнее, чем я здесь.)» (GB 5: 47)

Столь же достойными внимания, вместе с написанными ею в тюрьме теоретическими и политическими сочинениями, являются и ее способность и воля к жизни в заключении, причем к чрезвычайно насыщенной жизни. По ее словам, она следовала императиву – «прежде всего, нужно всегда жить полной жизнью» (GB 5: 177). Насколько ей это позволяли обстоятельства, надсмотрщики и их начальство, она, во-первых, старалась превратить тюрьму в место жизни и придать ей черты домашней среды даже при самых неблагоприятных условиях. Она пыталась остаться верной своим прежним привычкам. Ее жилище всегда было для нее чрезвычайно важно. Оно должно

было соответствовать ей – быть упорядоченным и, по возможности, естественным. Также и ее тюремные пространства «уютно» ею обживались – насколько это вообще было возможно. Будучи заключенной во Вронке, она разбила садик и продолжала заниматься ботаникой. Она, насколько могла, всегда придерживалась строгого распорядка дня. Во-вторых, она продолжала свой диалог с подругами и друзьями и завязывала новые отношения. Недостаток прямого общения она перекрывала самым насыщенным письменным собеседованием. В-третьих, она оставалась политически активной, вступала в полемику, пыталась и далее будить и просвещать людей своим словом. И, в-четвертых, время заключения она использовала для теоретических и культурологических размышлений. Благодаря ее личному обаянию она смогла, по крайней мере, во Вронке получить значительные послабления (см. об этом воспоминания директора тюрьмы д-ра Эрнста Доссмана, в изд. GW 7.2: 971 und 995).

В тюремных письмах она создавала для себя и для других свой особенный мир. Она предостерегала себя против озлобления и отчаяния, вновь и вновь повторяя:

«Впрочем, всё это было бы гораздо легче пережить, если бы я просто не забывала бы основной заповеди, что я сформулировала для своей жизни: Быть доброй – это главное! Прямо и просто быть доброй – этим всё разрешается и связывается, и это много лучше, нежели все умности и упорствования». (GB 5: 183)

Эти письма были отнюдь не «душеизлияниями», но самопрезентациями, не в последнюю очередь созданными для того, чтобы самой ими руководствоваться и оказывать ими поддержку другим. Они – произведения искусства рефлекслируемой непосредственности. Люксембург интенсивно работала над отношениями с теми, кто оставался «снаружи» («draußen»), литературно прописывая свой окружающий или же в настоящий момент для нее недоступный мир, не только для того чтобы суметь

его выдержать, но и чтобы продолжать в нем жить.¹ В своем письме к Хансу Дифенбаху, незадолго до его смерти, она живописует идиллию путешествия по летней Швейцарии, в заключение восклицая:

«Боже правый, сколь прекрасен мир и жизнь!» (GB 5: 189)

Проговаривание правды

В своих речах и статьях Люксембург вновь и вновь повторяла: «Как говорил Лассаль, «явственно проговаривать то, что есть» всегда было и будет революционным действием». (GW 2: 36, см. также ссылку в GEW 7.2: 577 с указанием цитаты у Лассаля) Фолькер Кайза выделяет этот момент как центральный для жизненной установки Люксембург. При этом он употребляет греческое понятие «парресия» (παρρησία), означающее свободную речь обо всём. Первоначально это понятие возникает в античном полисе-демократии, его детальный разбор предлагает Мишель Фуко в своих лекциях в Collège de France, прочитанных в 1982-1984 гг. Как Кайза пишет о Люксембург: «В центре ее политической философии (искусства) жизни находится политика парресии – открытого, свободного, опасного проговаривания правды, беззащитного, не оберегаемого властями высказывания истины, с осознанием сопутствующих этому угроз для жизни. Она провозглашает правду, не цепenea от страха за собственное существование – без обиняков, на свой страх и риск, (почти) в одиночку и также, если иначе не получается, без опоры на партию и сообщество, в которые она входит». (Causa 2017: 14)

1 Ее подруга Луиза Каутская позднее писала о Люксембург: «Как она, великая ценительница жизни, даже пребывая в строгом заключении, умудрялась сделать свое существование достойным и как-то черпать большее удовлетворение, можно даже сказать, большую меру счастья из этого пребывания в темнице, нежели мы другие в те ужасные времена получали от нашей жизни на свободе, – красноречивое свидетельство тому дают ее письма тех дней». (Kautsky 1929: 43f.)

Это проговаривание правды имело у Люксембург различные измерения. *Во-первых*, отсюда складывается требование создавать и сохранять такие политические пространства, в которых свобода мыслящего-иначе оберегается как высшее благо. В качестве говорящего неприкосновенным должен оставаться также и враг. Лишь в пространстве свободной речи могут разворачиваться самоуполномочивание и самоопределение. Поэтому демократия не была для нее некоей проходной ступенью, а диктатура пролетариата должна была отличаться «свободной, непринуждаемой прессой, [...] беспрепятственной жизнью союзов и собраний». Как иначе, спрашивала она, станет возможным «господство широких народных масс» (GW 4: 358) ?

Во-вторых, не следует смешивать проговаривание правды Люксембург с необязательной болтовней. В своих лекциях о парресии Фуко особо подчеркивал свойственное проговаривающему правду экзистенциальное самообязывание: «Парресиаст, практикующий паррессию, это правдивый человек, т.е. обладающий мужеством пойти на риск высказывания правды, причем идущий на этот риск в союзе с самим собой, поскольку он является провозглашающим правду». (Foucault 2010: 94¹) Первоначально правда находится в самом говорящем. Это, в первую очередь, высказывание о себе, подтверждаемое собственным действием.

Завет Люксембург, прежде всего, состоит в том, что она чрезвычайно последовательно принимала противоречия своей жизни как социалистки, несмотря на то, что эта последовательность была чревата пренебрежением какой-либо осторожностью и могла обернуться гибелью. Когда в 1913 году имперский прокурор захотел распорядиться о немедленном взятии ее под стражу в связи с существующей угрозой возможного бегства, то в конце своей защитной речи в зале суда она выкрикнула:

1 {Ср.: Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М., 2020. («Речь и истина» (Лекция 24/10/1982). С. 93 слл.). – Прим. пер.}

«Социал-демократ не бежит! Он не отступает от своих действий и смеется над вашими наказаниями. А теперь приговаривайте меня!» (GW 3: 406)

Эта неотступность от своих слов отличала ее. И в этом она также была радикальной. И только это возводило ее в достоинство проговаривающей правду. Правда ее говорения исходила из правды ее жизни. Проговаривание правды было, прежде всего, выражением подтверждаемой в собственной жизни правды. Она вторит здесь «Откровению Иоанна»: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». (Откровение Иоанна Богослова 3:16)»

В-третьих, проговаривание правды обязывает и того, к кому оно обращено. И другие не должны оставаться «теплыми» – ни политически, ни человечески. Так, работая над подготовкой своего «Кризиса социал-демократии», она писала Косте Цеткину:

«Сегодня была на концерте в Опере – великолепный концерт для фортепьяно Бетховена. Пока слушала музыку, в душе вызревала холодная ненависть к тому сброду, среди которого приходится жить. Я чувствую, что должна написать книгу о том, что происходит, такую книгу, которой еще не доводилось читать ни мужчине, ни женщине, на даже самым древним старикам, книгу, что петлями отхлестала бы это стадо». (GB 5: 28)

Она хотела через проговаривание правды призвать других к истинной жизни, принудить к ней силою языка. Также дело обстояло и в личных отношениях. В одном из своих писем к Лео Йогихесу, ее многолетнему партнеру в работе и жизни, от 21 марта 1895 года она пишет:

«Ах, золотой мой! Знаешь ли, у меня очень жестокие намерения! Seriously, я тут немного подумала о наших отношениях, и если я вернусь, то так в Тебя вцеплюсь, что ты запишишь, вот увидишь! Я тебя полностью затерроризирую. Ты должен покориться, сдаться и преклониться – таково условие продол-

жения нашей жизни вместе. Я должна тебя сломить, пообточить тебе рога, иначе Тебя я не вынесу. Ты плохой человек, и в этом теперь, продумав всю твою душевную физиогномию, я уверена, как в солнце на небе. И я извожу эту ярость в Тебе, ей богу, такие стебли не должны буйно разрастаться. Я вправе это делать, поскольку в десять раз лучше, чем Ты, и в полном сознании проклиная эту сильнейшую сторону твоего характера». (GB 1: 56 f.)

В-четвертых, проговаривание правды было для Розы Люксембург созданием истинной (wahren) реальности – истинных отношений, истинных форм жизни, истинной политики, пусть даже в качестве их про-видимости (Vog-Schein), как это называет Эрнст Блох. Ее языковой праксис осознавался ею как живое предвосхищение того, что возможно, может стать действительностью, если люди заживут по правде. В ее заметках «О русской революции» она формулирует свое видение, критикуя возникающий «реальный социализм» большевистского извода:

«Социалистическая общественная система должна и может быть только общественным продуктом, рожденным из собственной школы опыта, в час свершения, из становления живой истории, которой, точно так же, как и органической природе, чьей частью она, в конечном счете, является, свойственна прекрасная привычка вместе с действительной общественной потребностью всегда производить и средство ее удовлетворения, вместе с задачей представлять и решение». (GW 4: 360)

Такой социализм явился бы обществом живейшего разнообразия, подходя Розе Люксембург в ее самых глубинных предпочтениях, той Розе Люксембург, о которой Пауль Леви писал в 1922 г.: «Ее глубинно уравновешанная душа не знала ни разделений, ни перегородок. Мироздание для нее было пребывающим в становлении живым процессом, где никакая грузоподъемность и никакие кислородные баллоны не смогут заменить

властвование природы, где борение, состязание, стремление людей и великая борьба, которой предавались и индивиды, и полы, и сословия, и классы, и были формой становления. И там она желала не того, чтобы никто не боролся, поскольку всё происходит само собой; но желала самой живой борьбы, поскольку она и есть живейшая форма становления». (Levi 1990: 223f.)

В-пятых, проговаривание правды Люксембург коренилось в ее понимании марксизма. Как подчеркивал Петер Неттл: «Она знала, как оживить марксизм, что не удавалось ни Ленину, ни Каутскому, ни кому-либо еще из ее современников [...] Она была целостной там, где Ленин был избирателен; практичной там, где Каутский был формален; человеческой там, где Плеханов был абстрактен». (Nettl 1967: 24) Люксембург прожила противоречия этого марксизма. Для нее он был ни чистым учением, ни орденом убежденных, ни формализованной идеологией, ни только политическим инструментом, но праксисом жизни и единственно возможной – революционной – реальной политикой. Люксембург считала вызовом для себя, как она писала в 1903-м, что нельзя оспаривать «определенное угнетающее влияние Маркса на теоретическую свободу движения у некоторых из его учеников (GW 1.2: 364). Существовал «мучительный страх, не удержаться в мысли на почве марксизма» (ebd.). И «в отдельных случаях это может оказываться столь же губительным для работы мысли... как и другая крайность – мучительное старание доказать «самостоятельность собственного мышления» посредством полного выскабливания марксистского способа мыслить» (ebd.). Отсюда, конечно же, возникает вопрос, возможно ли в рамках марксизма – и какого марксизма – продуктивное восприятие пережитых Люксембург противоречий.

Свобода это всегда свобода Другого

Нетерпимая к любому оппортунизму, Роза Люксембург настаивала на том, что свобода, дабы она была действительной свободой, а не скрытым принуждением к приспособлению, должна активно содействовать *свободе других, живущих по-своему*. В этом отношении она предвосхищала современные социальные движения. Она стремилась к живому миру, в котором было бы место для многих миров. Для нее равенство в свободе было равенством разных (*der Verschiedenen*). Поведение свободного человека, как она его понимала и практиковала, заключается именно в том, чтобы предоставлять возможность другим быть свободными как другие. И до того, как эта свобода становится правом, она является предъявляемым к собственному действию требованием упразднения всех отношений эксплуатации и подавления, в том числе и не в последнюю очередь, мыслящих иначе.

Ведь от природы или по праву рождения никто не обладает свободой. Достоинство человека, как и его свобода, осязаемы и нуждаются в защите. Никто не сможет длительно отстаивать (*durchsetzen*) свои права, если ему будет недоставать солидарности признавать их за другими и действительно способствовать их осуществлению для них. В противном случае, как он, так и они станут угнетателями и эксплуататорами. Чтобы самому суметь быть свободным, свободу, прежде всего, нужно давать, ее завоевывать и отстаивать *для других* – иначе она будет лишь краденной или купленной.

Свобода в понимании Розы Люксембург бесконечно далека от либерально-рыночного эгоизма или от культа самоосуществления. Свобода, в том виде, в каком сама Роза Люксембург практиковала ее в качестве социальной добродетели, была борьбой за свободу других. Обществом свободных является не то общество, граждане которого защищаются против угнетения лишь

их самих. Тогда, как учит опыт, дело слишком быстро оборачивается так, что они сами принимаются угнетать других, если это позволяют властные отношения, а для их собственных эгоизмов это представляется выгодным. Действительно свободны лишь те, кто противятся угнетению других даже тогда, когда им самим это угнетение выгодно. В понимании Люксембург, свобода – это такое конституирующее отношения поведение, через которое условия свободы предоставляются в распоряжение и другим. Это равно касается и вопроса основополагающих свобод, и отмены тех привилегий, которые не содействуют преодолению социального неравенства. Что, однако, невозможно осуществить без базового изменения отношений собственности и власти и без преодоления примата накопления капитала в экономике и обществе. Потому-то она и была социалисткой.

Свободным можно назвать лишь то общество, в котором свободны каждая и каждый. Но это возможно лишь тогда, когда свободное развитие каждой и каждого способствует солидарному развитию всех. Лишь слепо верящие или циники, словами Люксембург, могут верить, что «невидимые» руки рынка или же «видимые» руки государства могут сотворить это без нашего содействия. Это есть не что иное, как удобное или трусливое перепоручение ответственности за свободу другим. В этом смысле для Люксембург политика всегда была деятельным участием в освободительном солидаристском практике.

Свобода вкладывать деньги, чье обращение становится тоталитарным использованием капитала, берущим верх над мировым обществом и распределяющим богатство и бедность, здоровье и болезни, образование и невежество, мир и войну по противоположным социальным группам, классам, народам и континентам, была для Розы Люксембург жестоким угнетением. Свободу, заключающуюся в том, что малый процент населения планеты расходует подавляющее большинство глобаль-

ных ресурсов, она клеймила как безжалостную гегемонию. Сверхмилитаризованный «свободный мировой порядок» был для нее чисто имперской политикой. Навязываемую в последнее время свободу, позволяющую присваивать генетические коды в качестве частной собственности, она бичевала бы как преступный грабёж. Уничтожение биологического разнообразия планеты она, сострадавшая любому пораненному животному и подавленному растению, прокляла бы как непростибельное варварство.

Одним из непоколебимых предрассудков либеральных обществ является убежденность в том, что свобода противоположна равенству и справедливости. Основанием понимания свободы у Розы Люксембург была солидарность. Лишь те, кто способствуют свободной жизни других, действуют справедливо. И такое понятие свободы, которое зиждется в солидарности и нацелено на равенство в свободе различных, не только чрезвычайно критично по отношению к превращению свободы в варварство привилегированных выгодополучателей социальных преимуществ, но одновременно направлено против всех общественных структур и обеспечивающих их властных отношений, которые как раз и делают возможным это варварство. Постоянно ею используемое выражение «социализм или варварство» можно также проговаривать как «свобода или варварство». А положение «свобода или социализм» в ее глазах было бы столь же несуразным, как и положение «свобода или свобода». Этот оставленный ею нам завет, подтвержденный всей ее жизнью, и составляет чудо Розы Люксембург.

Часть 2: *Уничтоженный авторитет Энгельса и Каутского*

«Марксизм содержит два существенных элемента: элемент анализа, критики; и – как революционный фактор – элемент деятельного воления рабочего класса. Так что тот, кто ограничивает свою деятельность лишь анализом, лишь критикой, отстаивает не марксизм, но какую-то жалкую, загнивающую пародию на это учение». (GW 2: 224)

Мы снова с Марксом – но с каким?

В своей последней публичной речи, в которой она на учредительном партийном съезде 31 декабря 1918 г. обосновывала программу КПП, Роза Люксембург воскликнула: «Сегодня, однопартийцы, мы переживаем тот момент, когда можем сказать: теперь мы снова с Марксом, под его знаменем». (GW 4: 494)

Нужно было вновь воссоздать единство (марксистской) теории и практики. Однако какой Маркс имелся в виду и который из его теоретических подходов (Ansätze)? В своей речи на партийном съезде Люксембург проводит различие между теми позициями, на которых Маркс и Энгельс выступают в конце 1847 – начале 1848 гг. в «Манифесте коммунистической партии», и теми идеями, которые они выдвигали после подавления Парижской коммуны.

«Тогда [накануне революции 1848 года – М.Б.] оба они, а вместе с ними все духовные лидеры пролетарского движения, верили, что непосредственной задачей было введение социализма; для чего необходимо лишь осуществление политической революции, завоевание политической государственной власти, чтобы затем непосредственно воплощать социализм въяе. Однако затем, как вам известно, сами Маркс

и Энгельс предприняли радикальный пересмотр этой позиции». (GW 4: 488)

С этого момента отличаются максимальную и минимальную программы. Эту ревизию стратегии «Коммунистического манифеста» Люксембург усматривает в Предисловии к его немецкому изданию 1872 года. Но в этом Предисловии к «Манифесту» (Marx/Engels 1872: 95 f. ^(М/Э, Соч. 18: 90)) никакого «радикального пересмотра» не обнаруживается. Маркс и Энгельс здесь, скорее, дополняют значимость замещения буржуазной государственной машины в ходе пролетарской революции. При этом они считаются с более долгим периодом относительной стабильности буржуазного порядка в Западной и Центральной Европе, ориентируясь на ведение позиционной войны, что разительно отличается от революционной ситуации 1848 года.

Максимальная и минимальная программы

Если в отношении немецкой социал-демократии Маркс и Энгельс, по большей части, выступали в роли критически-солидарных консультантов, то обращенный к ним в 1880 г. запрос из Франции предоставил им шанс непосредственно соучаствовать в выработке социалистической партийной программы. В 1879 году во Франции под руководством Жюля Гедда и Поля Лафарга была основана «Французская рабочая партия» (*Parti ouvrier français* (POF)). Оба ее сооснователя обратились к Марксу и Энгельсу с просьбой помочь им сформулировать партийную программу, которая должна была быть представлена на обсуждение и утверждение на съезде этой партии в Гавре в ноябре 1880 г. На встрече в начале мая в лондонском доме Энгельса (122 Regent's Park Road) был выработан состоящий из двух частей документ. Его первую часть, «Введение», сформулировал Маркс. За этим «Введением» следовал короткий каталог социальных и демократических требований, который

также называли «минимальной программой», ставший результатом дискуссий, развернувшихся между четырьмя составителями программы. Программа в целом имела ясную политико-стратегическую функцию, а именно служила бескомпромиссному размежеванию с теми социалистическими группами во Франции, которые назывались «поссибилистами» и руководствовались стратегией максимального исчерпывания предоставляемых буржуазным обществом возможностей. Пролетарскую революцию они к таким возможностям не причисляли. Марксово различие максимальной и минимальной программ изначально служило размежеванию с такого рода «реформистскими» представлениями. Сражения за достижение возможного при существующих обстоятельствах недвусмысленно подчинялись *конечной цели* – «революционному действию класса производителей» и «возвращению всех средств производства в коллективную собственность».

Во «Введении» к партийной программе Маркс итожит свое обоснование критически-пролетарского коммунизма. Если существует такой документ, в котором была бы выражена суть марксового коммунизма, то это именно он: несмотря на то, что цитируют его редко. Ниже мы приводим этот текст целиком:

«Принимая во внимание, что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы; что производители могут стать свободными, лишь овладев средствами производства; что средства производства могут принадлежать им только в двух формах:
1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом;
2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим

развитием капиталистического общества;
принимая во внимание,
что такое коллективное присвоение может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей, — или пролетариата, — организованного в самостоятельную политическую партию;
что нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения;
французские рабочие социалисты, выдвигая конечной целью своей борьбы в плане экономическом возвращение к коллективной собственности на все средства производства, решили в качестве *средства для организации и борьбы* принять участие в выборах с нижеследующей *программой-минимум*. (Marx 1880: 238 (М/Э, Соч. 19: 246))

Эта «программа-минимум» подразделялась на политическую и экономическую части. Ее политическая часть требовала обширной свободы прессы, собраний и объединений, отмены дискриминирующих наемных рабочих законов, национализации церковной собственности, всеобщее вооружение народа и создание коммунального самоуправления. Основными требованиями ее экономической части были: ограничение рабочего дня, запрещение детского труда, законодательное установление минимальной заработной платы, равная оплата труда для работниц и рабочих, предоставление политехнического образования за счет общества, самоуправление для рабочих касс, участие работниц и рабочих в принятии решений относительно режима работы на предприятиях. (Также в ней выдвигались требования отмены всех актов приватизации и перевода государственных предприятий в общественную собственность занятых на них рабочих, как и отмены всех косвенных налогов

и преобразования всех прямых налогов в прогрессивный налог на доходы, превышающие 3000 франков, и с наследства, превышающего 20000 франков. (См. сноску 151 в томе 19 немецкого «Собрания сочинений» Маркса и Энгельса (MEW, S. 570f (М/Э, Соч. 19: 574 (сноска 160)).)

Программа «Французской рабочей партии» 1880 года стала прообразом позднейшей «Эрфуртской программы» СДПГ. Выработку проектов к ней взяли на себя Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, доверенные лица Энгельса, — Каутский написал теоретические «Основоположения», Бернштейн — практическую часть, содержащую насущные требования. По своей структуре и направленности «Эрфуртская программа» была подобна программе Французской рабочей партии и стала парадигмой для всех последующих марксистских программ международной социал-демократии. Кроме того, представленная в ней позиция захватывала гораздо более широкие слои, а не только рабочий класс: «Социал-демократическая партия Германии борется... не за новые классовые привилегии и льготы, но за упразднение классового господства и самих классов, за равные права и равные обязанности для всех, независимо от различий пола и происхождения. Поэтому в сегодняшнем обществе она борется не только против эксплуатации и подавления наемных рабочих, но против любого рода эксплуатации и подавления, будь они направлены против какого-либо класса, партии, пола или расы». (SPD 1891a) Особо выделялось и международное измерение этой борьбы, проработанное на учредительном конгрессе Второго Интернационала в 1889 году.

Сведение счетов с «эрзац-марксизмом»

Сводить счета с тем, что она называла «эрзац-марксизмом» СДПГ, Роза Люксембург начала еще до Первой мировой войны, непримиримо критикуя «стратегию исчерпывания» Каутского, которая, в ее глазах, сводилась

лишь к проповеди революционной фразы, на практике же представляла собой рекомендации по оборонческому выжиданию «решающего часа», чтобы тогда захватить власть. В 1918 году, когда она еще находилась в заключении, предъявляемые ею счета стали еще жестче. Когда весной того же года немецкие войска содействовали подавлению финской советской республики, она пишет:

«Эти ратные подвиги в Финляндии и т.д. подводят черту под свершениями *старой н[емецкой] соци[ал]-д[емократии]* и *второго Интерн[ационала]*. Они уничтожают былой авторитет и тактику Энгельса – К[арл] К[аутский]. (GW 7: 1093) «Тактическая программа Энгельса (1895)» (ebd.: 1094) оказалась несоответствующей империалистической эпохе, так что благодеяние, по ее словам, обернулось наказанием. Не была учтена необходимость нового наступления.

То, что Роза Люксембург называла «тактической программой Энгельса», было развито в его размышлениях о стратегии марксистски ориентированной социал-демократии, которые он незадолго до своей смерти сформулировал во «Введении» к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса. При этом ему пришлось – безуспешно – защищаться от вмешательства в его собственный текст. Партийное правление СДПГ потребовало, чтобы партия была представлена в нем как безусловно соблюдающая законы. Кроме того, в газете «Вперёд» была опубликована редакционная статья, озаглавленная «Как сегодня делаются революции», насыщенная выдернутыми из контекста отдельными цитатами, так что раздосадованный Энгельс писал Каутскому, что предстал в ней «каким-то поборником законности во что бы то ни стало» и что необходимо что-то сделать, «чтобы это позорное впечатление было изглажено» (Engels 1895a: 452^{М/Э, Соч. 22: 677 (сноска 508)}).

Стратегия, которую советовал Энгельс, была ясной. Он исходил из того, что дальнейший прирост отдаваемых за социал-демократию голосов будет происходить

«так же стихийно, так же непрерывно, так же неудержимо и вместе с тем так же спокойно, как какой-нибудь процесс, происходящий в природе». Предполагалось, что до конца столетия (т.е. за пять лет!) СДПГ завоюет «большую часть средних слоев общества, мелкую буржуазию и мелкое крестьянство» и вырастет «в стране в решающую силу, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы». Его заключительный вывод: «Способствовать не покладая рук этому росту, пока он сам собой не перерастет через голову господствующей правительственной системы, <не уничтожать этот крепнущий с каждым днем ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня>». (Engels 1895b: 524^{М/Э, Соч. 22: 545-546} – заключенные в угловые скобки части предложения стали жертвой цензурирования сначала в газете «Вперёд», затем в «Новом времени»). СДПГ должна была, с одной стороны, не позволить спровоцировать себя на вооруженные конфликты, с другой же – оставаться в последовательной оппозиции к кайзеровской империи и ее государственным властям. Бебелевская позиция смертельной вражды к капитализму также была позицией Энгельса: «Этой системе – ни человека и ни гроша».

Энгельсовское «Введение» к работе «Классовая борьба во Франци в 1848-1850 гг.» Маркса наделяло высшей ценностью парламентскую форму борьбы СДПГ при строгой замкнутости организаций. Только при этом вытеснялось то, что таким образом Энгельс формулировал *революционную стратегию*, предпочтительную для *периодов относительного спокойствия*. Если для самого Энгельса это было позиционной войной, подготавливающей, в том числе и насильственными средствами, будущее наступление, то теперь это предстало *мирным сосуществованием*. И результат был соответствующим. Резюме Люксембург, сформулированное ею в 1918 году в заключении:

«Старая н[емецкая] социал-д[емократия] и была двурушничеством. Оба ее элемента: ради-

кальная фраза и оппорт[унистский] праксис.
Революционная теория и чисто парлам[ентская]
политика.» (GW 7.2: 1092)

В дискуссии по вопросам программы и стратегии только что основанной КПГ Люксембург противопоставляла тактику Энгельса-Каутского стратегии Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте». Различие между ними Люксембург, прежде всего, усматривала в том, что, в отличие от конца 1847-го – начала 1848-го гг., после подавления Парижской коммуны Маркс и Энгельс исходили из того, что «пролетариату еще предстоит пройти бесконечно долгий участок пути, покуда социализм сможет стать действительностью» (GW 4: 495). Теперь же, в конце 1918 г., оказалось, что программы непосредственных действий «Манифеста» и «Союза Спартака» во многом совпадают. Ее заключительным выводом было то, что «разделение непосредственных, так называемых ‘минимальных’ требований»... и социалистической конечной цели как программы-максимум» должно быть устранено: «Теперь для нас не существует программы-минимум и программы-максимум; и то, и другое – это социализм; это тот минимум, которого мы сегодня и должны добиваться». (GW 4: 496)

С окончанием Первой мировой войны капитализм вошел в завершающую фазу кризиса, единственным выходом из которого, по Люксембург, может оказаться лишь анархия и варварство или же демократия и социализм: «Социализм стал необходимостью не только потому, что пролетариат не хочет далее существовать при тех условиях жизни, которые ему приуготовливают капиталистические классы, но и потому, что, если пролетариат не исполняет свой классовый долг и не осуществляет социализм, нас всех вместе ожидает гибель». (GW 4: 496)

Немецкая «четвертная» революция 1918/19 гг. привела не к гибели и не к социализму, а к долгой фазе нестабильности и к хрупкой Веймарской респу-

блике, преданной элитами в период Великой депрессии и переданной в руки Гитлера и НСДАП. Сегодня, столетие спустя, перед угрозами нового Большого кризиса, вновь поднимается вопрос: какую стратегическую помощь предоставляет нам Марксово наследие, к которому вновь и вновь обращается Роза Люксембург? Чему мы можем научиться у Розы Люксембург, чтобы в ситуациях сегодняшнего выбора обнаружить пути, которые приведут нас к принципиальному изменению направления политики? Готовых ответов не существует, однако, возможно, имеются открывающие их установки или же они явлены раскрывающимися в ее трудах и свершениях противоречиями или, прежде всего, ведомым ею поисковым процессом и теми противоборствами, в которые она вступала.

Ортодоксия Второго Интернационала обращалась с противоречиями социалистической политики как с внешним сосуществованием «теории» и «практики», «реформы» и «революции», «массы», «партии» и «руководства», «здесь и сейчас» и «там и позже», «демократии» и «диктатуры». С началом Первой мировой войны это сосуществование преобразовалось в смертельное противостояние социал-демократии и большевистского коммунизма. Эмансипативное прочтение работ Розы Люксембург столь сложно и потому, что там, где начинается ее производительный поиск, она никогда не фиксируется на какой-либо незыблемой «позиции», но ищет пути оперирования противоположностями социалистической политики и предъявления, схватывания и обобщения *освобождающих* форм политического опосредования этих противоположностей. Те языковые формы, которые она находит, чтобы овладеть этим освободительным оперированием противоположностями, сами пребывают в потоке, являют собой переходы, требуют от читателя отрешиться от простого «или-или». Роза Люксембург – это не классик учения, а *образцово ищущий*. Дальнейший анализ произведений Люксембург

пытается уяснить, как именно она в эпоху империализма разрабатывает революционную стратегию. При этом проявляются подходы, которые до сих пор продолжают использоваться, – подходы к стратегии радикальной трансформационной политики при капитализме и за его пределами.

Часть 3: «**Готовая марксистка**» и польский вопрос

«Мой идеал – это такой общественный порядок, при котором я буду вольна любить всех. В стремлении к этому идеалу и во имя его, наверное, я когда-то смогу и возненавидеть».

Роза Люксембург в шестнадцать лет
(цит. в: Seidemann 1998: 9)

Путь становления Розы Люксембург с того момента, когда она в мае 1898 года осела в Берлине и до ее убийства 15 января 1919 года, определялся процессом перехода от отстаивания «стратегии Энгельса-Каутского» в споре по ревизионизму, вкратце уже очерченной выше, к всё более глубоко идущему пересмотру этой стратегии и к (так и оставшемуся незавершенным) поиску некоей одновременно радикальной и освободительной альтернативы. В дальнейшем мы проследим этапы этого поиска, начиная с известного спора о ревизионизме. Однако у этого спора у Люксембург была своя предыстория.

Должно быть, для немецких социал-демократов появление Розы Люксембург в их среде было подобно явлению Минервы, воинственной дочери Зевса, но вышедшей из головы Маркса. В ее адрес говорили, что она «словно богиня, метаящая из облаков [...] свои разящие фразы» (цит. в: Laschitza 2014: 37). Еще 27-летняя, она уже задает жару старикам из СДПГ, стоило им сразу же со всей жесткостью не воспротивиться попытке ревизии теоретических оснований устоявшейся стратегии со стороны Эдуарда Бернштейна. В тех дебатах Роза Люксембург проявила себя как политик со сложившимся мировоззрением, абсолютно осознающей свои позиции и, как никто другой, непоколебимо убежденной в своих взглядах. Однако явилась она не из ниоткуда, и ее путь к марксизму был очень конкретным. Это был путь

дискуссий с социал-демократами из захваченной тогда Российской империей части Польши относительно убедительной социалистической стратегии.

Основание польской социал-демократии и два ее крыла

Научный руководитель докторской диссертации Розы Люксембург Юлиус Вольф, вспоминая о своей преподавательской деятельности в Цюрихе, отмечал, что ему довелось «предоставить академическую поддержку самой одаренной из студенток моего цюрихского периода, Розе Люксембург»: «... она делала у меня свою работу (превосходную – по теме промышленного развития Польши) на соискание докторского звания по государственоведению ...». Причем Вольф добавляет, что она «между тем уже пришла ко мне готовой марксисткой из Польши и России» (цит. в: Nettl 1967: 75). Но что означало в 1895 году быть «готовой марксисткой» и какое особенное наполнение имела эта марксистскость (Marxistinsein) (Haug 2015)) у юной Розы Люксембург? При каких условиях происходило это формирование? Следует принять во внимание, что ее знакомство с Юлиусом Вольфом произошло не непосредственно после ее бегства из Польши в 1889 году, но уже по прошествии нескольких лет. Вплоть до 1892 года она сначала изучала философию, математику, ботанику и зоологию и лишь потом переключилась на правоведение и, наконец, в 1893 году на государственоведение, где она прослушала курс по политэкономии, посещала лекции Вольфа, а в мае 1897 года с отличием (*magna cum laude*) защитила свою диссертацию «Промышленное развитие Польши». Ниже мы еще коротко представим формирование Люксембург как марксистки.

Еще будучи гимназисткой Второй женской гимназии в Варшаве (где преподавание велось исключительно на русском, а польские девушки принимались лишь

в порядке исключения, в случае особой одаренности), в 1886 году Люксембург вошла в контакт с марксистской группой «Второй пролетариат», складывавшейся вокруг Марцина Каспшака (1860-1905 (казнен в Варшаве)). В 1889 году начались массовые преследования. Предположительно, именно Каспшак организовал ее бегство в 1889-м. Марксистские взгляды Розы Люксембург раннего периода формировались в этой особенной среде польских социал-демократок и социал-демократов в Российской империи. Характерным для этой среды были, с одной стороны, общероссийский поиск революционной стратегии, с другой же – особенность Польши как одной из наиболее развитых частей царской империи.¹

Прежде всего, все революционеры в царской России должны были ответить на вопрос, как возможно свергнуть царизм. «Народники», чье движение формировалось в период реформ по окончании проигранной Крымской войны в 1860-1870 гг., делали ставку на крестьянство и на переход к социализму через высвобождение потенциала крестьянской общины с присущими ей элементами коллективной собственности и самоуправления. После провала их попытки «хождения в народ» и его просвещения возникла идея пробудить массы и открыть путь перемен через царевубийство. Но все покушения и, наконец, убийство Александра II в 1881 году показали, что эта стратегия ведет в тупик. В поисках альтернативы русские социалки и социалисты обратились к Западу. Рабочее движение доказало там, что возможно опираться на другие силы, нежели крестьянство и буржуазия. Существенное влияние оказывал Маркс. В конце 1870 годов в круге Георгия Плеханова происходило первичное формирование марксистской социал-демократии, а в 1883 г. в швейцарской эмиграции обра-

1 На формирование взглядов Люксембург, несомненно, очень повлиял Лео Йогихес, однако он «всегда оставался в тени» (Nettl 1967: 91).

зовалась группа «Освобождение труда». Программным для нее было убеждение, что формирующееся в царской России рабочее движение должно взять на себя руководство борьбой за демократию и социализм. (Pleschov 1956a, 1956b)

Во-вторых, те польские революционеры, которые присоединялись к позициям социал-демократов в России, должны были ответить на вопрос, в каком отношении их социалистические идеи находятся к борьбе за воссоздание самостоятельного польского государства. Восстания 1830 и 1863 гг. были жестоко подавлены царскими войсками. Одновременно началось ускоренное промышленное развитие захваченной царской империей Королевства Польского («Русской Польши»)¹. В своей статье «Социализм в Польше», написанной в 1897 г. для «*Sozialistische Monatshefte*», Роза Люксембург проделывает детальный разбор этого первоначального периода становления польской социал-демократии в Российской империи. Его исходной точкой она считала основание группы «Пролетариат» в 1882 г. Центральным для нее была классовая противоположность пролетариата и буржуазии. Люксембург делает критическое замечание:

1 Далее для обозначения захваченной (besetzten) царской империей части исторической Польши я, преимущественно, использую понятие «Королевство Польское» (Königreich Polen). Этот термин обосновывался фикцией личной унии между царской империей и польской короной, якобы заключенной после победы над Наполеоном. После ряда подавленных восстаний царские власти предпринимали всевозможные меры для преобразования аннексированных польских областей в обычные провинции и их соответствующего административного разделения. Именование «Польша» было запрещено и говорилось о «Привислянском крае». Проводилась политика «русификации».

[Прим. пер.: Формально так называемый «Четвертый раздел Польши» был произведен на Венском конгрессе 1814–1815 гг. О периоде, предшествующем и последующем этому «разделу» см. также в издании: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. (Michał Tymowski; Jan Kieniewicz; Jerzy Holzer. Historia Polski. Paris: Editions Spotkania, 1986.) Гл. XI. «С Польшей или без Польши».]

«Общего понимания экономических тенденций, однако, недостаточно для того, чтобы задать для партии маршрут; необходимо также уяснить активную роль рабочего класса в политическом развитии капиталистического порядка. Но как раз в этом отношении партия тогда находилась не на позициях западноевропейского движения, но на позиции ‘Народной воли’², видевшей в перевороте, осуществляемом немногочисленным революционным меньшинством, средство по овладению государственной машины и, с опорой на народные массы, приведению в действие социальной революции, однако главным инструментом для подготовки переворота считавшей террор». (GW 1.1: 83)

Особую заслугу этой первой польской социал-демократически ориентированной группы в России Люксембург видела в однозначном отказе от любых попыток воссоздания самостоятельного польского государства. Ее основатель и духовный лидер Людвик Варынский (1856–1889 (умер в царской тюрьме)) уже в самом начале «разорвал связи между рабочим движением и национализмом» (GW 1.1: 85) и подчеркнул пагубность программы воссоздания Польши для социалистического движения. «Тем самым – пишет Люксембург, – хотя ‘польский вопрос’ и не получил теоретического разрешения, но со всей желаемой ясностью было сформулировано практическое отношение к нему». (ibid.) К этой же позиции был близок и вышеупомянутый Марцин Каспшак.

В этом разборе нашли выражение важнейшие идеи «готовой (польской) марксистки» Люксембург: исходящее из экономической структуры общества понимание социалистической стратегии, ориентирующейся

2 «Народная воля» — подпольная революционная народническая организация, действовавшая в царской России (1879–1883/1884 гг.) и делавшая ставку на пропаганду (через партийные издания, в т.ч. одноименной газеты (1879–1885)) и террор как средства свержения царизма. Организовывала ряд покушений на царя Александра II, в т.ч. успешное, приведшее к смертельному ранению царя (1 марта 1881 г.).

на единство борьбы за реформы и революционного целеполагания; выделение роли рабочего движения как центральной силы, которую невозможно заместить никакими организациями и представительствами; и однозначный отказ от любого объединения социалистической борьбы с борьбой за воссоздание польской государственности.

В конце 1880-х – начале 1890-х годов в Королевстве Польском началось формирование самостоятельного рабочего движения. В мае 1892 г. в Лодзи десятки тысяч текстильщиков участвовали в девятидневной всеобщей стачке. Царское правительство задействовало войска и жестко подавило это выступление, причем более 160 рабочих и работниц погибло. Эти события дали толчок для создания двух польских социал-демократических партий за границей. Начало положили группы, встретившиеся поздней осенью 1892 года в Париже и инициировавшие основание Польской социалистической партии (PPS {ПСП}). При этом были приняты два важных решения относительно ее направленности: «Во-первых, судьба польского социалистического движения была отделена от будущего становления российского движения, поскольку пока что социалистическое движение [...] в России находится еще в младенческом состоянии [...]. Во-вторых, однако, перед социалистическим движением в Польше с самого начала была поставлена задача распространения его деятельности за границы Королевства Польского, поскольку искомая республика должна была состоять и из других частей, а не только из находившихся в составе России [...]» (Politt 2015: 10) Путь к польской республике, согласно позиции ПСП должен был проходить через рабочее восстание в Королевстве Польском.

Другая группа эмигрантов из Королевства Польского и из Литвы образовалась в Цюрихе. Там Лео Йогихес, Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский и Адольф Варский разрабатывали другую стратегическую

линию. В июле 1893 г. они создали парижскую эмигрантскую газету *Sprawa Robotnicza* («Рабочее дело»). Финансирование взял на себя Йогихес из средств отцовского наследства. Он же организовывал нелегальное распространение тиража. В передовице первого номера новой газеты Роза Люксембург и Лео Йогихес писали:

«Русский рабочий – наш собрат в нужде и со товарищ в борьбе. Так же как и мы, он начинает понимать, что борьба против царского режима неизбежна. Нищета его пробудила, и он также стремится к борьбе. Поэтому русский рабочий объединится с нами против общего врага. Поэтому царское господство, сковавшее нас – как поляков, так и русских – теми же рабскими узами, падет от руки его объединившихся врагов, от руки рабочего народа Польши и России!» (Luxemburg/Jogiches 2015: 25) Люксембург и Йогихес долго настаивали на том, что любая «частичная солидарность» является врагом международной солидарности, «двусмысленностью, из-под которой выглядывает дьяволизм национального антогонизма» (GW 2: 503).

Эта соотнесенность с общим «народом» рабочих и работниц для Розы Люксембург была опосредована теми товарищами, которых Петер Неттль назвал ее «группой единомышленников». Уже в первый период ее нелегальной деятельности в Варшаве Роза Люксембург встретилась с людьми, тесную связь с которыми она сохраняла на протяжении следующих десятилетий, – с Адольфом Варским (1868-1937 (жертва «Большого террора»)) и Юлианом Мархлевским (1866-1925). В Цюрихе к этому кругу также, прежде всего, добавился Лео Йогихес, ее возлюбленный и партнер на протяжении многих лет. Это собственно и была ее конкретная родина – сеть межчеловеческих политических отношений, сохранявшаяся 30 лет, вплоть до убийства Люксембург и Йогихеса. Эта общность с единомышленниками и собственное стремление к насыщенной жизни придавали ей силу взорвать панцирь покорности ортодоксального марксизма и да-

лее разрабатывать освободительные подходы также и за его пределами.

Однако на 1893 год всё это еще находилось в далеком будущем. Первоначально Люксембург была сориентирована на становление марксистской социал-демократкой в самом узком смысле слова. В качестве редактора газеты «*Sprawa Robotnicza*» Люксембург уже в 23 года впервые выступила на трибуне Второго Интернационала, чей конгресс состоялся в Цюрихе 6-12 августа 1893 года. Она сделала доклад о развитии социал-демократии в Королевстве Польском. С одной стороны, она подчеркивала базовое согласие, объединявшее всю вдохновенную марксизмом социал-демократию Европы убеждение в том –

«что роль социал-демократической партии заключается в том, чтобы целенаправленно выводить развивающуюся борьбу пролетариата, срывающуюся при капитализме на элементарное насилие, на противостояние существующему общественному порядку; что борьба на экономическом поле за повседневные интересы работающих классов, борьба за демократические формы правления являются той школой, которую необходимо пройти пролетариату, чтобы он оказался способен низвергнуть сегодняшнее общество» (GW 1.1: 7).

Также от имени своей цюрихской группы она обосновывала, почему борьба за воссоздание польского государства является несовместимой как с социалистическими целями и методами борьбы, так и с задачей прекращения угнетения польской нации.¹ Будет уместно процитировать ее позицию полностью:

«Программа воссоздания самостоятельной Польши, поскольку она не считается с действительностью, не может породить такой политической деятельности, которая соответствовала бы нуждам пролетариата. Общая политическая программа-минимум рабоче-

¹ Ту же программу она затем выдвигает и в период революции 1905 года в царской России (см., н-р, GW 2: 51 ff.).

го класса трех польских земель, одна из которых [в немецком Рейхе] обладает относительно широкой политической свободой], вторая [в габсбургской империи] – наделена довольно убогими политическими правами и еще должна завоевать для себя всеобщее избирательное право, а третья [в царской империи] полностью находится под гнетом абсолютизма, – такая общая программа сегодня практически невозможна, поскольку политическая деятельность рабочей партии всегда должна соответствовать данным политическим формам. И принять сегодня такого рода программу как политическую означало бы отказаться от любой политической деятельности вообще. А рабочий класс должен ею заниматься, и привлечь его на свою сторону возможно лишь реальными требованиями, такими, которые уже сегодня порождают практическую борьбу во имя действительных, насущных и важных потребностей. Сегодня таким основывающимся на реальных обстоятельствах действием для пролетариата Галиции является значимая для пролетариата всей Австрии борьба за всеобщее избирательное право. Для познанского и силезского пролетариата политически программными являются совместные с немецкой социал-демократией действия. Для пролетариата русской Польши – это соответствующая их действительным жизненным обстоятельствам, как и ситуации всего пролетариата Российской империи, деятельность, направленная на свержение абсолютизма. И эта программа вытекает как из потребностей его повседневной экономической борьбы, так и из его социалистических устремлений вообще. Эта программа, полагая целью завоевание таких политических прав, которые, в лучшем случае, соответствуют его локальным интересам, одновременно делает для него возможным защитой от правительственной политики русификации. Наконец, эта программа напрямую ведет рабочий класс к триумфу социализма и одновременно приближает его к тому моменту, когда вместе с окончательным упразднением любого угнетения будет

бесповоротно устранено и притеснение польской национальности и какое бы то ни было подавление культур будет лишено основания». (GW 1.1: 12f.)

Вопреки нередким домыслам, отказ Люксембург от борьбы за воссоздание польского государства не обосновывался антinationально. Она исходила из того, что минимальная и максимальная программы должны составлять единое целое, что актуальная, ведущаяся здесь и сейчас, борьба должна исходить из конкретных потребностей и реальных возможностей. Лишь так может произойти осознание рабочими и работницами того, что эти очень конкретные цели дня наиболее эффективно достигаются на пути социалистической борьбы. Это практическое единство ближайших и дальних целей она позднее назовет «революционной реальной политикой». Выдвижение таких целей, которые, по ее оценке, являлись недостижимыми – как воссоздание польского государства, – противоречило бы этому. Центрирование борьбы на собственном польском государстве, по ее мнению, разрушало бы это единство и жертвовало бы социалистической целью ради создания буржуазного национального государства, причем без того, чтобы эта национальная цель, в свою очередь, оказывалась бы достижимой. Она исходила из того, что при социалистическом обществе любые основания для национального угнетения устраняются, так что сам вопрос о принадлежности к одному или другому государству лишается какого-либо значения. Локального самоуправления и культурной автономии будет достаточно, чтобы покончить с любой дискриминацией и воплотить собственную коллективную культурно-языковую идентичность. Совместная жизнь различных наций и национальностей в одном государстве была для нее, как и для многих в Центрально-Восточной, Юго-Восточной и Восточной Европе, исторической данностью, так что, в ее перспективе, нужно было только преодолеть обременяющие эту данность формы угнетения. О них она знала не понаслышке. К тому же: если пролетариат окажется в

силе «осуществить воссоздание Польши, вопреки политикам государств-захватчиков и польской буржуазии, тогда ему будет по плечу и задача социалистического переворота» (GW 1: 22). Она считала, что легче добиться социализма, чем воссоздания Польши как собственного государства.

Хотя мандат Розы Люксембург как делегатки конгресса Второго Интернационала был успешно оспорен Польской социалистической партией (девятью голосами представителей различных стран против семи), но ее защитительная речь (см. об этом также GW 6: 71) произвела огромное впечатление. Это впечатление было настолько велико, что лидер бельгийских социалистов Эмиль Вандервельде позднее даже не помнил, что в вопросе по мандату Люксембург проиграла: «Это до сих пор у меня перед глазами, как она выскакивает из толпы делегатов и запрыгивает на стул, чтобы ее лучше было слышно. Маленькая, тонкая, хрупкая в ее летнем платье [...] она отстаивала свою позицию с таким магнетизмом во взгляде и столь пламенными словами, что большинство Конгресса, убежденное и очарованное, проголосовало за ее мандат». (цит. в: Nettl 1967: 83)

Прямым следствием поражения на Социалистическом конгрессе в Цюрихе в августе 1893 г. стало то, что уже в том же месяце группа вокруг Лео Йогихеса основала партию Социал-демократия Королевства Польского (SDKP; с 1900 г. – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (SDKPiL)). Подпольный учредительный съезд партии в Варшаве в марте 1894 г. взял написанную в июле 1893 г. Йогихесом и Люксембург передовицу в качестве партийной программы и утвердил «Рабочее дело» как свой печатный орган. Таким образом состоялся раскол молодой польской социал-демократии на ПСП и СДКП, последовало противоборство между их программами и стратегиями, сопровождавшееся жесткими и зачастую жестокими схватками за влияние как в польских областях, так и во Втором Интернационале.

Диссертация Люксембург

Характерной для марксистской традиции спецификой было то, что любой политический вопрос должен был решаться также и теоретически. Политическая ответственность марксизма прямо выводилась из его строгой научности. Ленинское выражение «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» (Ленин, ПСС 23: 40) было не просто фразой, но широко распространенным убеждением. Казалось, что только марксизм мог дать ответ на вопрос об исторических тенденциях развития и движущих силах. Как это формулировалось в «Манифесте»: «Коммунисты [...] на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения». (MEW 4: 474 ^{М/Э, Соч. 4: 437}) Поэтому перед польской социал-демократией круга Лео Йогихеса и Розы Люксембург стояла задача исходя из марксистской парадигмы вывести такое понимание, которое своей научностью превосходило бы его конкурентов и противников. Это стало предметом диссертации Люксембург. Главным ее вопросом было установление того, существуют ли такие дееспособные силы, которые были бы заинтересованы в учреждении польского государства.

В тот период, когда Ленин в сибирской ссылке работал над своей книгой «Развитие капитализма в России», чтобы дать научное обоснование социал-демократической стратегии для России, Роза Люксембург с той же целью, но в отношении Польши писала свою работу с политически более безобидным названием «Промышленное развитие Польши», вышедшую в свет в 1898 г. в издательстве Duncker & Humblot. То есть и в научном плане она также представляла собой исключительное явление: будучи женщиной и марксисткой, она с отличием защитила докторскую по экономике,

причем эта ее работа была опубликована одним из наиболее авторитетных научных издательств Германии. Тот вызов, который бросила Люксембург, был особенно значим, потому что она, опираясь на развитое Марксом и Энгельсом понимание истории, прямо противоречила им в польском вопросе.

Для Маркса и Энгельса борьба за воссоздание польского государства была чем-то абсолютно само собой разумеющимся. В «Предисловии» к польскому изданию «Манифеста» (1892) соответствующая формулировка Энгельса совершенно недвусмысленна: «[...] быстрое развитие польской промышленности, оставившей русскую позади, является, в свою очередь, новым доказательством неиссякаемой жизненной силы польского народа и новой гарантией его будущего национального воссоздания (Wiederherstellung). А воссоздание независимой сильной Польши – это, однако, дело, которое касается не только поляков, но и всех нас. Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своём собственном доме». (MEW 22: 283 ^{М/Э, Соч. 22: 290})

На это утверждение Люксембург отвечает следующим образом:

«Высказывания основателей научного социализма непозволительно и невозможно [...] истолковывать как указание по практической повседневной программе польского пролетариата, поскольку они соотносят их лишь с конкретными условиями внешней политики, а не с внутренней классовый борьбой и не с итогами процесса социального развития Польши. Вообще же эти высказывания, как по своему происхождению, так и по характеру, скорее, принадлежат тому славному времени, когда 'поляк и революционер – по крайней мере, в национальном смысле – значили одно и то же' [...)].» (GW 1.1: 33 – цитата соотносится со статьей Энгельса «Демократический панславизм» в «Новой Рейнской газете» (1849) (MEW 6: 283 ^{М/Э, Соч. 6: 303})).

Тем самым Люксембург намекала на то, что для Маркса и Энгельса еще в 1860 гг. успешное польское восстание против царского господства было потому столь значимым для демократического движения в Западной Европе, что оно могло ослабить царскую империю и сокрушить ее способность реакционного вмешательства в Центральной Европе. Люксембург возражала на эту позицию Маркса и Энгельса:

«Большинство высказываний социалистов из Западной Европы относительно польских национальных устремлений выказывают ту характерную особенность, что при этом о внутреннем социальном характере этих устремлений в *Польше* обычно судят по той роли, которую им приписывают для международных отношений в *Европе*. По нашему мнению, было бы правильнее, наоборот, заключать о роли этих устремлений к объединению Польши для *Европы* из того характера, который они не могут не принять в *Польше* вследствие существующих там социальных отношений». (GW 1.1: 42f.)

В 1896 г. Роза Люксембург начинает публиковаться в издаваемом Карлом Каутским «Новом времени» (*Neue Zeit*), оплоте научного марксизма. Если в своей первой большой статье для «Нового времени» она разбирает польские социалистические течения в Австрии и Германии, то во второй столь же обширной статье «Социал-патриотизм в Польше» обращается к реалиям Российской империи. При этом она возвращается и к тем изысканиям, которые легли в основу ее диссертации. Ее заключительный вывод:

«Таким образом тенденции капиталистического развития в Польше ведут к ее экономическому вращанию (Einverleibung) в Российскую империю. [...] Следствием обозначенного направления социального развития является то, что теперь в Польше не существует такого общественного класса, который был бы заинтересован в воссоздании Польши и которому одновременно было бы по силам действительно

осуществить этот интерес». (GW 1.1: 46; курсив – М.Б.)

Ни у дворян, ни у крестьян, ни у крупной, ни у мелкой буржуазии, как и ни у интеллигенции, не было одновременно интереса и сил к ведению такой национальной борьбы. Либо она противоречила их интересам, либо ее осуществление было им вовсе не по силам – т.е. о сочетании и первого, и второго и речи быть не могло.

Согласно Люксембург, унаследовать эту национально-освободительную борьбу не мог и польский рабочий класс. Сила рабочего класса зависела от экономического прогресса, который, однако, был связан с интеграцией в общероссийское экономическое пространство:

«Включение пролетариатом независимости Польши в свою программу, привело бы к торможению процесса экономического развития». (GW 1.1: 50)

Поскольку социализм полностью обосновывается исходя из тенденций экономического развития, Люксембург большей частью идентифицировала интересы пролетариата именно с ними. Если Польша оторвется от России, то экономический регресс будет неизбежен. Поэтому ориентация на национальную самостоятельность представлялась Люксембург обращенной в прошлое. Если бы пролетариат сделал своим требованием о воссоздании польского государства, это значило бы для него:

«Повернуться спиной к его конечной цели, социализму, результату социального развития; если же он хочет обратиться лицом к этой цели, то должен отвернуться от [задачи] воссоздания Польши». (ebd.)

Либо одно, либо другое. Экономический редукционизм, выравнивающий особенность национального угнетения в пользу выделения классово обусловленного угнетения, необозрим. Однако реальное угнетение – это «узлы господства, взаимная переплетенность различных ветвей, друг друга поддерживающих и укрепляющих» (Науг 2013: 11), что невозможно свести лишь к классовым отношениями, как того хочет Люксембург. И поэтому то,

какая ветвь в какой именно момент доминирует в узле, нельзя определить последовательно «марксистски», как она полагает.

Диссертация Розы Люксембург о промышленном развитии Королевства Польского – это, во-первых, объемное, ясно структурированное и эмпирически фундированное исследование по интеграции растущей польской промышленности в российский рынок. Во-вторых, в ней показывается, какие собственные интересы имело царское правительство в таком развитии, обещающем надолго привязать Польшу к России. И в-третьих, в ней выдвигается тезис о том, что польская буржуазия полностью фиксирована на России и постоянно обращалась к царской деспотии за помощью в подавлении собственных рабочих. Поэтому польская буржуазия отказывалась от национальной самостоятельности равно и по экономическим, и по политическим основаниям.

Люксембург, совершенно так же, как Маркс в 1-м томе «Капитала», в начале своего экономического анализа взывает к диалектике исторического процесса, выводя в этой связи в последних предложениях диссертации стратегически революционное заключение:

«Капиталистическое слияние (*Verschmelzung*)

Польши и России производит в качестве конечного результата то, чем равно пренебрегают и русское правительство, и польская буржуазия, и польский национализм: объединение польского и русского пролетариата в будущего управляющего (*Syndikus*) по банкротству сначала русского царистского господства, а затем и господства польско-русского капитала». (GW 1.1: 211)

Поэтому она неумолимо отстаивала программу единства всех социал-демократических сил внутри отдельного государства (*eines Staates*): Ее позицией было:

«[...] лишь через общую политическую организацию, объединяющую все силы пролетариата в государстве в единой, общей политической борьбе, только

и могут рассчитывать на осуществление отдельные оправданные устремления разных частей пролетариата». (GW 6: 76)

Но вместе с тем Люксембург хранила как зеницу ока самостоятельность ее собственной польской партии по отношению к российской социал-демократии.

Когда Роза Люксембург в 1898 г. переехала в Германию, ее марксизм мог казаться столь «готовым» потому, что формулируемая в ее круге польско-литовских социалистов политическая стратегия вполне соответствовала тому пониманию социализма, которое на тот момент было ведущим в социалистическом рабочем движении. Однако в Восточной Европе ему была свойственна особенная революционная острота. Центральными элементами этого марксизма было: (1) непрерывное развитие к капитализму; (2) связанное с этим вырастание рабочего движения в революционную силу [устремленную к] демократии и социализму; (3) первенство общих интересов над всеми национальными различиями; (4) теснейшее объединение борьбы за осуществление непосредственных социальных, политических и культурных интересов с борьбой за социалистическую конечную цель; и (5) проводимое социал-демократической партией обучение рабочих и работниц на этой основе. Как Тони Клифф пишет о Люксембург: «В Германию она привнесла «русский» порыв (*Elan*), порыв к революционному действию. В Польшу и Россию она привнесла «западный» дух убежденности в демократии и самоосвобождении рабочего класса». (Cliff 1969: 89) Но поэтому же Люксембург привнесла революционный тон и жесткость позиции и в СДПГ, которые были абсолютно чужды многим партийным функционерам нового поколения.

Диссертация Люксембург была оригинальным марксистским исследованием, в своих политических выводах она противоречила выдвинутой Марксом и Энгельсом позиции относительно воссоздания поль-

ского государства и имплицитно ставила вопрос о том, в каких противоречивых отношениях могут находиться социальное и национальное освободительные движения, – вопрос, убедительного и обобщающего ответа на который сами отцы-основатели марксизма так никогда и не нашли. *Марксизм Розы Люксембург периода 1890-х гг. представлял собой целостность стратегии и теории, чья композиция зависела от незыблемости каждой ее отдельной составляющей.* Атака на любую из этих составляющих грозила обернуться обрушением всего целого. Потому-то и ответила она столь жесткой критикой на попытку ревизии марксизма со стороны Бернштейна. Дело шло о целостности. Но прежде чем обратиться в следующей части к разбору ее полемики с Бернштейном, бросим взгляд вперед – на отстаиваемые Люксембург позиции в дебатах по вопросу о национальностях (Nationalitätenfrage) и автономии в середине 1900-х гг.

Еще раз «польский вопрос» – 1908/1909 гг.

13 марта 2018 на стене дома детства Розы Люксембург¹ внезапно обнаружился пробел. С 1979 г. на этом месте висела памятная доска в честь Люксембург. Теперь эту памятку удалили. Такова установка новой политики памяти (и вытеснения), проводимой консервативным польским правительством. Розу Люксембург обвиняют во враждебности по отношению к воссозданию польского государства. Дескать, она отрицала право на национальное самоопределение народов. Однако истина всегда конкретна (см. работу Politt 2012, на которую я здесь опираюсь).

Чтобы понять позицию Розы Люксембург по вопросу о воссоздании польского государства, нужно, пре-

1 Предположительно, семья Люксембург переехала в этот дом через несколько месяцев после ее рождения (см. соотв. комментарий в: Holger Politt 2018)

жде всего, уяснить себе то, что она – в отличие от других социалистов – исходила из того, что «границы между большими территориальными государствами», поделившимися между собой Польшу, являются «незыблемыми» («unverrückbar»): «Те разрезы, переделы и насильственные изменения, которые появились на политической карте Европы по итогам Первой Мировой войны, т.е. всего лишь несколько лет спустя, предвосхитить она не могла. Наоборот, здесь на большой сцене политики оказались задействованы все те, кто в центральной и восточной частях Европы выступали за независимые национальные государства, как это, в случае Польши, делал Пилсудский». (Politt 2012: 30) Как Люксембург высказалась на Международном конгрессе социалистов в июне 1900 г. в Париже, она и ее товарищи убеждены в том,

«что пролетариат не способен ни к изменению политической и капиталистической географии, ни к образованию новых буржуазных государств, но он принужден организовывать себя на существующих, исторически возникших основаниях, чтобы обрести социалистическую власть и социальную республику» (GW 6: 303).

В отличие от Ленина, она не считалась «со всеми возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями» (Ленин, ПСС, 7: 239). Когда в конце Первой Мировой войны рухнули все три империи, с 1772 года разделявшие между собой Польшу, действительно реализовалась одна из ранее только «мыслимых» возможностей. Но во всех высказываниях Люксембург можно разобрать, лишь осознав, что для нее как раз такая ситуация была исключена. Для нее вопросом было, каким образом польские социал-демократы могут проводить социалистическую политику при условии *стабильного* существования российской, германской и габсбургской империй, а не в случае их общего краха. Наиболее развернутый разбор этой темы она проводит в работе, на-

писанной в 1908/09 гг. для редактируемого Йогихесом журнала *Przegląd Socjaldemokratyczny* и вышедшей под названием «Вопрос национальностей и автономия».

Исходной для Люксембург была позиция, согласно которой революционная реальная политика не может руководствоваться абстрактными идеалами, действительное осуществление которых невозможно. И в отношении Польши таким абстрактным идеалом для нее было создание модерного национального государства. Она считала это «химерой» («Hirngespinst») (AR: 45). Политика должна делаться с опорой на факты:

«Требования политической программы формулируются с определенной целью, дабы сделать возможным непосредственное, практическое и исполнимое в реалиях буржуазной системы решение тех насущных задач общественной и политической жизни, которые распространяются на поле классовой борьбы пролетариата, чтобы они служили указателями пути для повседневной политики и ее нужд, чтобы они звали к политическому действию рабочей партии и вели в соответствующем направлении, чтобы они, наконец, отграничивали революционную политику пролетариата от политики буржуазных и мелкобуржуазных партий» (NA: 50). И она добавляет: «Социализм современного рабочего класса, прежде всего, научный социализм, не падок до предельно радикально и великодушно звучащих лозунгов решения общественных и национальных проблем, но сначала разбирается в реальных условиях осуществления этих задач». (NA: 59)

Люксембург была польской патриоткой, если оценивать патриотизм по любви и уважению к собственной национальной культуре и проявляемому участию по отношению к людям, воплощающим эту культуру. Однако для нее путь к этому свободному разворачиванию польской культуры проходил не через польское национальное государство, но через социализм.

«[...] ведь общество лишь тогда обретает фактическую возможность свободного самоопределения в

отношении своего национального бытия (Dasein), когда обладает возможностью сознательно определять свое экономическое существование (Existenz), свои условия производства. И «нациям» удастся овладеть своим историческим бытием тогда, когда человеческое общество сумеет овладеть своим историческим процессом». (NA: 72)

А если капитализм уже возник в крупном территориальном государстве, то путь через национальное государство оказывается лишь обходным. И ведет он назад, в прошлое (NA: 93, 103). Она исходила из ряда допущений, которые, если хотят оценить ее выводы, следует принимать всерьез – независимо от того, разделяют эти допущения или нет. Прежде всего, она подчеркивала, что все большие национальные государства являются «захватническими государствами» («Eroberungsstaaten») (NA: 66), которые, создавая целые империи, держат в полной зависимости маленькие государства, так что о действительном самоопределении и речи быть не может (см. NA: 65), даже если эти меньшие государства формально и обладают полной независимостью. В виду капиталистической тенденции к централизации попытка основывания в Европе новых национальных государств может привести лишь к реакционным последствиям и лишь усилить угнетение национальных меньшинств. Демократизация существующих территориальных государств и завоевание в них гражданских и культурных свобод, прежде всего, свобод на использование собственного языка и культуры, на создание соответствующей системы образования и т.д., как это виделось Люксембург, при существующих условиях были единственным возможным прогрессивным путем.

Поэтому при изложении своих собственных взглядов она предпочитала использовать термин «вопрос национальностей» (Nationalitätenfrage), а не «национальный вопрос» (nationale Frage). В ее видении именно радикальная демократизация территориальных государств выступала условием вырастающей из нее соци-

алистической революции в Восточной и Центрально-Восточной Европе. Борьба же за национальное государство, по ее твердому убеждению, неизбежно вытеснила бы борьбу за социализм и ослабила бы прогрессивные силы. Люксембург была несогласна с Лениным, считавшим, что *в каждом* «буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание» (Ленин (1914) ^(ПСС, 25: 275)). Она стремилась доказать, что такое общее содержание может раскрываться лишь через борьбу за демократизацию всего государства. Для Ленина собственную опасность представлял «национализм великороссов», поскольку он был «феодалным национализмом» (ibid.). Именно такой реакционный характер Люксембург, однако, видела и в польском национализме.

Люксембург демонстрировала расистско-колониалистские истоки дебатов по этой теме. Частой практикой тогда было отделение «вопроса о колониальных завоеваниях от вопроса национальностей».

«Защитники ‘права наций’ зачастую, сознательно или бессознательно, принимали эту точку зрения, причем ей соответствует и та позиция по вопросу колониальной политики, которую разделяли, например, в среде немецких социал-демократов Эдуард Давид или ван Коль среди голландцев, и согласно которой колониальные завоевания вообще являются выражением исполняемой европейскими народами цивилизационной миссии, остающейся, якобы, необходимой и при социалистической системе. Эту позицию как своего рода ‘европейское’ применение философского основоположения Фихте можно коротко резюмировать через его известную переформулировку Людвигом Бёрнесом: ‘Я это я, а то, что вне меня – лишь средства пропитания’. И только если считать европейские народы собственно нациями, а колонизированные народы, напротив, лишь ‘средством пропитания’, то можно говорить о ‘национальных государствах’ в Европе [...]. Но в таком

случае ‘право наций на самоопределение’ оказалось бы теорией господствующих рас, недвусмысленно явив свое истинное происхождение из идеологии буржуазного империализма [...]» (NA: 68)

Люксембург критически относилась к представлению о том, что по вопросу национальностей социал-демократам должно просто следовать мнению большинства. Ведь «традиционные формы сознания» большинства суть «по большей части, формы буржуазного сознания, чуждые идеалам и устремлениям социализма» (NA 75), так что их следует революционизировать.

Относительно Российской империи Роза Люксембург формулировала конкретные идеи о территориальном самоуправлении с гарантированными правами для представителей разных национальностей. Она детально прорабатывала эти вопросы применительно к областям общественного попечительства, образования и культуры, локальной инфраструктуры и пр. В отношении распределения национальностей по многим регионам Российской империи она исходила из того, что каких-то оснований для самоуправления на почве национальностей не существовало – за единственным исключением Королевства Польского. Лишь там, согласно Люксембург, обнаруживались предпосылки для автономии страны – лишь там национальность выказывала наличие «собственного гражданского развития [...], собственной городской жизни, собственной интеллигенции, собственной литературной и научной жизни» (NA: 168). Никакая другая относительно замкнутая территория Российской империи не располагала аналогичными условиями.

Часть 4: *Революционная реальная политика*

«В программе социал-демократии [...] имеется немало требований, которые могут быть приняты и буржуазным правительством. [...] И тем самым, опять-таки, показывается [...], что в любой социал-демократической борьбе дело, в первую очередь, идет не о Что, но о Как». (GW 1.1: 485)

16 мая 1898 года Роза Люксембург приезжает в Берлин. Здесь, в столице кайзеровской Германии, она, защитив свою диссертацию, хотела обрести новое поле деятельности в рядах сильнейшей и влиятельнейшей социал-демократической партии Европы. Ее публикации по «польскому вопросу» в немецкой партийной прессе и выступление на конгрессе Второго Интернационала уже создали ей некоторую известность. Кроме того, «польский вопрос» был также и внутринемецким вопросом. Уже вскоре после ее переезда Люксембург, по согласованию с правлением СДПГ, погружается в избирательную борьбу в Верхней Силезии. Но ее предложение, задействовать ее как оратора также и на дополнительных выборах в других местах, было отклонено (см.: Laschitza 2002: 89). Казалось, что место для нее уже было определено – работать среди польских рабочих и работниц в Германской империи (Deutschen Reich). Однако запущенная Эдуардом Бернштейном в 1898 году дискуссия по программе и стратегии социал-демократии предоставила ей шанс выдвинуться в центр социал-демократической политики в Германии. Вступив в эту дискуссию, 27-летняя Люксембург вышла на большую сцену немецкой социал-демократии. Систематически подготовившись, она всего за пару дней пишет свою первую серию статей для «*Leipziger Volkszeitung*» (GB 1: 204). Уже в октябре 1898 года она как делегат принимает участие в

партийном съезде в Штутгарте – одна из шести женщин из, в общей совокупности, 252 делегатов и одна из шестерых присутствовавших, обладавших академической степенью. (см.: Hirsch 1969: 37)

Предпринятая Бернштейном ревизия марксизма радикально ставила под вопрос как раз то понимание стратегии социал-демократии, которое в предшествующее десятилетие было выработано Люксембург совместно с ее польскими коллегами. Та стремительность, с которой Люксембург вступила в немецкую дискуссию, объясняется также и этим. Для нее затронутой оказалась самая суть того, что она понимала как революционную демократию. Не случайно, что Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд, 1867–1924) совместно с Люксембург были среди самых принципиальных противников Бернштейна. Он разделял с ней опыт очень тесной взаимосвязи борьбы за повседневные интересы и революционной деятельности в царской империи. Два восточноевропейских аутсайдера и возглавили атаку на Бернштейна внутри СДПГ.

Новые вопросы к старым ответам

Эдуард Бернштейн (1850–1932) уже в 1872 г. вступил в ряды Социал-демократической рабочей партии [SDAP] Бебеля и Либкнехта (так называемых «эйзенаховцев» («Eisenachern»)) и взаимодействовал с ними при подготовке объединительного со Всеобщим германским рабочим союзом [ADAV], лассалианцами, съезда партии. В период действия «Исключительного закона против социалистов» ему пришлось эмигрировать – сначала в Швейцарию, а позднее, после его высылки из Швейцарии, в Англию. В то время он был редактором «Социал-демократа» (*Sozialdemokrat*), издававшегося сначала в Швейцарии, а потом в Англии. На протяжении многих лет эту газету нелегально завозили в Германию для дальнейшего распространения. Бернштейн вместе в

Карлом Каутским внесли ключевой вклад в разработку Эрфуртской партийной программы СДПГ 1891 года, в которой Бернштейн сформулировал основы так называемой «программы-минимум», конкретных требований реформ. Помимо этого, в Англии Бернштейн завязал тесный дружеский контакт с Фридрихом Энгельсом, который его очень ценил. То есть Бернштейн принадлежал к самому внутреннему кругу партии и, наряду с Каутским, считался ее ведущим теоретиком (Vordenker).

Непосредственно после смерти Фридриха Энгельса Бернштейн начал выражать свои сомнения в базовых программных посылках социал-демократической стратегии. В 1896/97 гг. публикуется серия статей Бернштейна под названием «Проблемы социализма. Свое и переведенное». Он указывает на существование, наряду с утопизмом «моделей будущего государства», еще и другого утопизма. Социализм представляется как избавление от всех зол, причем «в кратчайшее время»: «Проводится жирная черта: здесь – капиталистическое общество, а там – социалистическое. О систематической работе в первом и речи не идет – народ еле сводит концы с концами и отдается ходу событий. Призывы к очень односторонне продуманной классовой борьбе и экономическое развитие должны помочь выбраться из всех теоретических затруднений». (Bernstein 1897: 165)

То, что поначалу казалось, открытым размышлением о неразрешенных программных проблемах, об «односторонностях» и «теоретических трудностях», развиваемым во многих статьях Бернштейна, публиковавшихся в те годы в газете «Новое время», вскоре, однако, обратилось в прямо формулируемое сомнение относительно стратегии СДПГ, окончательно закрепленной на Эрфуртском партийном съезде, но восходящей к идеям, выдвинутым еще в начале 1870-х гг. В январе 1898 г. появляется статья Бернштейна «Борьба социал-демократии и революция общества», явно нарушающая границу между сомнением и рекомендацией по смене партийной

стратегии и вызывающая скандал:

«Я открыто признаю, что чрезвычайно мало задумываюсь и не имею особого интереса к тому, что обычно понимается как ‘конечная цель социализма’. Эта цель, что бы это ни было, для меня ничто, движение же – всё. А под движением я понимаю как общее движение общества, т.е. социальный прогресс, так и политическую и экономическую агитацию и организацию для содействия этому прогрессу. Поэтому социал-демократии не следует ни готовиться, ни желать скорого краха существующей экономической системы, если он мыслится как результат всеохватного опустошительного экономического кризиса. Чем ей следуют заняться, и заниматься этим долго, так это политической организацией рабочего класса и обучением его демократии, как и борьбой за все возможные в государстве реформы, что могут содействовать возвышению рабочего класса и преобразованию государства в демократической перспективе». (Bernstein 1898: 556)

Такое толкование Бернштейном ситуации эпохи и его стратегические выводы оказывались в прямом противоречии с теми посылками, которые лежали в основе официальной стратегии СДПГ. Утверждения Бернштейна задавали для партии совершенно новое направление, которое не могло не пониматься как внутренне социал-реформистское и как социал-империалистское внешне. Стратегические следствия из них всё более прояснялись, когда Бернштейн, по совету Бебеля, начал систематизировать свои взгляды и зачищать «темноты и неясности» (словами Бебеля, цит. по Рарске 1979: 28) в них. При этом стало ясно, что Бернштейн ставил под вопрос не какие-то абстрактные посылки, но сам праксис (Praxis) СДПГ. Она должна была отказаться от своей идентичности как партии классовой борьбы. Ее цель – захват политической власти, чье завоевание должно было подготавливаться посредством легальной борьбы за успехи на выборах, социальные и демократические реформы и

наступательную агитацию – становилась второстепенным делом, реформы же оказывались главной задачей. Своим центральным тезисом Бернштейн утверждал: влияние СДПГ «было бы значительно большим, нежели оно есть сегодня, если бы социал-демократия нашла в себе мужество освободиться от действительно отжившей свое фразеологии и захотела бы казаться тем, чем она сегодня является в действительности: демократически-социалистической партией реформ». (Bernstein 1969: 196)

Стратегия СДПГ с 1891 г.

То, что Бернштейн называл «фразеологией», было сердцевинной убеждений основоположников СДПГ – Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта. Когда СДПГ после отмены «закона против социалистов» снова смогла вести публичную деятельность в Германии, после 1890 г., Эрфуртская партийная программа предоставляла для нее то основание, которое, в глазах ее признанных вождей, во-первых, опиралось на научные основы марксизма; во-вторых, соответствовало реальным условиям немецкой кайзеровской империи и капитализма того времени; и, в-третьих, показало себя на деле. Если проанализировать речи Либкнехта и Бебеля на партийном съезде в Эрфурте, то станет ясно, что избранная ими стратегия вдохновлялась не только тактическими соображениями (хотя, конечно же, и ими тоже), но и подкреплялась твердыми убеждениями.

После неудачной революции 1848/49 гг. и кровавого подавления Парижской коммуны стало ясно, что социалистическое рабочее движение должно было настроиться на такую ситуацию, в которой вооруженные революции будут менее вероятными, тогда как использование легальных форм борьбы – более реалистичными. Всеобщее избирательное право и постепенная легализация профсоюзов и социальных, как и культурных,

объединений трудящихся открывали новые возможности. Еще в период действия «закона против социалистов» СДПГ выдвинуло лозунг «Наши враги расшибутся об нашу законность (Gesetzlichkeit)».

Эта стратегия, преследуемая СДПГ и ее предшественниками с начала 1870-х годов, представляла собой непротиворечивое единство посылок и заключений, но ее первоначальную успешность затмил крах 1914 года. На эрфуртском партийном съезде как Вильгельм Либкнехт, выступавший по программным вопросам, так и Август Бебель, говоривший о тактике, были едины, утверждая, что это единство еще раз подкрепляет избранную стратегию. Намерения руководства СДПГ здесь проявились даже четче, чем в самой партийной программе. Либкнехт растолковывал, сколь полно новая программа и зафиксированная в ней стратегия соответствуют установкам Маркса и Энгельса. Для него развитие партии начиная с 1875 года было, прежде всего, и «научным развитием партии, воспитанием в духе научного социализма» (SPD 1891b: 329), т.е. марксизмом. Красной нитью через программу проходит мысль, «что те, кто владеет средствами производства, получают тем самым и средства для порабощения, эксплуатации и пролетаризации других людей (Mitmenschen), средствами производства не располагающих» (SPD 1891b: 333). Вполне в духе Марксова «Капитала» и разработанной в нем теории накопления и в духе сочинений Энгельса, Либкнехт подчеркивал: «Раскол общества становится всё более глубоким и полным – а то, что находится между этими двумя крайностями, капиталиста и пролетария, так называемые «средние слои» [...] исчезает всё более и более». «Перманентная экспроприация» (SPD 1891b: 337) происходит с естественной необходимостью.

Поляризация между всё меньшим количеством владельцев капитала и неимущими пролетариями, как и всё более усугубляющиеся внутренняя кризисность и тенденция к мировой войне, как то полагали руково-

дители СДПГ, ведут к возникновению такой ситуации, которую можно обозначить как катастрофу или – вместе с Бебелем – как «большой тарарак» (Kladderadatsch). Избранная стратегия именно это и учитывала: необходимо было легальными средствами (Бебель причисляет к ним, прежде всего, агитацию, выборы и профсоюзную борьбу) создать такую укорененную в обществе политическую силу, которая была бы способна со всей решительностью и политической убежденностью вмешаться в этот грядущий большой кризис.

Как Август Бебель излагал это на партийном съезде 1891-го: «Буржуазное общество столь усердно трудится над собственным крахом, что нам нужно только дождаться того момента, когда нам останется лишь подхватить вываливающуюся из его рук власть (Gewalt)... Да, я убежден, что осуществление нашей конечной цели столь близко, что лишь немногие из находящихся в этом зале не застанут этих дней [...] Развитие экономических отношений, продолжающееся военное вооружение, когда всем понятно, что если война не случится сегодня или завтра, то она определенно начнется послезавтра, и несомненность того, что все эти вещи обернутся гибелью сегодняшнего общества, – всё к этому и ведет, и никто более не отрицает, что мы катимся к катастрофе». (SPD 1891b: 172, 175)

Речь постоянно заходит о том, что нужно, словами Бебеля, «сделать партию *более боеспособной*, чтобы вполне достичь искомой большой цели *скорее* и *всеохватнее* (*ausgiebiger*)» (SPD 1891b: 278). Бебель предупреждает своих товарищей о необходимости быть готовым к часу кризиса и решения: «Будьте начеку, чтобы с вами не случилось то же, что произошло с известной по Библии глупой девой, к которой пришел жених, а у нее не оказалось масла в лампе. Иначе говоря: Настоящая ситуация покажется вам настолько непонятной, что вы окажетесь ошеломлены событиями и не будете знать, что вам делать. Так не единожды уже случалось при больших

переменах в верхах». (SPD 1891b: 281) Центральность борьбы за политическую власть обосновывается через то, что социалистические отношения общественной собственности, в отличие от капиталистических отношений собственности, не могут возникнуть в лоне старого общества, но должны создаваться осознанно политически. Если буржуазия сначала завоевала экономическую власть и лишь потом политическую, то рабочее движение должно переменить порядок этой последовательности, чтобы осуществить свою цель, социализм: «Мы не в состоянии воздвигнуть господство рабочего класса на завоевании экономической власти, нам нужно прибегнуть к обратным средствам. В первую очередь, нам нужно захватить политическую власть и затем использовать ее, чтобы добиться также и экономической власти через экспроприацию буржуазного общества. Как только политическая власть окажется в наших руках, всё прочее произойдет само собой». (SPD 1891b: 159)

Тотальная ревизия марксизма Бернштейном

Бернштейн шаг за шагом ставил под вопрос все те посылки, которые выступали основанием Эрфуртской программы и «проверенной тактики» двух десятилетий [деятельности].¹ Сначала он пытался показать, что существуют и сильные противодвижения (*Gegenbewegungen*) к концентрации капитала, и дело вовсе не обстоит так, что все средства производства будут всё более централизоваться в руках немногих капиталистов. Те же акционерные общества могут способствовать рассредо-

1 Здесь будет уместно также отдать должное Бернштейну. Его непреходящей заслугой было то, что он вскрыл слабости марксизма того времени и разобрал значимые посылки противоположной ему направленности. Как и Люксембург, он был полностью погружен в противоречия своего времени и социалистического движения (см.: Eichhorn 2001) и стремился привести его в движение. Но если Люксембург делала ставку на революционирование, то Бернштейн – на реформирование.

точению активов, что сделало бы излишним «присвоение капиталов отдельными магнатами для концентрации промышленных предприятий» (Bernstein 1969: 75). Также и речи не может быть о том, что мелкобуржуазные, крестьянские и средние слои просто исчезнут, а классовая структура поляризуется: «Членение общества, по сравнению с прошлым, отнюдь не упростилось, но, напротив, как в отношении уровня доходов, так и [разнообразия] профессиональной деятельности, в высокой степени расслоилось и дифференцировалось». (Bernstein 1969: 79) Но прежде всего, Бернштейн усматривал ясную тенденцию демократизации, причем также и в экономике: «В политическом плане мы наблюдаем, что привилегии капиталистической буржуазии во всех прогрессивных (vorgeschnittenen) странах постепенно сдают позиции демократическим учреждениям. Под их влиянием и движимое всё более утверждающимся рабочим движением разворачивается общественное противодействие эксплуататорским тенденциям капитала, которое, хотя сегодня оно еще очень медленно и нерешительно, все-таки уже присутствует и распространяет свое влияние на всё большее количество областей хозяйственной жизни». (Bernstein 1969: 10)

Руководствуясь таким видением, Бернштейн ставит вопрос о том, действительно ли дело вновь идет к большим кризисам, которые способны привести капитализм на грань краха: «Круг индустрий и их рынков сегодня представляется слишком большим, чтобы во всех пунктах и с равной тяжестью они оказались пораженными кризисами, пусть даже случится так, что на хозяйственный мир всех стран обрушатся самые чрезвычайные события и повсюду аналогичным образом подорвут кредит. Я не говорю, что к тому дело и идет, но лишь высказываю предположение. *Vestigia terrent* [следы устрашают] – перед пророчествами в таких вещах я испытываю языческое уважение. Однако *эластичность* современного кредитного порядка (*Kreditwesen*) в условиях огромного прироста

богатства капитала, усовершенствованного механизма обращения во всех его отраслях [...] – это действительные факты, и совершенно нелегко, что они не оказывают значимого влияния на отношение производительной деятельности и состояния рынка. [...] Приближение одновременного полного краха существующей ныне системы производства в ситуации прогрессирующего развития общества становится не более, но как раз менее вероятным [...]» (Bernstein 1898: 554, 555)

Тем самым Бернштейн отвергал курс СДПГ на подготовку к решающему революционному действию в ситуации экономико-политического кризиса. Отныне СДПГ должна была действовать не как «сборище бунтарей» («*Gewalthaufen*»), выжидающих подходящего момента, но, прежде всего, как реформистская сила. Она должна была отказаться от своих угроз политического изменения системы и показать себя как имманентную системе силу, ускоряющую и так уже происходящие процессы релятивирования засилья капитала. Однако состоятельной эта установка окажется, лишь если исходить из того, что эта реформистская политика, которой бы твердо придерживалась СДПГ, достигнет большего, нежели лишь пара «уступочек» (Бebel), и запустит своего рода трансформацию системы.

Бернштейн стратегически продумывал связку постепенной социализации производства через выстраивание профсоюзной власти трудящихся, через усиление демократического контроля государства над хозяйствованием и растущего влияния рабочего движения на государственную политику. Если для Маркса и Энгельса рабочие могли стать экономически господствующим классом, лишь захватив сначала политическую власть, то у Бернштейна политическая власть оказывалась производной величиной, зависящей от прироста экономической власти рабочего класса: «Демократия означает всегда столько господства рабочего класса, сколько он способен осуществлять, *соответственно своей интел-*

лектуальной зрелости и достигнутому уровню хозяйственного развития вообще». (Bernstein 1969: 11) И то, что, в конечном счете, остается от социализма – это, по Бернштейну, «организационный либерализм» (Bernstein 1969: 161), т.е. либеральная демократическая организация корпораций. О праве профсоюзов стремиться к тому, чтобы самим организовывать производство, ничего не говорится, равно как ничего не утверждается о превосходстве кооперативов (Genossenschaften) перед частным производством. Вопросы власти и собственности, сердцевина марксизма, видятся Бернштейну абсолютно второстепенными и потому он может писать следующее: «Как скоро нация достигает политического состояния, когда право владетельного меньшинства более не составляет препятствие на пути социального прогресса, когда негативные задачи политического действия отступают перед позитивными, тогда призыв к насильственной революции становится бессодержательной фразой. Можно свергнуть правительство, привилегированное меньшинство – но не народ». (Bernstein 1969: 213)

Но в открыто реакционное направление бернштейновская позиция сваливается там, где он вдается в толкование так называемого «колониального вопроса». Расширение рынков и повышение «продуктивности» становятся центральными критериями экономического прогресса, и интересы рабочего движения отождествляются с таким «прогрессом». Слепоте по отношению к обращенным вовнутрь эксплуататорским и угнетательским сторонам капиталистического индустриального общества (про Бернштейна говорили, что за всё время его пребывания в Англии он ни разу не увидел какого-либо капиталистического предприятия изнутри) у него сопутствует открытое одобрение колониального порабощения Африки и Азии – проводимого, естественно, в «цивилизованных» формах. Хозяйственную «культуру» он исчисляет по количеству людей, которые могут проживать на определенной территории («потенциал населения» («Bevölkerungsfähigkeit»)) и выводит отсюда ни боль-

ше ни меньше как долг (!) завоевания: «Исчисленная по этому масштабу, при равенстве других условий, высшая культура, по сравнению с низшей, всегда обладает *высшим правом на своей стороне*, а в некоторых случаях и *историческим правом*, даже *долгом*, подчинять себе последнюю». (Bernstein 1900: 551) И на основании такого права как долга, как сразу же им утверждается, «социал-демократия выступает как естественная защитница туземцев, которые «оказываются под верховенством или покровительством ее страны» (Bernstein 1900: 561).

Бернштейн поднял центральные теоретические вопросы, не будучи в состоянии дать на них непротиворечивые ответы. Его сильной стороной было расспрашивание, направленное на базовые посыпки версии марксизма, расхожей в период Второго Интернационала. Он мог показать, что посыпки, заявляющие об упрощении и постоянной поляризации классовой структуры, являются несостоятельными; что тенденции концентрации и централизации капитала сталкиваются с сильными противотенденциями; что при доминировании прибыльного вложения капитала запускаются процессы, способные обратиться к существенным социальным и культурным нуждам и интегрировать трудящихся. Он ставил под вопрос неизбежность катастрофического кризиса и указывал на необходимость серьезно заняться вопросами социалистического устройства хозяйственных отношений. Ведь проблемы сложности хозяйственных процессов не разрешаются посредством простого перевода [частного владения] в государственную или кооперативную собственность, причем и эффективность самих этих форм собственности еще нужно подтвердить. Все эти вопросы теории капитализма и социализма до сих пор остаются открытыми. Вследствие того, что Бернштейн подчеркивал эти аспекты, в свою очередь, отстраняя на периферию противонаправленные тенденции, у него складывался образ эволюционно прогрессирующего капиталистического общества, постепенно переменяющегося в социалистическое.

Удар молота революции

Как было показано, Роза Люксембург в своем критическом рассмотрении реалий социал-демократической стратегии в Королевстве Польском выработала позицию, нацеленную на связывание деятельности по отстаиванию непосредственно насущных повседневных потребностей трудящихся (социальных и демократических интересов) с революционной социалистической перспективой. Это для нее и составляло сущность социал-демократической стратегии вообще, совершенно независимо от данных условий. Ее позиция была абсолютно однозначной: «Движение как таковое без связи с конечной целью, движение как самоцель для меня ничто, конечная же цель – это всё для нас». (GW 1.1: 241). Главным свершением Маркса она считала обоснование метода такой «революционной реальной политики»:

«Благодаря этому руководству рабочему классу впервые удалось разменять большую идею о социализме как конечной цели на пятаки (Scheidemünze) повседневной политики и превратить обыденную политическую черновую работу в действенный инструмент по осуществлению большой идеи. До Маркса была ведомая рабочими буржуазная политика и был революционный социализм. Лишь после Маркса и благодаря ему появляется *социалистическая рабочая политика*, которая одновременно и в полном смысле обоих слов предстает как *революционная реальная политика*. Если же мы как реальную политику распознаём ту политику, которая задается лишь достижимыми целями и способна преследовать их наиболее действенными средствами на кратчайшем пути, то пролетарская классовая политика в Марксовом духе отличается от буржуазной политики тем, что буржуазная политика является реальной в ракурсе *материальных достижений дня* [сегодняшнего], тогда как социалистическая политика – в перспективе *исторической тенденции развития*». (GW 1.2: 373)

Обоснование революционной реальной политики, осуществляемое Люксембург в ходе спора о ревизионизме, сопутствует ее опровержению центральных посылок Бернштейна. Для нее было ясно, что теория и практика должны составлять единое целое:

«Наша тактика зависит [...] не только от существующих на данный момент отношений, но столь же сильно и от наших основоположений» (GW 6: 186).

Утверждения Люксембург строго противоположны бернштейновским: о масштабных тенденциях ослабления противоречий в капиталистическом обществе не может быть и речи. Поляризация на два противоположных класса – капиталистов и пролетариев – ведет к всё большему исчезновению средних слоев. Буржуазные классы отвечают на развитие классовой борьбы сокращением демократии. Принудить их к проведению социальных реформ может только угроза социальной революции. И если бы эта угроза сошла на нет, то никакие дальнейшие успехи профсоюзной, демократической и социальной форм борьбы социал-демократии не были бы возможны. Она убеждена в абсолютной невозможности того, что пролетариат «уже внутри сегодняшнего буржуазного общества может добиться экономической власти (*wirtschaftliche Macht*)» (GW 1.1: 568). Ни кооперативы, ни профсоюзы на это не способны. Кооперативы неизбежно окажутся зажаты в тиски капиталистических расчетов (см.: GW 1.1: 417f.), а профсоюзы никогда не смогут быть чем-либо другим, нежели «организованной обороной» трудящихся против посягательств капитала» (GW 1.1: 419). Критикуя представление Бернштейна о цивилизованном империализме и колониализме, она пишет:

«Но если мировая политика (читай: империализм – М.Б.) и милитаризм являются собой *восходящую* тенденцию сегодняшней фазы, то, следовательно, буржуазная демократия движется по *нисходящей* линии». (GW 1.1: 425) И колониализм и имперская

конкуренция содействуют этому закату демократии (GW 1.2: 19). Ее заключительный вывод: «У рабочего класса в его борьбе нет большего врага, нежели его собственные иллюзии» (GW 1.1: 569). Не через социальные реформы, но «только через захват государственной власти (Staatsgewalt)» (GW 1.1: 571) возможно достичь социализма.

Во-первых, Люксембург подчеркивала усугубившийся капиталистический и авторитарный характер общественных отношений; во-вторых, она исходила из того, что дело идет к большому кризису, который поставит капитализм на грань краха; и, в-третьих, она доказывала, почему социал-демократическое движение никогда не вправе ждать некоего момента, когда все условия для революции полностью «созреют».

Во-первых: Если Бернштейн и его союзники в СДПГ делали ставку на устойчивость социальной власти рабочего движения и возрастающую подчиненность капиталистического способа производства социальным и демократическим целям, поддерживаемым существующим государством, то Люксембург диагностировала как раз противонаправленные тенденции. – Она усматривала возрастающее противоречие между реальной социалистической возможностью и ее реализацией. И на пути к разрешению этого противоречия как раз стоит буржуазное государство. Поэтому Люксембург центрирует всю стратегию по борьбе за политическую власть в государстве, являющем собой главное препятствие на пути к социалистическому перевороту (Umwälzung):

«Теория поэтапного введения социализма сводится к постепенному реформированию в социалистическом смысле капиталистической собственности и капиталистического государства. Однако оба они вследствие объективного хода событий в сегодняшнем обществе развиваются как раз в противоположном направлении. Производственный процесс всё более обобществляется, и вмешательство, контроль государства над этим процессом всё более ширится.

Но одновременно частная собственность всё более становится формой неприкрытой капиталистической эксплуатации чужого труда, а государственный контроль всё более проникается исключительно классовыми интересами. Таким образом, государство, т. е. *политическая* организация, и отношения собственности, т. е. *правовая* организация капитализма, приобретая по мере развития всё более капиталистический, а не социалистический характер, ставят теории постепенного введения социализма два непреодолимых препятствия. [...] Производственные отношения капиталистического общества всё более приближаются к социалистическому (в смысле их общественного характера – М.Б.), однако их политические и правовые отношения, напротив, воздвигают всё более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом. И эта стена не пробивается ни социальными реформами, ни развитием демократии, но, наоборот, становится только твёрже и незыблемей. Так что единственное, чем ее можно разрушить, это удар молота революции, т.е. захват политической власти пролетариатом». (GW 1.1: 399 f. ^{РЛ, 1899} 1)

Во-вторых: так называемая «теория краха» (Zusammenbruchstheorie) сегодня большей частью предана забвению, хотя имеется немало оснований снова вспомнить о ней. Тезис Бернштейна о возможности эволюции капитализма, не сопровождающейся большими и ставящими систему под угрозу кризисами, был доведен до абсурда не далее как в 1914 году. Но вместе с тем он не ошибался, указывая на огромный приспособленческий потенциал капиталистических обществ и на обучаемость заинтересованных в них социальных и политических сил. Люксембург противопоставляла бернштейновскому эволюционизму свою концепцию линий развития с «уз-

1 {{РЛ, 1899}} = Роза Люксембург «Социальная реформа или революция?» («Sozialreform oder Revolution»). См. рус. пер. в изд.: О социализме и русской революции. М., 1991. – *Прим. пер.* }

лами» кризисов. Присущие капиталистическому обществу противоположности неминуемо ведут к катастрофам, однако эти «катаклизмы» опосредуются фазами сравнительно долгой стабильности (см.: GW 1.1: 259).

К тому же для Розы Люксембург вопрос об абсолютной границе капиталистического развития был вовсе не схоластическим, но имел прямое политическое значение и являлся «угловым камнем научного социализма» (GW 1.1: 435). А в катастрофах она видела «не противоположность развитию, но *некий момент, некую фазу* развития» (GW 1.1: 259). Присущ ли капитализму некий чуть ли ни бесконечный или, по меньшей мере, исчерпываемый только в далеком будущем потенциал развития, или он уже в скором времени натолкнется на непреодолимые границы – это было для нее радикальным различием:

«Если вместе с Бернштейном полагают [...], что капиталистическое развитие не следует в направлении своей собственной гибели, тогда социализм перестает быть *объективно необходимым*. [...] Ревизионистская теория находится на развязке или-или. – Или социалистическое преобразование и сейчас, как и прежде, следует из внутренних противоречий капиталистического порядка, так что, поскольку вместе с этим порядком также развиваются и его противоречия, неизбежным результатом чего в определенный момент станет его крах, в той или иной форме, – тогда и любые ‘средства приспособления’ (‘Anpassungsmittel’) окажутся недействительны, а теория краха выкажет свою правильность. Или же ‘средства приспособления’ окажутся действительно способны предотвратить крах капиталистической системы, т.е. сделают капитализм жизнеспособным (existenzfähig), разрешат его противоречия – и тогда сойдет на нет *социализм* как историческая необходимость, и он окажется чем угодно, но только не результатом материального развития общества”. (GW 1.1: 376, 377 ^(П.Л., 1899))

Разработанная уже позднее теория накопления Люксембург (см. ниже гл. 6) была попыткой найти новый научный ответ на вопрос об абсолютных границах капитализма. В 1899 г. она связывала эти границы с тенденцией перепроизводства (Überproduktion). Уже в то время она считала ключевой эту неспособность капитализма обеспечить сбыт для собственных продуктов. При этом Люксембург различала между этой тенденцией приближения капитализма к некой «последней черте» и конкретными причинами его непосредственной гибели. Эти причины она всегда соотносила с успешной классовой борьбой пролетариата. Однако без научной демонстрации некой абсолютной границы политика, делающая ставку на смерть капитализма, представлялась ей неоправданной. (GW 1.1.: 550, 551)

В-третьих: марксисты Второго Интернационала всегда имели в виду известный тезис Маркса: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора». (Marx 1859: 9 ^{М/Э, Соч. 13: 7}) Известна ей была и позиция Энгельса из его работы «Крестьянская война в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса, и для проведения мер, обеспечивающих это господство». (Engels 1850: 400 ^{М/Э, Соч. 7: 422}) То огромное развитие, которое капитализм проделал со времени революции 1848 года, доказало его потенциал. Отсюда возникал вопрос: не следует ли еще подождать, пока все объективные, как и субъективные, условия не созреют вполне?

Люксембург оппонировала этому представлению о революции как о более или менее единократном акте. Зрелые отношения не могут просто объективно предпосылаться революции, но, в ее понимании, в большой мере возникают в самом действии, в ходе классовой

борьбы. Причина этого заключается в том, что при капиталистическом порядке «все элементы будущего общества в своем развитии сначала принимают ту форму, в которой они не приближаются к капитализму, но от него удаляются» (GW 1.1: 431). Уже поэтому интенсификация классовой борьбы выступает центральной предпосылкой тому, что в ходе долгого революционного процесса – неизбежно пробивающегося сквозь череду поражений – могут возникнуть условия успеха. И эти поражения – таков ее очень неудобный тезис – суть этапы на единственно возможном пути к конечному успеху:

«Во-первых, такой огромный переворот, каким является переход общества от капиталистического строя к социалистическому, совершенно немислим как *один* удар, как *одно* победоносное выступление пролетариата. Предполагать нечто подобное – это значит опять-таки обнаруживать чисто бланкистское понимание. Социалистический переворот предполагает продолжительную и упорную борьбу, причем пролетариат, по всей вероятности, не раз будет отброшен назад, так что, с точки зрения конечного результата всей борьбы, сначала он неизбежно окажется у кормила правления ‘слишком рано’. Во-вторых, этого ‘преждевременного’ захвата государственной власти не избежать и вследствие того, что пролетариат лишь в ходе тех кризисов, которые сопровождают завоевание им власти, лишь в огне долгих и упорных боев может достичь той необходимой степени политической зрелости, что сделает его способным к окончательному великому перевороту. Таким образом, ‘преждевременные’ атаки пролетариата на политическую государственную власть сами по себе оказываются важными историческими *моментами*, которые также создают условия и определяют дату (*Zeitpunkt*) окончательной победы. С *этой* позиции представление о ‘преждевременном’ захвате политической власти трудовым народом предстает политической нелепостью, вытекающей из механического понимания развития общества

и предполагающей наличие некоей определенной *помимо* и *независимо* от классовой борьбы момента победы в ней.

Но поскольку пролетариат, таким образом, не может иначе, чем ‘слишком рано’, захватить политическую власть, или, другими словами, так как он должен однажды или несколько раз непременно захватывать ее ‘слишком рано’, чтобы в конце концов прочно завоевать ее, то оппозиция против ‘*преждевременного*’ захвата власти является не чем иным, как оппозицией вообще против *стремлений пролетариата завладеть политической властью*». (GW 1.1: 435 ^(П.Л., 1899))

Единство марксизма и социализма

Революционная реальная политика для Люксембург измерялась не тем, удалось ли завязать ту или иную борьбу за реформы или выдвинуть то или иное революционное требование, но способностью «счастливого соединять [борьбу] за итоговую революционную цель с практической повседневной деятельностью», «вовлекая тем самым в борьбу широкие народные массы» (GW 1.1: 229). Таким образом, присущее Люксембург понимание марксизма ставило не на сосуществование социальной реформы и революции, но на их органическое единство в конкретных противостояниях повседневной практики.

Революционная реальная политика была для Люксембург, в первую очередь, вопросом не о «Что» того или иного конкретного социального или демократического требования, но о «Как» объединения практической непосредственной деятельности и конечных целей, захвата политической власти (GW 1.1: 229, GW 6: 278) (см.: Brangsch 2009). И если эта связка окажется утраченной, то СДПГ станет «буржуазной рабочей партией» (GW 1.1: 514). Объединение же практической борьбы и конечной цели, как утверждает Роза Люксембург в тот период, возможно лишь на трех путях:

«[...] если оно с ее идущими предельно далеко требованиями составляет опасную конкуренцию буржуазным партиям и их через давление массы избирателей радикализует; далее, если оно разоблачает правительство перед населением и влияет на него через общественное мнение; и наконец, если оно через свою критику, как внутри-, так и вне-парламентскую, собирает вокруг себя всё большие народные массы, таким образом вырастая в пользующуюся авторитетом власть, с которой должны считаться и правительство и буржуазия». (GW 1.2: 33) Принципиально невозможно, как иронизирует Роза Люксембург в отношении Бернштейна, «превратить море капиталистической горечи, постепенно подливая в него по бутылке социал-реформаторского лимонада, в море социалистической сладости» (GW 1.1: 400).

Несмотря на развитие социальных реформ и демократии стена между капиталистическим и социалистическим обществом будет становиться лишь всё выше и прочнее. И это, прежде всего, политическая стена. Как она пишет далее: «Итак, социализм отнюдь не возникает из повседневной борьбы рабочего класса сам по себе и при любых обстоятельствах. Он возникает из всё более обостряющихся противоречий капиталистического хозяйства и из осознания рабочим классом неизбежности устранения этих противоречий через социальный переворот». (GW 1.1: 403)

Почти в конце своего знаменитого сочинения «Социальная реформа или революция?» Люксембург пишет: «Отныне социализм и марксизм, пролетарская освободительная борьба и социал-демократия тождественны». (GW 1.1: 442) Возвращение к домарксистскому социализму, как она упрекает Бернштейна, это «соскальзывание в карликовые, истоптанные домашние туфли буржуазии» (ibid.). И уже спустя многие годы в одном из своих писем она пишет: «Ну и осел же я, ну и носорог, ну и Бернштейн!» (GB 2: 253) Однако этому

отождествлению социализма и марксизма, столь решительно прокламируемому Люксембург, в последующие годы приходится иметь дело со всё более сильными вызовами – например, уже в 1899 году с вхождением социалистического политика Александра Мильерана в буржуазное правительство (представление полемики Люксембург относительно этого вхождения в правительство см. в: Brie 2011). Сложности осуществления убедительной и действенной революционной реальной политики усугублялись. И всё более явно ставились под вопрос былые, ранее не вызывавшие никаких сомнений достоверности.

Часть 5: *Электрическая эпоха внезапностей* – *русская революция 1905 года*

«[...] как не назвать чудесным это время, мас-сово поднимающее проблемы, причем мощные (*gewaltige*) проблемы, подгоняющее мысль, побуждающее к 'критике, иронии и глубокому значению', подстегивающее страсти и, прежде всего – являющееся плодородным, беременным временем, порождающим ежечасно и из каждого порождения выходящее лишь 'еще более беременным', притом что порождает оно не мертвых мышей или же дохлых мух, как в Берлине, но исключительно выдающиеся вещи [...] Революция великолепна, всё остальное – чепуха!» (GW 2: 259)

Всеобщая забастовка, организационные дебаты и политическое руководство

Главными политическими фигурами для Розы Люксембург всегда оставались одновременно Карл Маркс и Фердинанд Лассаль – первый, прежде всего, как основатель научного мировоззрения рабочего класса, второй – как решительный, политически непосредственно активный основатель первой самостоятельной политической партии этого класса в Германии. О них обоих – выделяя два этих полюса политической философии исторического праксиса – она пишет:

«Если Маркс подвел черту над революционерством старого стиля через утверждение, что люди сами делают свою историю, но делают ее не произвольно, то Лассаль – смещая акцент, но столь же правомерно – ставит ударение на оплодотворяющей инициативе, на революционной энергии и решительности, пламенно проповедуя немецким рабочим: люди делают историю не произвольно, но они делают ее сами!» (GW 3: 182 f.)

Вопрос о том, как «делается» история, с 1900 г. всё более выдвигается в центр стратегического поиска Люксембург. Она сознавала, что –

«[...] мы живем в электрическую эпоху внезапностей, и молниеносная неожиданность выступает инструментом новейшего курса» (GW 6: 286).

Прежние формы, на которые делала ставку немецкая социал-демократия, кажутся ей слишком узкими: избирательная борьба, профсоюзные дебаты и политическая агитация, в ее глазах, всё больше содействовали встраиванию рабочего движения в кайзеровско-германское общество. Серьезных конфронтаций, из которых должен был вырастать революционный опыт, так и не происходило. Левые в СДПГ начали выдвигать форму массовой забастовки как ключевое средство достижения центральных демократических целей. До этого она становилась лишь темой анализа как некое *ultima ratio*, на случай антидемократического наступления господствующих кругов (см. Parvus 1896). Теперь же дело было в том, чтобы самим перейти в наступление и вырваться из стагнации. Люксембург указывала в этой связи на бельгийский опыт и критически анализировала его.

В 1902 г. бельгийские социалисты попытались добиться демократического избирательного права посредством загодя подготовленной политической всеобщей забастовки, однако, уже через неделю эта забастовка, так и не принеся особых успехов, была прервана. Сущностные причины этого Роза Люксембург усматривала в том, что социалисты уступили политическое руководство либералам (GW 1.2: 218). Но вместе с тем Люксембург выделяла отсюда урок по применению всеобщей стачки. То господствующее в немецкой социал-демократии представление о том, что весь рабочий класс в целом уже предварительно должен быть организован и убежден в необходимости преодоления капитализма, согласно Люксембург, «не находит применения в локальных и случайных всеобщих стачках, поскольку для них

в качестве предпосылки необходимы лишь популярный политический лозунг и благоприятные материальные обстоятельства» (GW 1.2: 236). Всеобщая стачка не является противоположностью парламентской работе, но представляет собой еще один «инструмент», наряду с ней и с политической агитацией. Сюда же относится и готовность к нелегальному насилию (GW 1.2: 241). Всё прочее равнозначно отказу от революции. Люксембург приходит к выводу, что отказ от средства политической забастовки в Германии, в отличие от Бельгии или Франции, является выражением «полуазиатской отсталости» СДПГ «в политическом аспекте» (GW 1.2: 238). Таковы [ее] позиции, ставящие под вопрос имевшийся базовый консенсус внутри СДПГ. Для СДПГ стало нечто само собой разумеющимся – ни в коем случае самим не прибегать к нелегальным средствам, не говоря уже о насилии (даже в форме незаконной политической забастовки). Роза Люксембург, напротив, подчеркивала, что насилие неизбежно «как в единичных эпизодах классовой борьбы, так и для окончательного захвата государственной власти» (GW 1.2: 247).

Относительно всеобщей забастовки в Бельгии Роза Люксембург также делает оказавшее большое влияние наблюдение, что представление о том, что успешная массовая акция возможна лишь при очень высокой степени организации и обширных финансовых ресурсах, *ложно*. В СДПГ господствовала та идея, что следует всё далее увеличивать степень организации трудящихся, чтобы затем когда-нибудь прирасти настолько подавляющим потенциалом действия, что, в конце концов, власть сама упадет им в руки. Они действовали подобно полководцу, уклоняющемуся от любого сражения, потому что в количественном превосходстве своих сил он никогда не может быть абсолютно уверен. Люксембург возражает на это:

«Вместо того чтобы крутиться в замкнутом круге между социалистическим просвещением, необходи-

мым как предпосылка, и искомым социалистически просвещающим результатом [...], случайная политическая всеобщая стачка связывается лишь с моментами политической повседневности, имеющими глубинное и пробуждающее значение, и, в свою очередь, одновременно служит действенным средством социалистической агитации». (GW 1.2: 236f.)

Как центральную для стратегического ориентирования Люксембург выдвигает прямую наступательную массовую акцию, в которой одновременно как изменяются обстоятельства, так и меняются сами действующие лица. То «сборище бунтарей», о котором писал Энгельс, больше не должно спокойно и, большей частью, пассивно умножаться посредством выборов, но должно порождать себя в собственном действии. Это также означало и такое отношение между массой рабочих (*Arbeiterschaft*) и руководством, которое противоречило многодесятилетнему праксису СДПГ, пусть даже на тот момент Люксембург еще не выступала напрямую против партийного руководства. Господство над массами было для нее классической буржуазной формой политики, и ее следовало перевернуть:

«Единственная роль так называемых 'вождей' в социал-демократии состоит в том, чтобы просвещать массы относительно их исторических задач. Вес, влияние 'вождей' в социал-демократии возрастает лишь по мере просвещения, которое они производят, уничтожая прежние опоры любого руководства, слепоту масс, одним словом, поскольку они сами *отказываются* от своего руководства, делают массу ведущей, а себя самих *ведомыми* (*Ausführern*), инструментами сознательной массовой акции». (GW 1.2: 396) Разрушительным будет отказ от любой наступательности из страха перед реакцией врага на какую-то победу социал-демократии (GW 6: 392-394). Это означало бы навечно зафиксироваться на обороне.

Вопрос о руководстве и «массах» также был затронут и в русской социал-демократии, когда на втором съез-

де СДРП в Брюсселе и Лондоне (30 июля – 23 августа 1903 г.) зашел спор об уставе партии. В 1904 г. Ленин изложил свою позицию по этому спору в книге «Шаг вперед, два шага назад». Он обосновывал, почему принятое большинством делегатов решение было, в его представлении, единственно возможной позицией, содействующей «созданию *действительной* партии» (Lenin 1904: 205 ^(Ленин, ПСС 8: 193)) в конкретных условиях абсолютистской России. Речь шла об увязывании членства с активной партийной работой и о правах парткомов (Leitungsgremien der Partei), которые могли относительно свободно действовать лишь за границей. Как писал Ленин: «Но по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!» (Lenin 1904: 399 ^(Ленин, ПСС 8: 383))

Меньшевики обращались, наряду с прочими, также и к Люксембург, чтобы «напустить на него [Ленина – М.Б.] авторитеты» (цит. в: Laschitz 2002: 197). Непосредственно после этого Люксембург написала статью «Организационные вопросы русской социал-демократии», опубликованную в «Искре» и в «Neue Zeit». *Vorwärts* отказала пожеланию русских социал-демократов напечатать ее позицию в этой важнейшей партийной газете СДПГ словами о том, что невозможно предоставить освещению этого вопроса много места, поскольку русское движение «еще столь юно» и «оно не способно что-то дать зрелому немецкому движению» (цит. там же: 196). Однако Люксембург считала совершенно иначе:

«Издавно считается непререкаемой истиной, что социал-демократическое движение отсталых стран

должно учиться у более старшего движения продвинутых стран. Мы отважимся добавить противоположное этому положению: более старшие и продвинутые социал-демократические партии могут и должны также учиться на более близком знакомстве с [опытом] их более молодых братских партий. Подобно тому как для марксистских экономистов [...] все экономические стадии, предшествующие капиталистическому хозяйственному порядку, суть не просто формы 'недоразвитости', по сравнению с капитализмом как венцом развития, но *исторически* равноправные различные типы хозяйствования, так и для марксистских политиков в разной степени развитые социалистические движения суть определенные исторические индивиды, значимые сами по себе (für sich). И чем больше мы узнаём те же самые основные черты социал-демократии во всём многообразии ее различных социальных сред, тем больше осознаём мы существенное, основополагающее, *принципиальное* в социал-демократическом движении. И тем больше преодолевается обусловленная локализмом ограниченность кругозора». (GW 1.2: 422)

В своей статье Люксембург подчеркивала особенность России. В условиях царистского абсолютизма социал-демократия должна была выводить «пролетариат непосредственно из политической атомизации, образовавшей опору абсолютистского режима, в высшую форму организации – как сознательно борющегося за свои цели класса (GW 1.2: 424). Она должна была творить «из воздуха» (ebd.). Естественно, социал-демократии всегда был присущ определенный централизм, однако Ленин выступал поборником «безоглядного централизма» (GW 1.2: 425). Таковой базировался на двух основоположениях – «на слепом подчинении всей партийной организации, до мельчайшей детали ее деятельности, центральному органу власти, единственно который мыслит за всех, творит и решает; и на жестком отграничении организованного ядра партии от его окружающей революционной среды» (GW 1.2: 429). Такому «ультра-

централизму» Люксембург противопоставляет «самоцентризм» («Selbstzentrismus») ведущего слоя пролетариата, мажоритарное господство этого слоя внутри его собственной партийной организации (ebd.). В партии должно было обрести свое адекватное выражение самоуполномочивание рабочего класса. Опорой этой позиции было следующее убеждение:

«В действительности же социал-демократия не *связана* с организацией рабочего класса, но и есть *собственное движение* рабочего класса» (ebd.).

Если Ленин позитивно соотносился с традицией якобинцев, которые на протяжении своего господства всё более ограничивали самоорганизацию народа Парижа, начиная с женских организаций, то Люксембург пишет:

«Социал-демократическое движение является первым в истории классовых обществ, которое во всех своих моментах, на всём протяжении рассчитано на организацию и самостоятельное прямое действие массы». (GW 1.2: 427)

Оборотной стороной чувствительности Люксембург по отношению к опасностям централистской организации оказывалась, по моему мнению, недооценка того, что Ленин связывал с централизацией борьбу против тех течений, которые, как он это видел, были готовы подчиниться либеральной буржуазии. Для него «чистота» всегда была важнее, чем единство. Он охотнее оставался с теми немногими, кто разделял его позицию. Ленин надеялся через организацию дисциплинированной боеспособной кадровой организации, в конце концов, завоевать и массы, тогда как Люксембург, в первую очередь, стремилась обеспечить прямой доступ к массам через пропаганду и агитацию и потому терпела, ошибочную, на ее взгляд, политику партийного руководства.

В этом противостоянии с Лениным Люксембург выработала непреходящую интуицию, и сегодня вписанную в учебники всех левых социальных движений и партий. Люксембург писала о социал-демократии:

«Ее самые важные и плодотворные тактические приемы последнего десятилетия не были ‘изобретены’ какими-то предводителями движения, не говоря уже о предводителях организаций, но каждый раз оказывались спонтанным (spontane) продуктом самого освобожденного от оков движения. [...] Тактика социал-демократической борьбы в ее главных чертах вообще не ‘изобретается’, но является итогом продолжающегося ряда больших творческих актов экспериментирующей, зачастую стихийной (elementaren) классовой борьбы». (GW 1.2: 431, 432)

С этим знанием, этими усмотрениями Люксембург вошла в русскую революцию – чрезвычайно недовольная развитием дел в Германии и полная надежд на события, намечавшиеся в царской империи. Как она писала в декабре 1904 года голландской социалистке Генриетте Роланд Холст:

«Выискивание отдельных оппортунистических глупостей и критические пересуды – неудовлетворительная для меня работа, напротив, такой службой я уже настолько пресытилась, что предпочитаю в таких случаях вообще помалкивать. [...] Единственное средство, годное для радикальной борьбы против оппортунизма, это самим идти вперед, *разрабатывать* тактику, *усиливать* революционную сторону движения. Вообще же оппортунизм – это болотное растение, быстро и пышно разрастающееся в стоячих водах движения; в напористом и сильном потоке оно погибнет само». (GB 6: 102)

Первая русская революция – урок истории

Через несколько недель после написания этих строк разразилась русская революция, охватившая всю Российскую империю и, не в последнюю очередь, ту часть Польши, которая находилась под царским контролем. Революция 1905-го стала важнейшей вехой для дальнейшей жизни и деятельности Розы Люксембург. Как пишет Дональд Э. Шепардсон: «Когда 13 сентября

1906 г. Люксембург вернулась в Берлин, она, в сравнении с собой же, год назад покидавшей город, стала другой. Ее встреча с активными революционерами и полученный в Варшаве опыт обострили ее ощущение изоляции в СДПГ». (Shepardson 1996: 53) Эта революция убедила ее, что спокойные времена миновали. Для нее в 1905-м началась новая эпоха:

«С Русской революцией заканчивается почти 60-летний период спокойного парламентского господства буржуазии. С Русской революцией мы оказываемся уже в переходном периоде от капиталистического к социалистическому обществу». (GW 2: 9) Она более не исключает временного захвата политической власти социалистическим рабочим движением. Как она констатировала: «Великие революционные свершения имеют ту особенность, что, хотя их по большей части и в целом можно было предвидеть и ожидать, они, тем не менее, всегда, как скоро они происходят, в их сложности, в их конкретной сути, предстают перед нами как сфинкс, как проблема, которая в каждой своей жилке должна быть понята, распознана, изучена». (GW 1.2: 478)

То есть русская революция стала для нее предметом изучающего вмешательства и вмешивающегося анализа. Вновь и вновь она обращается к томам по английской и французской революциям и после прочтения «Истории французской революции» Франсуа Минье пишет:

«[...] вся эта история меня глубоко взволновала, я была потрясена этим грандиозным, божественным массовым безумием. Всё-таки история революций это самое интересное, что есть в науке». (GB 2: 343, см. также GB 3: 50)

Из русской революции Люксембург делает следующий вывод, совершенно противоречащий расхожему среди немецкой социал-демократии того времени чувству собственного превосходства: русское рабочее движение становится образцом, потому что Россия «с ее буржуаз-

ной революцией столь непростительно запоздала» (GW 2: 150). Она может выказать себя «авангардом» международного рабочего движения (GW 2: 232). Отставание может преобразоваться в опережение. Приобретенный опыт позволил ей, словами Эрнеста Манделя, «собрать рассеянные элементы воедино в систематическую критику «старой проверенной тактики» западной социал-демократии» (Mandel 1986: 51).

В этой революции, непосредственно развязанной империалистической войной между Россией и Японией, со всей мощью выявились глубокая напряженность, захватившая мир (Welt) начала XX века. Стало очевидным переkreщивание империализма, войны, частичной консолидации капитализма в его центрах, колониализация периферии, связывание национальных и социальных вопросов, рабочего движения и крестьянских бунтов, реакции и антисемитизма. На фоне этой революции для Розы Люксембург стало разительно очевидно недостаточность простого отстаивания теории и практики Второго Интернационала перед оппортунистическим приспособлением к существующим отношениям, с одной стороны, и политикой узурпации социальных движений, с другой. Прежде всего, в массовой забастовке она усматривала такую форму движения, которая способна избежать обеих этих тенденций. Она продолжала свой самостоятельный поиск таких теории и практики, которые оказались бы способны, равно, и освободительным, и революционным способом вмешиваться в эти противоречия. Русская революция была для нее столь значима потому, что в ней образовывались новые формы прaxisа:

«Социал-демократия России была первой, на чью долю выпала тяжелая, но достойная задача применить основоположения Марксова учения не в период регулярного, спокойного, парламентского течения государственной жизни, но в бурном революционном периоде». (GW 2: 210)

События в царской империи еще раз продемонстрировали для Люксембург, что, иначе, нежели это отчасти представляла СДПГ, «действительная революция» «никогда не может стать искусственным продуктом сознательного планомерного руководства и агитации» (GW 1.2: 510), пусть даже марксистский анализ уже двадцать или тридцать лет назад предсказывал приближение этой революции. Вызов для социал-демократии возникает в самом процессе:

«Захватить ведущее положение *по ходу революции*, искусно использовать первые победы и поражения стихийного возвышения, чтобы завладеть потоком в самом потоке – такова задача социал-демократии в революционные эпохи. Совладать и управлять не *началом*, но *окончанием* (*den Schluss*), итогом революционного прорыва – вот единственная цель, которую разумным образом может ставить себе политическая партия [...]» (GW 1.2: 500)

В своих анализах она концентрировалась не на новообразованных Советах, но на формах массовой борьбы, прежде всего, на массовой забастовке. В прежних революциях эта форма борьбы не играла центральной роли:

«Ни одна из прежних революций нового времени еще не обладала таким смертельным оружием. [...] Теперь в русском государстве всеобщая забастовка впервые стала открывающим революцию сражением, в котором пролетарат впервые в истории вступает в борьбу как самостоятельный и осознающий свои особые интересы класс». (AR: 68) И всё это вырастает из стихийного толчка и совместного обучающего процесса.

Люксембург констатировала, что в русской революции многое перевернулось: социальные и политические завоевания рабочего движения стали здесь следствием не стратегии осады, но наступления – причем с захватывающей дух быстротой. И там, где раньше наличествовали лишь маленькие, большей частью нелегальные структуры экономического и политического рабочего движе-

ния, в скорейшее время образовались массовые организации. Ее вывод:

«Поэтому совершенно механическим и недиалектическим является то представление, что для начала борьбы всегда уже должны существовать мощные организации. Ведь организация также и сама, наоборот, рождается в борьбе, вместе с классовым просвещением». (GW 1.2: 603)

В маленьком финском курортном местечке Куоккала, неподалеку от Петербурга, только что освободившись из тяжелого 4-месячного заключения в Варшаве, Люксембург по просьбе регионального правления СДПГ в Гамбурге пишет свою аналитическую работу «Массовая забастовка, партия и профсоюзы», в которой она связывает опыт русской революции с западноевропейским опытом и развивает принципы новой наступательной стратегии массовой мобилизации. Как позднее напишет Карл Радек в своей роли представителя большевиков: «Эта брошюра явилась основанием новой фазы социализма. С нее начинается обособление коммунистического движения от социал-демократии». (Radek 1986: 27) Одновременно это была попытка теоретического обоснования революционного праксиса, который должен был привести не к господству над народом, но в освобождении народом *себя самого*. Как писала Люксембург:

«Живой материей мировой истории, несмотря на [утверждения] социал-демократии, всё еще остается народная масса, и лишь если существует живое кровообращение между ядром организации и народной массой, лишь если обе они живы биением одного пульса, то и социал-демократия оказывается годной для больших исторических действий». (GW 3: 252)

Важной чертой позиции Люксембург является то, что позднее, упрощающим или же умаляющим образом, было обозначено как ее *спонтанеизм* (*Spontaneismus*)¹.

1 См. подчеркнуто уравнивающее представление этой марксистско-ленинской позиции в работах: Oelßner (1951: 202ff.) и Laschitz/Radczun (1971).

Подчеркивание спонтанности у Люксембург следует соотносить не с хаотическим произволом, но, в смысле Иммануила Канта, с происходящим из собственного усмотрения (*Einsicht*) свободным действием (*Handeln*) по самостоятельному полаганию начала (*selbst einen Anfang zu setzen*).¹ Революция была для нее тем процессом, в котором люди, подчиненные отношениям зависимости, сообща начинают завоевывать пространство свободы (*Vollrath 1973: 93f.*). Она заявляла, что рабочее движение, что народные массы и являются собственно историческими акторами не только ради декларации. Через массовое движение, согласно Люксембург, трудящиеся проходят становление как самосознательные, свободно самоопределяющиеся акторы, приводящие под собственный контроль свое обобществление в конкретной акции. Таков для нее социализм как свобода в действии (*in Aktion*) и как цель.

Люксембург не верила, что рабочее движение может быть замещено демократическими организовывание этого класса в профсоюзы или партию, как и не принимала того, что маленькая централистская группа вправе раздавать ему приказы. И это не следовало понимать ни как отказ от организации, ни как отказ от руководства, но как переработанный опыт сорока лет развития собственных организаций рабочего движения. Роза Люксембург искала выходов из складывающейся ситуации подчинения социального эмансипативного движения интересам самосозданных организаций и их предво-

1 «Если [...] свобода есть свойство определенных причин явлений, то она должна [...] быть способностью, самой по себе (*von selbst* (*sponte*)) быть им началом». (*Kant 1903: 344*; см. *Vollrath 1973: 100.*) {Ср. Кант И. Критика чистого разума («Антиномии чистого разума, Раздел 3»: «III. Разрешение космологических идей о целокупности выведения событий в мире из их причин»): «[...] разум создает себе идею спонтанности, способной сама собой начинать действовать без предшествующей другой причины, которая в свою очередь определяла бы ее к действию по закону причинной связи». – *Прим. пер*}

дителей. Она восставала против того, чтобы отношения рабочего движения и социал-демократии превращались в олигархическое отношение демократической или диктаторской репрезентации, при котором, в конце концов, именно репрезентанты оказываются решающими или даже единственными акторами. В это время концепция политики Люксембург приобрела ясные контуры. Центральным для нее отныне было «самоуполномочивание через полностью публичное действие, нападение, парирование и научение» (*Schüttrumpf 2018: 67*). Она твердо держалась того базового высказывания Первого Интернационала, что «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» (*Marx 1864: 14* ^(М/Э, Соч. 16: 12)) и нацеливалась на целиком и полностью «активную концепцию партии», в которой «от руководства ожидалась не историческая творческая способность (*Schöpferkraft*), но связывание и усиление творческих импульсов социальных движений» (*Haug 2001: 63*). Роза Люксембург схватывала противоречие между самоорганизацией рабочих и самоуправством партий, профсоюзов и руководства – в отличие как от многих лидеров Второго Интернационала, так и от большевиков – *снизу*, исходя из социальных движений рабочих.

В глазах Розы Люксембург история была большим потоком, в котором плыли танкеры и корабли партий и организаций с их мнимыми или настоящими капитанами и их командами, чьи действия отнюдь не являлись незначимыми, однако, не были собственно двужущей силой, и которые были способны править лишь тогда, когда узнавали глубинные течения и могли ими воспользоваться. Реальные социальные движения были для нее собственным источником постоянного обновления общественных потоков. Для Розы Люксембург организации, в конечном счете, возникали из исторического действия социальных движений: «С каких это пор большие исторические движения, большие народные движения слаживаются путем тайных сделок за закры-

тыми дверями?» (GW 2: 172) – спрашивает она в 1906 г. на маннгеймском съезде СДПГ. Она жестко ставила под вопрос само понимание политического действия в немецкой социал-демократии, которая, в ее перспективе, была «настроена лишь на симпатично проводимые марши стационарированной в казарме малой части пролетариата» (GW 2: 143). Всё это покоилось «на иллюзии спокойного, ‘нормального’ периода буржуазного общества» и считалось лишь с борьбой «ведомой исключительно на почве буржуазного общественного порядка» (GW 2: 156). Внутри рабочего движения неизбежно складывалось свое собственное чиновничество, а организация становилась самоцелью (GW 2: 163).

Для Люксембург задача социал-демократии и ее руководства заключается в том, чтобы быть самой первой частью потока, увеличивать его силу, укреплять его направленность, доводить по предела его решительность, пробивать запруды капиталистического общества:

«Давать борьбе лозунги и направление, так выстраивать *тактику* политической борьбы, чтобы на каждой фазе и в каждый момент борьбы реализовывалась бы вся совокупность наличной и уже сработавшей, задействованной мощи (Macht) пролетариата, что выражалась бы в боевой стойке партии, чтобы тактика социал-демократии по ее решительности и остроте никогда не опускалась ниже уровня действительного соотношения сил, но, наоборот, опережала его, такова важнейшая задача ‘руководства’ ...» (GW 2: 133, см. также GW 1.2: 433) Предпосылками этого являются «совершенная ясность» относительно реальных отношений и перспектив, «демократизация всей партийной жизни» и «больше самокритики» (GW 3: 451).

Если хотят резюмирующим образом схватить присущее Розе Люксембург понимание истории и социалистического движения, то следует представить большие потоки, однако не усмиренные для судоходства немецкие реки, преобразенные в послушные водные артерии, а

именно потоки, иногда – словно в цайтрафере – пробивающие путь, чтобы затем лениво и истощенно протечь дальше; иногда пронизывающие горы, заново вскрывающие огромные области, чтобы затем со временем, казалось бы, спокойно замереть в большие озерах, но потом, неожиданно, заново всё перевернуть вверх дном в мощном течении. Чрезвычайно одаренная литературно, Люксембург формулирует это так:

“Массовая забастовка, как нам ее показала русская революция, это настолько изменчивое явление, что она отображает все фазы политической и экономической борьбы, все стадии и моменты революции. Ее применимость, ее сила воздействия (Wirkungskraft), моменты ее возникновения беспрестанно изменяются. Она внезапно открывает новые, широкие перспективы революции там, где, казалось бы, уже оказалась в теснине, но дает осечку там, где считают возможным полагаться на нее с полной уверенностью. Она то разливается широкой морской волной по всей империи, то разделяется в огромную сеть тонких ручейков; то клокочет из-под грунта как свежий источник, то без остатка прячется в земле. Политические и экономические забастовки, массовые и частные забастовки, демонстративные и боевые забастовки (Kampfstreiks), всеобщие забастовки отдельных отраслей и общие забастовки отдельных городов, спокойные выступления за повышение заработной платы (Lohnkämpfe) и уличные бои, баррикадные сражения – всё это взаимно проникает друг в друга, друг другу сопутствует, перекрещивается, перетекает одно в другое; это вечно подвижное, переменяющееся море явлений. И становится ясен закон движения этих явлений: дело не в самой массовой забастовке, не в ее технических особенностях, но в политическом и социальном соотношении сил революции”. (GW 2: 124 ¹)

1 {“Massenstreik, Partei und Gewerkschaften” (IV) (1906). Ср. Люксембург Р. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. П., 1919}

Еще прежде многих других, и вопреки многим, Роза Люксембург настаивала на том, что, для того чтобы общество эмансипативно изменилось, необходима по возможности максимально свободная, максимально демократичная, максимально открытая к социальному движению форма организаций. Такая организация или пространство таких организаций должно быть восприимчивым к подземным течениям общества и к инновациям, без чего социализм, в ее понимании, невозможен. Ни превращение членов партии в инструменты центральных партийных органов и их «абсолютное слепое подчинение» последним, ни низведение рабочих лишь в избирателей не являются признаками социал-демократической организации, поскольку она должна постоянно вновь вырастать «из элементарной классовой борьбы» (GW 1.2: 428). Совершенно верно замечает Петер Неттль: «Главенствующей идеей для Розы Люксембург была не демократия, не индивидуальная свобода или спонтанность, но участие (Teilnahme) – трение, производящее революционную энергию» (Nettl 1967: 30).

Поражение как путь к победе

Русская революция продемонстрировала вовлеченным [в нее] социалистическим революционеркам и революционерам, что в виду слабостей царского правительства и политической неготовности буржуазно-капиталистических групп царской империи самим взять рычаги действия в собственные руки, свержение царизма может быть сочленено с захватом власти социал-демократией, пусть и в союзе с представителями крестьянства. Большевики предупреждали, что это может привести только к катастрофе. Социалистическое правительство должно проводить социалистическую политику, однако условия для этого в России еще не созрели, капитализм еще не развит вполне. Ленин же и большевики, напротив, делали тогда ставку на радикально-демо-

кратическую буржуазную революцию, проводимую под социалистическом руководством, не ставящим перед собой никаких идущих далее социалистических целей. Дело заключалось лишь в «преобразованиях, осуществимых на почве буржуазного общества, в отличие от социалистических преобразований» (Lenin 1905: 278). Троцкий возражал на это и начал разрабатывать свою концепцию перманентной революции, поскольку исходил из того, «что пришедший к власти пролетариат всей логикой своего положения будет вынужден распространить государственное управление и на хозяйствование» (Trotsky 1969: 67)¹.

Люксембург, так же, как Ленин, Троцкий или же Каутский, видела переходный характер русской революции. Однако в качестве центрального она выделяла совершенно другой аспект, отталкиваясь при этом от своих позиций в споре о ревизионизме. Естественно, русский пролетариат должен был взять власть в свои руки. И именно через то, что «он оказывается на высоте своих задач, т.е. через свои акции доводит ход революционных событий вплоть до самой крайней границы, заданной объективным развитием общественных отношений», на этой границе его «почти неизбежно» ожидает «большое временное (vorübergehende) поражение» (GW 2: 231). И в ее глазах это поражение должно было явиться не следствием ошибочной стратегии, но результатом его успеха! Она исходила из того, что в той революции дело шло о том, чтобы «по возможности широко революционировать отношения внутри фабрики и общества», дабы «минимизировать возможности буржуазии сразу же после революции вернуть всё к дореволюционным временам» (AR: 208). И только решительное революционное действие может обеспечить то, что после революции ре-

1 {Ср.: [Троцкий 1930 («Перманентная революция»: Введение)] «Придя к власти, пролетариат вынужден будет производить все более глубокие вторжения в отношения частной собственности вообще, т.е. переходить на путь социалистических мероприятий». – Прим. пер.}

акционеры уже не смогут повернуть колесо истории на дореволюционную колею (см. AR 259 ff.). «Французское буржуазное республиканство» является «историческим продуктом ряда бесперспективных диктатур пролетариата» (AR: 261), а либерализм возвращается в силу тогда, когда дело идет о том, чтобы «отнять у пролетариата его завоевания» (AR: 263). Йорн Шютрумф так резюмирует позицию Люксембург: «Если революция отбрасывается к своей начальной точке, или даже еще дальше в прошлое, значит ли это, что тогда торжествуют прежние реакционные состояния, как перед революцией [...], или же отдача (Rückschlag) исчерпывается еще до возврата к начальной точке? В этой-то точке и решается, будет ли революция переживаться и оцениваться как победоносная, или как проигравшая. Поэтому Роза Люксембург выступала за максимальную раскачку революции влево, вплоть до диктатуры пролетариата – вполне осознавая, что удержать достигнутое не удастся. Функция этой диктатуры, в понимании Розы Люксембург, состояла, прежде всего, не в высвобождении социалистических элементов, но в смягчении [неизбежной] отдачи [...]» (Schüttrumpf 2018: 77)

Во время революции 1905-го Люксембург разрабатывала концепцию своего рода двойного господства. Рабочий класс, как подчеркивала она, должен был точно представлять, что будет делать после своей политической победы, чтобы «эти плоды победы» не были у него отняты (Luxemburg 2015: 16). С одной стороны, было необходимо временное революционное правительство, чтобы «получить в свои руки материальные средства и опоры власти: военные силы, финансы, налоги и общественное достояние» (Luxemburg 2015: 20). Это правительство должно было бороться со всеобщим хаосом, обеспечить созыв и выборы в Учредительное собрание и его последующую работу, а вместе с тем сдерживать силы реакции и «держатъ нож у ее горла» (Luxemburg 2015: 23). Правительство должно было быть решитель-

но социалистическим, правительством «социалистического пролетариата». Учредительное собрание же, напротив, должно было сложиться из свободных выборов всего населения (ebd.: 24 f.). Ее заключительный вывод:

«Таким образом, это будет Временное рабочее правительство, выходящее из лоно революции в качестве первой структуры власти, и Учредительное собрание, избираемое всем населением, чтобы под защитой и покровительством Временного правительства выработать конституцию, создать органы, призванные осуществлять устремления и задачи революции, и сразу же после победы ввести политическую свободу». (ebd.: 25)

Она исходила из того, что большинство в учредительном собрании не будет принадлежать социалистам и настаивала на том, что борьба не может надолго «полностью переместиться с улиц в закрытые залы заседаний» (ebd.: 35).

Фактически предвосхищая русскую ситуацию периода с октября 1917-го по январь 1918-го, Люксембург видела задачу в том, чтобы через революционное правительство созвать Учредительное собрание, обеспечить его работу и в перспективе передать ей парламентскую власть. То, что она *не* предвидела, было решением узкого круга вокруг Ленина в январе 1918-го отказаться от такой передачи власти. Предположение Люксембург выглядело иначе:

«Говоря конкретно: после свержения царского господства власть переходит к наиболее революционной части общества, к пролетариату, ведь этот пролетариат займет все посты, и куда остается на этих постах, пока власть не окажется в руках легально к ней призванных, т.е. в руках нового правительства, которое может быть определено лишь Учредительным собранием, избранным всем населением законодательным органом. Но в виду того факта, что большинство в обществе составляет не рабочий класс, не пролетариат, но мелкая буржуа-

зия и крестьянство, то и в Учредительном собрании большинство получают не социал-демократы, но крестьянско-мелкобуржуазные демократы. Мы можем сожалеть об этом, но изменить этого мы не можем». (AR 218)

Свобода для врага

В противостоянии с ее политическими противниками в польской социал-демократии, которые хотели фиксироваться на цели воссоздания польского государства и, в понимании Люксембург, в преследовании этой цели были также готовы подавить свободную дискуссию, была высказана в ее наиболее острой форме и та мысль, которая затем вновь появляется и как маргиналия о свободе мыслящих-иначе в ее написанной в тюрьме в 1918 году «[Рукописи] О русской революции». Она с трудом совместима с такими формулировками, как указывающая на то, что социал-демократия «на каждом шагу [должна] мыслить о том, что революция не имеет времени дискутировать с реакцией, но только лишь время, чтобы подавить ее и [...] низвергнуть» (AR: 209). Вопрос о том, как именно должны взаимно сочетаться неограниченная свобода прессы и собраний для врага и его ниспровержение, остается неразрешенным. Однако этот призыв – о том, что без такой свободной речи врага не может состояться никакое действительное самоосвобождение угнетенных – никуда не исчезает.

Если это освобождение, согласно позиции Люксембург, должно быть *собственным сознательным деянием* людей, просвещающих себя относительно своих интересов и цели, тогда будет совершенно невозможным, если при этом оно будет уничтожать именно то пространство, которое является неременным для этого самопросвещения. Тот разум, который вырастает из свободной коммуникации, из открытого состязания идей и интуиций, для Люксембург важнее, нежели рациональность, которая может вырасти из инструментального

подчинения заданным «правильным» целям. Можно также сказать, что освобождающий путь был для нее более ценен, нежели обещанная свобода как конечная цель.

«Следовательно, использование свободы собраний и прессы является той важнейшей вещью, которая делает для пролетариата возможным по ходу продолжающихся сражений обрести сознание; т.е. пролетариат борется за то, чтобы вместе собираться, обсуждать собственные проблемы (Angelegenheiten) и иметь возможность узнавать в свободно издаваемых газетах своих друзей и своих врагов. Если первым условием для становления пролетариата сознательным является принуждение правительства к свободам собраний, мнений и прессы, то вторым его условием является беспощадное использование этой свободы, полная свобода критики и дискуссий в рядах борющихся рабочих. Свобода мнений и прессы есть одно из тех условий для того, чтобы пролетариат смог обрести сознание; другим же является то, чтобы пролетариат сам не накладывал на себя цепей, чтобы он не говорил, что о том-то и том-то дискутировать мы не можем, и вот об этом тоже нет. Об этом известно просвещенным рабочим всего мира, и они всегда стараются предоставить это право – свободно излагать свои идеи – даже своему худшему противнику». (AR: 152)

Часть 6: В обороне

«Придется еще понадсаживать голос, чтобы в Рейхстаг забралось как можно больше идиотов и выставили там социализм на помешнице». (GW 4: 127)

Против “ничто-кроме-парламентаризма”

Годы после первой русской революции были годами, когда Роза Люксембург всё более жестко и всё более отчаянно атаковала пассивность СДПГ в отношении империализма, милитаризма и авторитарно-полуфеодальных структур германской кайзеровской империи. Она, в полном недоумении, оказалась поставлена перед тем «фактом, что самая мощная пролетарская организация мира, сумевшая добиться поддержки $\frac{2}{3}$ миллионов политически организованных в партию, $2\frac{1}{4}$ миллионов организованных в профсоюзы и $3\frac{1}{4}$ миллионов избирателей, близка к тому, чтобы заявить, что она не может исполнять решения международных съездов» (GW 2: 275). Она всегда исходила из того, что с усилением социал-демократии «просвещенной массе рабочих [...] удастся взять в собственные руки свои судьбы, управление всем своим движением, определение его ориентиров» (GW 2: 280), – теперь же ей пришлось столкнуться с совершенным спокойствием руководства СДПГ, организованного во фракцию Рейхстага. Она резко критиковала «стратегию исчерпывания» Каутского, которую считала не чем иным, как апологией пассивности: «Единственное, что сегодня Каутский может порекомендовать партии, это “ничто-кроме-парламентаризма”». (GW 3: 316)

Люксембург пошла в наступление, чтобы наконец добиться всеобщего избирательного права в Пруссии, агитировала за республику, чтобы покончить с господством кайзеровской клики и с союзом юнкерства и большого капитала, и требовала того, чтобы в случае войны немецкие рабочие отказались направлять оружие против

своих классовых братьев. Это навлекло на нее судебный процесс, приговоривший ее к 14 месяцам тюрьмы. Ее популярность среди работниц и рабочих Германии росла, но одновременно она совершенно утрачивала институциональное влияние внутри СДПГ. «Болото» партии, словами Люксембург, обратилось теперь против левых (GW 3: 352). Доступ к партийным газетам и журналам всё более и более ограничивался для нее. Организация встала между ею и массами и делала совершенно невозможным требуемый Люксембург ответ на империалистическую политику – «собственное выступление широчайших масс, их собственные политические акции, массовые демонстрации, массовые забастовки» (GW 3: 194). В 1913-м Люксембург предупреждает СДПГ:

«Социал-демократия исторически призвана к тому, чтобы быть авангардом пролетариата, она как партия рабочего класса должна возглавлять его в атаке. Если же она воображает себе, что только она, социал-демократия, призвана к тому, чтобы делать историю, что сам класс ничего из себя не представляет, что, пока он не превратится в партию, сам он и действовать не вправе, – тогда очень легко может получиться так, что социал-демократия станет тормозящим моментом в классовой борьбе и что ей, когда придет пора, придется догонять рабочий класс, будучи им, поневоле, подтягиваемой к решающим битвам». (GW 3: 254)

Политика фракции в Рейхстаге, как Люксембург предвидит в 1913-м, в конце концов, приведет к тому, что, в случае войны, она проголосует и за ее финансирование (см. GW 3: 341). Призывы к повышению «готовности масс к действию» (GW 3: 451), звучавшие за несколько месяцев до начала Мировой войны, встретили широкое одобрение среди рядовых членов партии, однако так и не возымели непосредственного воздействия на политику СДПГ.

Известна критика Розы Люксембург в адрес авторитарных тенденций у Ленина, впервые прозвучавшая уже в 1903 году и развертывавшаяся в ее критике

установления большевистской диктатуры в 1917/18 гг. Острота и пронизательность этой критики большевиков, прежде всего, связана с ее непосредственным опытом политических противостояний в демократической немецкой социал-демократии. В феврале 1915-го Роза Люксембург констатирует парадокс самоотступничества (*Selbstaufgabe*) этой самой успешной в истории пролетарской партии:

«Еще никогда, с тех пор как существует история классово-борьбы и существуют политические партии, не было такой политической партии, которая бы вот так, после непрерывного роста на протяжении пятидесяти лет, закрепления на перворазрядных политических позициях, обретения миллионов сторонников, буквально в двадцать четыре часа столь абсолютно слилась с горизонта в качестве политического фактора, как это произошло с немецкой социал-демократией. И на ее примере, именно потому что она была лучше всего организованным, дисциплинированным, обученным головным отрядом Интернационала, сегодняшний крах социализма демонстрируется наиболее убедительно (*am klassischsten*)». (GW 4: 21¹)

Еще за десятилетие до рокового августа 1914-го Роза Люксембург уже распознала тенденции «возникновения прям-таки профсоюзного чиновничества» (GW 2: 163), в параллель которому происходила парламентаризация социал-демократической верхушки и складывание партийного чиновничества». Она видела в этом «необходимое зло» и предупреждала, «что эти необходимые средства усиления... на определенном уровне развития организации и созревания отношений обернутся в свою противоположность, в препятствия для последующего роста» (ebd.). Парламентские и профсоюзные формы борьбы внутри застывших состояний медленной эволюции будут всё более рассматриваться как единствен-

но возможные формы, а связанные с ними организации «постепенно превратятся из средства по достижению цели в некую самоцель и высшее благо..., которому [разнообразно] будут подчинены интересы борьбы» (ebd.).

По Люксембург, из страха поставить под вопрос прежние достижения – парламентские позиции или уровень профсоюзной организации – социал-демократии отказались от применения наступательных средств борьбы как раз тогда, когда нужда в них была наиболее острой. С тем обоснованием, что еще, дескать, не достигнуто парламентское большинство, отказались даже от минимальных требований социал-демократии; с указанием на то, что, дескать, не все рабочие без остатка еще организованы и еще не все бастующие могут быть вполне оплачены из забастовочной кассы, было наложено вето на решительные действия в ситуациях, к ним вызывающих.

Казалось, что чем больше становилась организационная мощь немецкого рабочего класса, тем невозможнее оказывалось использовать ее в политической и социальной классовой борьбе:

«Чем больше растут наши организации, охватывая сотни тысяч и миллионы, тем более, по необходимости, умножается их централизм. Тем самым даже та малая доля духовного и политического содержания, инициативы и решительности, что завоевывается организациями в повседневной жизни партии, полностью переходит к узким коллегиям на верхушке: к правлениям союзов, окружным правлениям и парламентариям. То же, что остается для широких масс рядовых членов, это обязанности – выплата взносов, раздача листовок, участие в выборах и их низовой организации, устная агитация (*Hausagitation*) за подписку на газеты и т.п.» (GW 3: 252 f.) Для самой же Люксембург «вопросом жизни социал-демократии» было то, «чтобы политическая мысль и воля массы всегда оставалась живой и действенной для партии, чтобы они *всё в большей мере* способствовали ее деятельности» (GW 3: 39).

1 {«Die Wiederaufbau der Internationale». Первоначально в изд.: Die Internationale, Heft 1 vom 15. April 1915. – *Прим. пер.*}

Это она считала основным условием для необходимого изменения стратегии. Она хотела, чтобы достигнутая количественность обернулась новой качественностью, с выходом за «рамки буржуазного парламентаризма» (GW 3: 222) и превращением массовой забастовки в «пракис пролетариата» на «этапе самостоятельного действия (Aktion) пролетарской массы» (GW 3: 247).

Когда 14 января 1914 года парламентская фракция СДПГ обсуждала вопрос о массовой забастовке, запрос на наступательное продвижение массовой забастовки как средства борьбы был отклонен (52 голосами «против», при 37 «за» и 11 «воздержавшихся»), а сам вопрос препоручен комиссии для дальнейшего изучения (см. Laschitz 2016: 44–46). СДПГ отказалась от сопротивления кайзеровской империи еще задолго до августа 1914-го. «Боевитой» она уже не была. Не ее прежние враги, но она сама оказалась «изнурена». Люксембург часто говорила о «парламентском кретинизме» (GB 4: 202). Анархист Эрнст Мюзам писал в 1913 г. о Розе Люксембург, «что остаток деятельной силы, воинственности (Angriffslust) и идеализма, что еще живы в ее партии, почти целиком сконцентрированы в одной этой женщине..., перед чьей разумностью и прямоотой характера я, несмотря на все различия в наших взглядах, почтительно снимаю шляпу» (цит. в: Geide 1995: 138).

Великая война и поиск стратегического ответа

Для европейских левых август 1914-го был шоком. Более десятилетия они готовились к этому часу Мировой войны на своих конгрессах и в призывах, и всё лишь для того, чтобы в наступивший момент истины оказаться неспособными противостоять властвующим. Казалось, что танкер СДПГ, по указке ее фракции в Рейхстаге, за ночь совершил резкий разворот. Однако этот разворот готовился задолго. Это стало очевидно уже в 1913-м, когда фракция СДПГ в Рейхстаге проголосовала за проект воз-

мещения издержек по увеличению численности армии, а в 1914-м большинство партийного съезда поддержало это решение. Соотношение сил в СДПГ после долгого «инкубационного периода» перевернулось (Anton 2018: 82). Железная фракционная дисциплина держала под контролем тех депутатов Рейхстага, которые в августе 1914-го, по крайней мере, воздержались бы, если бы прямо не проголосовали против военных кредитов. Шкура партии СДПГ как вечно оппозиционной партии полиняла и свету явилась партия-соучастник (Mitgestaltungspartei), одна из зияющих кайзеровский рейх. Разве что поначалу это соучастие называлось *активным содействием* переходу к военной экономике и дисциплинированию трудящихся и солдат. Организационная мощь взяла верх над закливаемой Люксембург собственной активностью масс. Худшим для Люксембург было выключение СДПГ как самостоятельного «фактора власти» и моральное поражение, предательство идеалов, которые отстаивала социал-демократия (см. GW 4: 43).

Если посмотреть на позиции и сочинения Люксембург первых месяцев после начала Первой мировой войны, то в глаза бросается их резкое противоречие с активностью Ленина. Ему понадобились лишь минуты, самое большее – часы, чтобы выйти из шока и распознать в катастрофе возможный шанс. Если Люксембург – как и Ленин – бичевала предательство и – в отличие от него – прежде всего, убийство, варварство, цивилизационный срыв (Rückschritt), то Ленин сразу же принялся оценивать те стратегические возможности, которые открывались при предположительном поражении России в войне против Германии. Он имел в виду то, что именно поражение в войне против Японии в 1904/05 гг. дало толчок к первой русской революции. Ленин начал разрабатывать те элементы, из которых выросла его незаурядная стратегическая изобретательность в 1917/18 гг. Как писала Ханна Арндт, Люксембург «с начала и до конца категорически противилась тому, чтобы усма-

тривать в войне нечто иное, нежели ужаснейшую беду, что бы из нее не могло выйти, – по ее мнению, потери человеческих жизней, особенно пролетариев, в любом случае, были бы слишком высоки. Кроме того, ей просто претило, воспринимать революцию как выгодоприобретателя от войны и кровопролития – что вовсе не беспокоило Ленина». (Arendt 1989: 66)

В текстах Люксембург, по меньшей мере, до начала 1918-го не находится сколь-нибудь разработанных попыток продумать возможные сценарии конца войны и открывающиеся стратегические перспективы для левых в Германии (не говоря уже о Польше). Инструментальный подход, отличавший Ленина, был чужд для нее. Ему приписывают слова, якобы сказанные после казни его чрезвычайно им уважаемого и любимого брата Александра: «Дайте мне партию и я вытащу Россию из петли». Люксембург мыслила иначе: своей деятельностью, своими сочинениями она хотела ободрить и пробудить трудящихся, вдохновить их на то, чтобы они взяли в собственные руки заботу о своих делах. Прежде всего, именно это было для нее социализмом, а порядок общественной собственности являлся при этом только средством для самоуправления трудящихся во всех областях жизни. Эту энергию самоуполномочивания и хотела высвободить Люксембург, тогда как Ленин стремился задействовать ее, при максимально строгом контроле, с целью захвата политической власти под предводительством дисциплинированной партии.

Из этой радикально-демократической ориентации Люксембург следовал и ее однозначный отказ выйти из СДПГ осенью 1914-го. Она пишет в это время Косте Цеткину: «Известие о твоём 'выходе' из партии вызвало у меня улыбку. Ты – большой ребенок, возможно, ты и из человечества хочешь 'выйти'?» (GB 5: 7) В другом своем письме она говорит, что даже самая плохая партия лучше, чем никакая (GB 6: 177). Она хотела завоевать организованные в СДПГ массы рабочих и работниц для

другой политики, а не подчинить их дисциплине другой партии. Также и осенью 1918-го она противилась и отделению от Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ (USPD)). Она хотела оставаться с большинством, чтобы изменить его:

«Недостаточно того, что группа людей имеет в кармане наилучший рецепт и уже знает, как именно следует руководить массами. Эти массы еще нужно вырвать из-под гнета традиций пятидесятилетнего прошлого, освободить от них. И исполнить это они могут лишь в масштабном процессе постоянной острейшей внутренней самокритики движения в целом». (GW 4: 274)

Она долго не хотела согласиться с тем, что для этого также может быть неизбежно необходим и организационный разрыв. Кроме того, ее беспокоило, что собственное организационное объединение, «свяжет руки [...] паре человек, способных к действию» (GB 5: 93).

Для Люксембург было неясно, как именно следует действовать во время войны и после нее. Она концентрировалась на предложениях относительно нового Интернационала, но ей по-прежнему во многом не хватало предвосхищения конкретных вариантов действий в возможных открытых ситуациях. Как она сама признавалась:

«Всё по-прежнему не сходится, большому обвалу, как кажется, вовсе нет конца, а определять стратегию и устраивать сражение на столь перерытом и зыбком поле – это чертовски тяжелое занятие». (GB 5: 70)

Длительный отказ от инструментально-стратегического продумывания ситуаций и продолжавшееся до 1918-го неприятие необходимости создания собственной партии выказали себе как роковые в Ноябрьской революции. Тогда как рабочие и солдатские Советы относились к СДПГ и НСДПГ как к равноправным социал-демократическим партиям, которые сообща должны были принять на себя исполнение задач временного правитель-

ства, спартакисты Карл Либкнехт и Роза Люксембург, хотя они и были лично известны – любимы и обожаемы или ненавидимы, – не воплощали никакой собственной организованной массовой силы левых. В этой ипостаси они оставались несуществующими, что негативно сказывалось вплоть до январского восстания 1919 года. Выходило, что руководство без организации работает на холостом ходу и не противопоставляет контрреволюции никакой действенной силы. Самоорганизация масс слишком непостоянна без организации. Прямой призыв к более широкой общественности может оказать высокое моральное воздействие, но в критические моменты действия, как и в спокойные периоды, организации имеют решающее значение. Критике «организационного кретинизма» Розы Люксембург не хватает позитивного анализа организационной власти. Верно замечает Петер Неттль, что то «безразличие, даже пренебрежение, проявляемое ею при разборе проблем и методов организации, [...] в высокоорганизованном обществе» (Nettl 1967: 24) совершенно неуместны.

В мрачные годы Первой мировой войны, долгое время оставаясь заключенной в тюрьмы кайзеровского Рейха, в одном Роза Люксембург была убеждена абсолютно: это поражение социал-демократии, эта всемирно-историческая катастрофа войны между империалистическими государствами неизбежно произведет противореакцию, которая поставит социализм на повестку дня. В номере «Социал-демократической корреспонденции» («Sozialdemokratischen Korrespondenz» – единственно доступном ей в то время канале для высказываний) от 27 августа 1914, она пишет:

«Сегодня всё еще остаюсь оглушенной и подавленной этим непостижимым – разве не поднимутся завтра народы и не поймут, что общество, таящее в своем нутре такие ужасы, невозможно. Тот общественный порядок, который ведет в хаос, рано или поздно должен в хаосе и пропасть. Срыв человечества в

варварство или новое рождение через планомерно организованный и основывающийся на братании народов общественный порядок – вот та альтернатива, перед которой в силу сегодняшней Мировой войны, как бы она ни закончилась, поставлены все культурные нации». (GW 7.2: 893)

Часть 7: *Империалистическая эпоха* *и накопление капитала*

«Эпигонов издавно упрекали в том, что они превращают плодотворные гипотезы матери в застывшую догму и находят сытое удовлетворение там, где новаторский дух ощущает творческое сомнение». (GW 5: 444)

«Помоги мне, но по-быстроу, разрешить следующую идею...»

У теории накопления капитала Розы Люксембург была предыстория, начинающаяся в середине 1890-х. Работа над диссертацией по развитию капитализма в российской части Королевства Польского (см. часть 3) показала ей роль преобразования натурально-хозяйственного крестьянского и ремесленного производства в товарных производителей и связанной с ним интеграции во всё более капиталистически развитые рынки. Если Маркс в «Капитале» концентрировался на модели насквозь капитализированного народного хозяйства (*durchkapitalisierten Volkswirtschaft*), т.е. «чистого» капитализма, то ее предметом была национальная экономика, включающая в себя как крупные капиталистические предприятия, так и полуфеодалные большие хозяйства и мелкие производства с большой долей «натурального хозяйствования», причем всё это находящееся на стадии стремительного перелома (GW 1.1: 117 ff.). В занятой Россией части Польши она могла исследовать значение спроса на некапиталистические секторы для возникновения внутреннего капиталистического рынка.

Проблема накопления капитала и его границ была поднята в ее дебатах с Бернштейном (см. часть 4). Как 2 июля 1898 г., в горячую фазу ее работы над анти-бернштейнскими статьями, Люксембург пишет Йогихесу:

«Самыми сложными являются два пункта: (1) относительно кризисов, (2) позитивного доказательства того, что капитализм должен размозжить себе череп, что, по-моему, неизбежно, – и это является, ни больше ни меньше как коротким обоснованием нового вида научного социализма». (GB 1: 166)

Уже тогда ее не удовлетворяли существовавшие обоснования, почерпнутые из Маркса и Энгельса. Полугодом позднее, 9 января 1899 г., она уточняет свою проблему в еще одном письме к Йогихесу:

«А теперь помоги мне, но по-быстроу, разрешить следующую идею: с развитием капитализма развиваются противоречия и *несостоятельность* не только капиталистического хозяйства, но и капиталистического государства. Последнее, т.е. капиталистическая политика, также тяготеет к краху. Лишь одна практическая иллюстрация: в международной политике до последнего времени, еще пять-шесть лет назад, центральную роль играл Константинополь, вокруг которого вертелась вся международная борьба. [...] Около 1895 г. случилась важная перемена. Японская война открыла ворота в Китай, и европейская политика, гонимая капиталистическими и государственными интересами, ринулась в Азию. Константинополь отступил на задний план. [...] Ясно, что последней целью является дележ Азии и Африки, помимо этого у европейской политики нет другого поля для развития. Затем опять произойдет такая же закупорка, как недавно в восточном вопросе, и государствам Европы не останется ничего иного, как обрушиться друг на друга, т.е. в политике начнется период *окончательных кризисов* и т.д. и т.п. И ты уже понимаешь, что за восхитительные перспективы это обещает [...]» (GB 1: 249 f.)

Люксембург с самого начала связывала вопрос о неизбежном крахе капитализма с тенденцией перепроизводства:

«То есть случится ли мировой кризис, или частные кризисы, раньше или позже – это второстепенные вопросы, на которые и ответить невозможно.

Достаточно того, что рано или поздно это всеобщее *перепроизводство* (*allgemeine Überproduktion*) наступит. И вот *оно-то* и будет означать *смертный приговор* для капиталистического общества». (GW 1.1: 550)

Однако только с началом ее деятельности как преподавательницы национальной экономики в партийной школе СДПГ ей предоставилась возможность систематически изучить этот вопрос и найти ответ, способный, с ее точки зрения, дать ему убедительное научное разъяснение.

В период, предшествующий Первой мировой войне, когда она работала над «Накоплением капитала», проблема империализма становилась для нее все важнее. Ее политическая агитация и ее теоретическая работа составляли связанные друг с другом линии, поднимающие общие вопросы. Внутренняя и внешняя политики должны были достигаться в их стратегической взаимосвязи (см. GW 3: 11). Она жестко отвергала ту аргументацию, которая представляла «фактическую (*die*) колониальную политику» просто «плохим гешефтом», в котором не сходятся затраты и прибыли (GW 3: 35). Империализм для нее был последовательным усилением тех элементов, что «с колыбели сопровождали историю капитала». В отличие от, например, Бернштейна, она не усматривала в нем никаких цивилизационных плодов:

«Внутренняя сущность, ядро, весь смысл и содержание империалистической политики капиталистических государств – это поступательное и непрерывное разрывание в лошкаты всех некапиталистических стран и народов, постепенно проглатываемых и перевариваемых капитализмом». (GW 3: 28)

Период после 1870-го был эпохой относительного спокойствия в центре капиталистической системы и одновременно окончательного разделения мира. Богатство западноевропейских и североамериканского обществ росло, а вместе с ним – пусть и в значительно меньшей мере – и доля рабочих классов капиталистических цен-

тров в этом богатстве. Первенство владетельной буржуазии в Англии было замещено господством ряда финансовых и промышленных олигополий (о парадоксах того времени см.: Hobsbawm 1989: 9 f.). Однако к 1900-му этому относительному спокойствию пришел конец. Если в метрополиях развернулась позиционная война между капиталом и трудом, то на окраинах разгорелись жестокие конфликты – во-первых, между самими империалистическими государствами, во-вторых, между ними и формирующимися антиколониальными движениями и, в-третьих, в качестве народных революций, как в случае революционных событий в Китае (с 1900 г.), русской революции (1905/7) и революции в Мексике (с 1913 по 1920 гг.). В империалистических метрополиях демократические и социальные реформы забуксовали, вследствие нарастающего сопротивления империалистическое угнетение принимало всё более brutальные формы, а межимперские конфликты грозили выйти из-под контроля. Вместе с Лениным и другими радикальными левыми Социалистического интернационала Люксембург потребовала после 1900 г., чтобы социал-демократия начала «разбираться в мировой политике», поскольку «все страны живут на постоянном военном положении» (GW 6: 305, 306). И поэтому для социалистических движений необходима новая стратегия и теория. Одним казалось, что ряд важных тезисов марксистской теории накопления капитала попросту опровергнуты. Другим – что для наступательного ответа на актуальные вызовы настоятельно необходимо дальнейшее развитие Марксовой политической экономии и ее расширение.

Имевшиеся на то время марксистские анализы во многом определялись вышедшим в 1910 г. грандиозным исследованием Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал» (Hilferding 1947). С ним соотносились ведущие теоретики Второго Интернационала, начиная с Каутского (1911, 1914) до Ленина (1916) и Бухарина в 1917 году (Bucharin 1969). Другим важным для всех

источником была работа Джона Аткинсона Хобсона 1902 года (Hobson 1968). Они отталкивались от замеченных уже Марксом фактов развития кредита и акционерных обществ, как и от предвосхищенной им тенденции централизации. Маркс экстраполировал эту централизацию вплоть до ситуации, «когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного-единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов» (Marx 1890: 656 ^(М/Э, Соч. 23: 641)).

Общество как культурный организм

Избранный Розой Люксембург подход к капиталистическому накоплению капитала явственно выбивался из этого дискурса. Конечно же, она осознавала значение крупных банков, концернов и картелей, однако, в отличие от вышеназванных теоретиков, не столько усматривала в этой централизации и концентрации праформы социализма, которые остается-де только развернуть на благо рабочих, сколько подчеркивала то разрушительное воздействие, которое они оказывают на колониальные и полуколониальные экономики, прежде всего, на мелкое крестьянское производство. Она детально анализирует перераспределение, опосредуемое государственными органами, вплоть до монополистических организаций. Ее ориентиром выступали не крупные организации капитала или государства, но самоорганизация рабочих и, не в последнюю очередь, крестьян в докапиталистических общинах, на которые она постоянно ссылалась, чтобы проиллюстрировать возможность некапиталистического порядка хозяйствования и собственности. Она пронизательно анализирует их разрушение. В 1907 г., параллельно с началом ее работы в партийной школе СДПГ, она читает публичные лекции перед тысячами слушателей. Это были большие публичные события.

Как отмечала Кристель Нойзюсс (Neusüß 1985: 306), центральной проблемой для Розы Люксембург было *воспроизводство общества как целого (Reproduktion*

des Ganzen der Gesellschaft). Люксембург понимала общество как культурный организм, частью которого является экономика с ее конкретными социокультурными и политическими формациями. Свою работу по накоплению капитала она, в отличие от Маркса, начала не с товара как элементарной формы богатства, но с размышления о сохранении совокупности общества как культурного организма и о тех угрозах, которые несло для него капиталистическое накопление, акцентируя при этом:

«Первоначально регулярное воспроизведение производства является общей предпосылкой и опорой для регулярного потребления, таким образом обуславливая культурное существование (Kulturexistenz) человеческого общества во всех его исторических формах. В этом смысле понятие воспроизводства содержит в себе культурноисторический момент» (GW 5: 10).

Она задавалась вопросом о целостности общества как цивилизации и исследовала те опасности, которые угрожают этой целостности и, прежде всего, слабейшим ее звеньям вследствие накопления капитала. Именно этот исходный пункт обуславливает чрезвычайную актуальность работы Люксембург и ее интенсивно продолжающееся восприятие (см.: Brie 2016). Для Люксембург «воспроизводящимися» были как раз цивилизации, а не только технологические и экономические отношения. Поэтому капитализм ей казался «невозможной вещью» («ein Ding der Unmöglichkeit»), обществом без сознательной организации, которое, «тем не менее, выстраивается в целое и может существовать» (GW 5: 770). Для нее политическая экономия являлась культурно-политической экономией (см. новые подходы к теме в: Sum/Jessop 2013).

Причины растущей конфликтности капитализма, направленной как вовне, так и внутрь, Роза Люксембург, в отличие от Гильфердинга, усматривала, прежде всего, не в том, что «финансовый капитал в его завершении

– это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии», что становится «всё более несовместимой с интересами народных масс, эксплуатируемых финансовым капиталом, но им же пробуждаемых к борьбе» (Hilferding 1947: 518 ^{(Гильфердинг (1959), с. 478)}). Она также определяла проблему и отлично от Ленина, который указывал на то, что «монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм». (Ленин ПСС т. 27, 422). Причины кризисов она усматривала в ограниченности самого капиталистического накопления, на которую реагируют милитаристски, авторитарно и асоциально (unsozial). Она не делала центральной ту особенную форму капитализма, которую он принял в начале XX века, но видела в этой форме обострение общих противоречий. Это составляло и силу, и слабость ее подхода.

Капитализм как невозможная общемировая форма (Weltform)

Толчком для написания работы Люксембург «Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма («Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur ökonomischen Erklärung des Imperialismus» (1913)) были различные факторы. Во-первых, существенную роль играло внимательное наблюдение за сдвигами во всемирно политических конфликтах (см. выше). Во-вторых, при преподавании в партийной школе СДПГ она натолкнулась на проблемы, которые она не могла разрешить внутри Марксовой парадигмы. В-третьих, на выбор направления разрешения этих проблем повлияли, с одной стороны, ее интерес к

докапиталистическим формам хозяйствования с присутствием им коммунистическими чертами и, с другой стороны, эмпатия к поработанным империализмом народам. Непосредственным же толчком стала ее работа над «Введением в национальную экономию» («Einführung in die Nationalökonomie» [«Введение в политическую экономию»]), оставшимся незаконченным и впервые опубликованным только в 1925 г. Она пишет тогда Косте Цеткину:

«Погружена в мою экономическую работу и сижу уже за последней главой, где хочу дать обоснование империализму. [...] Строго экономическая аргументация привела меня к Марксовым формулам в конце II-го тома «Капитала», которые уже давно меня беспокоили и где теперь я нахожу одну прореху (Windbeutelerei) за другой. Нужно будет в них основательно разобраться, иначе я не смогу выстроить свою позицию по вопросу. Как мыслительная работа меня это радует, но требует много времени» (GB 4: 124). Главной внутритеоретической проблемой для нее было то, что внутри Марксовой политической экономики она не могла найти ответ на следующий вопрос: «Кто может [...] быть пользователем, потребителем общественной товарной продукции, чей сбыт как раз и должен сделать возможным накопление? Пока ясно, что ни рабочие, ни капиталисты ими быть не могут». (GW 5: 426)

В ее работе по разрешению проблемы накопления скрещиваются три интереса Люксембург: во-первых, она искала ответ на вопрос, почему капитализм наталкивается на границы, перешагнуть которые не может? Ответ, предлагаемый традиционным марксизмом, казался ей недостаточно убедительным. Во-вторых, ее центрально-восточноевропейский взгляд (ostmitteleuropäischer), особенно внимательный к тем разрушениям, которые капитализм приносит на свою периферию. Еще точнее: она наблюдала за центром капитализма в качестве одной из первых марксисток из периферии. И в-третьих, она искала основания нарастающих империалистиче-

ских напряжений и усугубляющейся угрозы войны. Написанное в декабре 1912 г. «Предисловие» к ее работе кончается следующими словами:

«Мне не удалось с достаточной ясностью изложить совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных связях (Beziehungen), как и его объективные исторические рамки. При ближайшем рассмотрении я пришла к выводу, что дело здесь не только в вопросе изложения, но и в той проблеме, которая взаимосвязана с содержанием второго тома Марксова «Капитала» и одновременно выдвинута (eingreift) в практику сегодняшней империалистической политики, как и в ее экономические корни. Если бы мне удалась эта попытка по-научному точного постижения этой проблемы, тогда, помимо чисто теоретического интереса, моя работа, как мне кажется, имела бы и некоторое значение для нашей практической борьбы против империализма».
(GW 5: 7)

Центральное противоречие капитализма Роза Люксембург обнаруживала в том, «что для своего продолжения капиталистическое накопление нуждается в некапиталистических социальных формациях как своем окружении, поскольку только в постоянном материальном обмене (Stoffwechsel) с ними оно далее умножается и может существовать, лишь пока эта среда предоставлена ему на потребу» (GW 5: 315). Можно было бы также сказать: без некапитализма нет и капитализма! Это было, как полагает она, «в духе Марксова учения», однако в действительности являло фундаментально иную перспективу на накопление капитала, нежели избранная Марксом в первом томе «Капитала». Маркс изучил лишь «одну сторону» этого накопления – складывающуюся между капиталом и трудом в «местах производства прибавочной стоимости». «Другая сторона накопления капитала», по Люксембург, «складывается между капиталом и некапиталистическими формами производства» (GW 5: 397). Однако эта сторона накопления капитала

столь же конечна, как глобус Земли, которую уже в ее время возможно было обогнуть менее, чем за 80 дней.

Накопление капитала для Люксембург являлось связкой (die Verbindung) эксплуатации наемного труда и эксплуатацией как уничтожением некапиталистических цивилизаций. В последних она обнаруживает то, чего капитализм, по ее мнению, не имеет, – производство для [удовлетворения] непосредственных потребностей и прямое улаживание сообщащих дел (gemeinsamen Angelegenheiten). Образцовой для нее была «аграрно-коммунистическая организация хозяйства». Ее симпатия к этой форме подтверждается и в таком виде:

«Невозможно представить себе ничего более простого и, одновременно, гармоничного, нежели эта хозяйственная система старого германского пограничья. Здесь, как на ладони, предъявлен весь механизм общественной жизни. Строгий план и жесткая организация охватывают здесь работу и досуг каждого, включая его в целое как частицу. Непосредственные потребности повседневной жизни и их равное для всех удовлетворение – таков исходный и конечный пункт всей организации. Все работают сообща для всех и сообща принимают решения обо всем. Откуда же проистекает и на чем основывается эта организация и власть целого (Gesamtheit) над единичным? Это не что иное, как коммунизм на землю и почву, т.е. совместное обладание трудящимися важнейшим средством производства» (GW 5: 656).

Докапиталистические общества были для Люксембург «ценным историческим пунктом ориентации, дающим возможность критиковать капитализм» (Löwy 1989: 141) и предвосхищать черты послекапиталистической цивилизации.

Обоснование того, что накопление капитала неизбежно обусловлено некапиталистической средой, Люксембург обнаруживала в том тезисе, что постоянно возрастающая прибавочная стоимость не может най-

ти потребителя при условиях эквивалентного обмена. Внутри Марксовой схемы воспроизводства во II-м томе «Капитала» не объясняется, откуда может появиться спрос на дополнительно созданную стоимость, коль скоро она не потребляется самими капиталистами. Оказываются нужны «третьи лица» (GW 5: 299). А это значит, что «*по меньшей мере*, подлежащая капитализации прибавочная стоимость и соответствующая ей часть капиталистической массы производства» должна быть реализована вне капиталистического круга – и где же тогда еще, как не в «некапиталистическом мире» (GW 5: 308)?!

То есть, по Люксембург, в отличие от любого способа производства до него, капитализм должен вытеснять все некапиталистические формы, одновременно нуждаясь в них как в воздухе для дыхания. Капитализм – это хозяйственная форма, которая «одновременно с тенденцией становиться общемировой формой разбивается о внутреннюю неспособность быть общемировой формой производства» (GW 5: 411). При этом она могла обращаться к своему блистательному реферату по развитию глобального хлопчатобумажного производства и капиталистической индустриальной революции, где предельно четко, как под лупой, сформулированы противоречия капитализма, колониализма и нового рабства, или крепостничества, между центрами и перифериями. (GW 5: 557-563) (см. его новое представление в работе: Beckert 2014).

От выделенной Люксембург проблемы эффективного спроса в условиях расширенного воспроизводства нельзя отделаться ссылкой на спрос самих капиталистических предприятий на постоянный капитал и расширяющееся собственное потребление предприятиями таких собственных продуктов, как железо, уголь и т.п. И это не отвлекает внимания от противоречия между капиталом и наемным трудом и классовым характером капиталистического накопления (см., наряду с пр.: Dunayevskaya 1981: 41; Hudis 2014: 478 ff.), когда Люксембург подчер-

кивает, что движение этих (и других) противоречий должно проходить сквозь игольное ушко спроса. Наряду с обращением внимания на некапиталистические среды, она также, пусть и на последних страницах своей работы, выделяет тему государственных расходов (и, не в последнюю очередь, в области вооружения). Более поздние попытки – в рамках фордизма, социального государства, кейнсианского макроуправления или же подгоняемого долгами накопления – проработать выявленные ею проблемы, обязывают к продумыванию многообразия форм, учитывающих стремление (Drang) к расширенному воспроизведению отношений капитала и к обеспечению необходимых для этого условий его применения.¹

Как вновь и вновь подчеркивала Люксембург, автоматического краха капитализма не случится. Юдит Дельхайм указывает на это следующим вопросом: «Как трудящиеся подготовятся и окажутся способными так изменить свои материальные потребности и образ жизни, что положат конец насилию друг против друга, против трудящихся других стран, против социально слабейших групп населения во всём мире, против самой природы, оставив его в прошлом?» (Dellheim 2016: 313) Покуда ответ не найден, капиталистическое накопление будет вскрывать для захвата и отчуждения всё новые

1 Риккардо Беллофьоре приходит к следующему заключению: «При всех своих ограничениях экономический анализ Люксембург представлял собой не меньше, нежели возрождение теории стоимости как теории эксплуатации в монетарной экономике, определяемой динамической конкуренцией между предприятиями. Ее оригинальность заключалась в том, что в своем подходе она схватывала Марксовы перспективы, далее развиваемые через старые (Виксель, Шумпетер, Кейнс) и новые (Шмитт, Паргез, Грациани) теории денежного обращения. Именно то, что Каутский или Ленин, Бауэр или Бухарин считали ее «ошибками», теперь проявляется как нечто выводящее Люксембург в одну из зачинательниц макроэкономической теории эксплуатации, накопления и кризиса» (Bellofiore 2010). Уже в 1939 г. Михал Калеcki обнаруживает, что Люксембург еще до Кейнса удалось дать «яснейшую формулировку» проблемы эффективного спроса (Kalecki 2003: 46).

поля и преобразовывать свои деструктивные последствия в предмет собственного накопления.

С Розой Люксембург теория накопления переориентируется на анализ империализма и воспроизводства, каковая направленность сохраняется ею по сегодняшний день. Если Маркс считал «чистый капитализм» реальной абстракцией, из которой лишь пролетариат выходит как воистину прогрессивный класс, то Люксембург конструирует отношение капиталистического способа производства и некапиталистических способов производства как определяющее для любого накопления капитала. Таким образом Роза Люксембург предпринимает имеющее большие последствия расширение постулированной Марксом взаимосвязи накопления. В этой перспективе рабочий класс должен напрямую разбираться (*auseinandersetzen*) одновременно и с капиталом, и с теми разрушениями, которые плодят империализм и милитаризм. Как формулирует Питер Гудис: «Роза Люксембург остается принципиальной референтной фигурой для нашего времени, так как она настаивала на том, что накопление капитала зависит не только от внутренних *временных* динамик частных капиталистических обществ, но и, прежде всего, от *пространственного* пронизывания и разрушения некапиталистического мира капитализмом». (Hudis 2014: 474). Одновременно с этим возникал вопрос, какое значение имеет антиколониальная и антиимпериалистическая борьба для социалистической стратегии. В любом случае, для Люксембург было ясно, что невежество по отношению к показанному ею противоречию капиталистического накопления с неизбежностью и привело «к тому жалкому фиаско социал-демократии» (GW 5: 517), которое она пережила в Первой мировой войне.

Капитал, формулирует Роза Люксембург в своем определении эпохи, расширяется в своей актуальной империалистической конфигурации, при этом разрушая, как вовне, так и внутри, именно ту покупательную спо-

собность, в которой он нуждается для реализации своей прибавочной стоимости. Ее заключение блистательно:

«Чем более насильственно, посредством военщины, капитал расправляется с существованием некапиталистических слоев, как во внешнем мире, так и у себя дома, и понижает условия существования всех трудящихся слоев, тем больше ежедневная история накопления капитала на мировой сцене преобразуется в непрерывную череду политических и социальных катастроф и конвульсий, которые, вместе с периодическими экономическими катастрофами в виде кризисов, сделают продолжение накопления капитала невозможным, а бунт (*Rebellion*) международного рабочего класса против господства капитала необходимым, пусть даже он экономически еще наталкивается на свои естественно возникающие рамки [разрушающегося некапиталистического спроса – *М.Б.*]» (GW 5: 410 f., см. также заключение в ее изданном уже посмертно «Введении в политическую экономику», GW 5: 778, и ее «Антикритику», GW 5: 430).

Лишь политическая революция рабочего класса, согласно Люксембург, может положительно разрешить это противоречие, в противном же случае грозит срыв в варварство (см. GW 7.1: 229).

Политэкономические основания новой стратегии

Увязывание хода развития в центрах и на перифериях капиталистической миросистемы всегда отличалось жесткими варварскими чертами. В виду этого факта Ханна Арендт, прямо опираясь на Розу Люксембург, выделяет империализм как один из тех «элементов» тоталитарного господства, которые подготовили путь национал-социализму. Она пишет: «Из книг об империализме, возможно, написание никакой другой не было ведомо столь чрезвычайным историческим инстинктом, как работа Розы Люксембург. Поскольку развивая свои

исследования, она пришла к результатам, которые не согласовывались с марксизмом ни в его ортодоксальной, ни в его реформированной форме, но, тем не менее, сама не могла отказаться от унаследованного инструментария, ее произведение осталось незавершенным; и поскольку она не могла признать правоты ни марксистов, ни их противников, то оно осталось практически незамеченным». (Arendt 1995: 254) Сделанные Люксембург стратегические выводы для социалистического рабочего движения указывали, прежде всего, на его последовательное противостояние империализму, милитаризму и колониализму и на однозначную солидарность с поработенными и ограбленными капитализмом народами.

Обобщая итоги русской революции 1905 года, Роза Люксембург выработала понимание политики, более не признававшей никаких разделительных линий между борьбой организованного рабочего движения и борьбой широчайших слоев пролетариата, в том числе и так называемого, пренебрежительно – не в последнюю очередь и самим Марксом, «люмпен-пролетариата». Она включала в эту борьбу широчайшие народные слои, в том числе, и не в последнюю очередь, крестьянство, которое на протяжении долгого времени считалось реакционным. Она подчеркивала взаимосвязь между борьбой в развитых капиталистических странах, борьбой в России и борьбой колонизированных и полукolonизированных народов Африки, Латинской Америки или Азии.

Во всех этих конфликтах, в ее глазах, прямо или косвенно повестку дня всегда определяли накопление капитала, с одной стороны, и противодействие ему, с другой. Потому-то величайшие освободительные инновации могут изобретаться как раз теми, кто не живет в центре системы. Также и в области теории рабочий класс Германии и Западной Европы утратил для Люксембург свои авангардные позиции. Она не считала ни колонии просто экономическими придатками центров, ни поработенные народы объектами для «цивилизации».

Поскольку *морально* она ставила себя в положение слабейших в мировом обществе; поскольку *теоретически* она не ограничивалась анализом непосредственных отношений капитал–наемные работники, но схватывала накопление капитала в его целостности; и поскольку *практически* она рассматривала всю широту борьбы – она раскрывала марксизм и социализм для новых форм движения. Для Люксембург ее новое формулирование Марксовой теории накопления и обоснование стратегии самоорганизации рабочих и народных масс совместно составляли единое целое.

Всё это изменяло и взгляд на социализм. Для Розы Люксембург он был не просто системой индустрии в руках победоносного рабочего класса, но началом новой цивилизации, не только наследующей крупной промышленности, но и принимающей гораздо более богатое цивилизационное наследие, в том числе прямо наследующей и докапиталистическим цивилизациям. Социализм был для нее «исконной общемировой формой, причем естественно (*in sich*) гармонической системой, поскольку форма эта ориентируется не на накопление, но на удовлетворение жизненных потребностей самого трудящегося человечества через развертывание всех производительных сил земного шара» (GW 5: 411), – как гласят последние слова ее работы «Накопление капитала». Как это провидела Люксембург, в новом, более высоком, чем капитализм, обществе вновь возникнут элементы докапиталистических форм хозяйствования – производство для прямого удовлетворения насущных потребностей, прозрачность непосредственных отношений, демократическое самоопределение производителей и прямая демократия.

Часть 8: *Симфония демократического социализма 1918-го*

«Непреходящая заслуга большевиков [...] в том, что они впервые заявили конечные цели социализма как непосредственную программу практической политики» (GW 4: 341).

Спор между товарищами

Вернемся назад в лето 1918-го. Роза Люксембург уже год находится в тюремном заключении в Бреслау. Условия ее содержания значительно ухудшились. Прошло уже больше года, как в России началась революция, которую она столь воодушевленно приветствовала. Уже в дебюте Февральской революции в Петрограде она знала:

«Размах русских событий колоссален и непросчитываем, и, как я вижу, происшедшее там к настоящему моменту является лишь маленькой увертюрой к последующему. Дела там будут грандиозные, это следует из логики вещей (Natur der Sache), и их эхо, неизбежно, прокатится по всему миру». (GB 5: 205)

Однако война продолжалась. Новые невзгоды омрачали ее жизнь. Здоровье было подорвано. Мир пришел в движение, прежде всего на Востоке, а она оставалась в заточении. В Германии пробуждалось сопротивление войне, дело дошло до забастовок, но это сопротивление пока не принимало форму массового отказа от подчинения приказам, не приводило к созданию Советов, не оборачивалось революцией. В России ее ближайшие политические союзники, большевики, в ноябре 1917-го захватили власть и боролись за строительство социализма. Люксембург предвидела это и предупреждала, что без «международной пролетарской революции» диктатура пролетариата в России «обречена на оглушительное поражение», «в сравнении с которым судьба Парижской коммуны покажется детской игрой» (GW 4: 279).

Если следовать статьям, которые Роза Люксембург пишет в это время, то видно, как в течение 1918 года этот социализм, за который боролись большевики, превращается для нее в карикатуру на те идеалы, которым она присягнула. Страх перед новым разочарованием сковывал ее. В этой ситуации она пишет свою «О русской революции». Это ее сочинение становится рубежным. После него, если не раньше, становится очевидным, что началась «эпоха двойственности и разногласий», словами Петера Вайса: «Было невозможно иметь абсолютно верный, соответствующий действительности взгляд, и ближе всего к истине подходили тогда, когда в анализ положения дел включали существующую раздвоенность (Zwiespalt)». (цит. в: Gioia 1989: 13) Именно это отличало Люксембург. У нее противоречие превращалось в самопротиворечие.

«Свобода это всегда свобода мыслящих иначе», – ранней осенью 1918-го, критически разбираясь с большевиками, написала Роза Люксембург в своей «О русской революции». Нельзя делать из свободы «привилегию». Ни одно из ее высказываний не цитировалось столь часто и охотно (почти) всеми сторонами, как это. И ни одно так не забалтывалось, как это. Как если бы оно истощило свою взрывную силу в разборках с государственным социализмом, к чьему началу и концу оно относится. Однако это роковое заблуждение. Следует еще раз представить себе те обстоятельства, при которых Роза Люксембург писала это: она, в период с 1915-го по 1918-й проведшая более 1200 дней в застенках немецких тюрем, она, чьи друзья либо погибали на войне, либо последовали за ней и оказались в заключении, она, невероятно жестко протестовавшая против варварства милитаризма в Германии, и из-за этого брошенная в тюрьму как преступница, она, всеми своими силами выступившая против мировой войны, – произносила жесткое суждение о своих ближайших политических друзьях, только что победивших в революции.

Хотя диктатура большевиков была диктатурой «единомышленников» Розы Люксембург, хотя социальные цели этой диктатуры также были и ее целями, хотя она могла надеяться на то, что будет освобождена революционным выступлением, хотя, как представлялось, эта диктатура могла оказаться для нее благоприятной – Роза Люксембург ее отвергала. Она считала, что на кону стоит нечто большее, чем ее собственные интересы. Однако впервые в своей жизни, по настоянию Пауля Леви, Роза Люксембург отказалась от публичного проявления своего собственного мышления-иначе (Andersdenken). Возможно, это было ее величайшей политической ошибкой. Лишь спустя три года после ее смерти, уже слишком поздно, это ее сочинение было опубликовано – тем же Паулем Леви, усмотревшим в нем инструмент борьбы между социал-демократией и Коммунистическим интернационалом.

Свое сочинение «[Рукопись] О русской революции» Люксембург написала в кратчайшее время, предположительно в сентябре-начале октября 1918 г. (см. об этом: Laschitzka 2002: 571). Непосредственным поводом для его создания стало примечание (eine Fußnote) Эрнста Мейера, ставшего редактором «Писем Спартака» («Spartacus-Briefe»), после того как был арестован Лео Йогихес. Это примечание осторожно, но вполне ясно дистанцировалось от критики большевиков Розой Люксембург. Спровоцированная этим, Люксембург принялась систематически дорабатывать свою критику, опираясь на доступную ей важнейшую информацию и общий обзор дискуссий немецких и русских левых того периода (полное представление доступных ей тогда материалов см. в: Schütrumpf 2017). Далее для меня центральным является личный смысл написанного в «Рукописи» для самой Розы Люксембург, а не то значение в братском споре между большевиками и социал-демократией, которое она обрела по ее публикации.

Еще в разгар войны, разбираясь с резкими доводами за и против большевистской политики, Люксембург

сделала нечто совершенно невозможное. Отказавшись от логики «мы или они», она одновременно занимала и сторону *за* большевиков, и сторону *против* них. Она знала точно: «Просто не существует – как бы парадоксально это ни звучало – какой-то правильной тактики, которой сегодня мог бы воспользоваться русский пролетариат!» (GW 4: 277) Такая «правильная тактика» могла бы возникнуть только в результате свершившейся социалистической революции в Германии. Для нее большевики были недостаточно последовательны в устранении причин капитализма, национальной вражды и войны, поскольку они дали землю крестьянам, предоставили национальную независимость угнетенным народам и заключили мир с немцами в Брест-Литовске. Для Люксембург, они следовали путями, не ведущими *напрямую* к социализму и, кроме того, его дискредитирующими. И она предельно жестко критиковала большевиков за их переход к диктатуре. Словно дикий порыв, на полях ее рукописи высказывает замечание, слова которого сохраняют свою значимость и сегодня:

«Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма ‘справедливости’, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если ‘свобода’ становится привилегией». (GW 4: 359 ^{PP 223})¹

Иногда говорят, что нельзя свести Розу Люксембург к этим ее словам – «Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих». Тем самым либо высказывается банальность – для такого теоретика и политика, как Роза Люксембург, чье наследие (Werk) столь велико и

1 {Цит. по изд.: Люксембург Р. Рукопись о русской революции. Пер. с нем. Я. С. Драбкина.// Роза Люксембург: актуальные аспекты политической и научной деятельности. М., 2004. [= {PP}]}

сложностно, – либо же за сказанным следует признать лишь орнаментальный характер реплики, вырвавшейся у Розы Люксембург в пылу полемики. Однако сама она видит в устранении демократии гибельное средство большевистской политики и пишет:

«Ведь оно засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки (Unzulänglichkeiten) общественных учреждений, – активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс». (GW 4: 355 f. ^(PP 220)) Мы снова встречаем здесь метафору из дикой природы, что свойственно для нее, когда она пытается выразить свои идеалы.

Почему же это короткое сочинение «О русской революции» вплоть до сегодняшнего дня так тревожит и сбивает с толку? Почему оно, как «беспрепятственная» жизнь, вновь и вновь прорывается туда, где ему не рады? Почему выбивается оно из, казалось бы, ясно прочерченных линий фронта XX века, в силу чего и оказывается вдохновляющим для попыток обновления социализма в XXI веке? Почему то одни, то другие считают уместным попытаться присвоить себе его, и почему для всех оказывается такой тяжелой задачей, свести дух этого сочинения к простым знаменателям? Причину этого я вижу в том, что в этой рукописи Роза Люксембург стремится соединить две тенденции, в дальнейшей истории XX века кажущиеся совершенно противоположными, – социализм и демократию.

Я не хотел бы рассматривать это сочинение Люксембург, выдергивая из него то один, то другой аргумент, чтобы сопоставлять их с соответствующими позициями Ленина или Троцкого, с одной стороны, или Каутского, с другой, как ее беспрестанно привлекаемых к сравнению антиподов. Для меня важно воссоздать ту смысловую взаимосвязь, которую устанавливает в своем тексте сама Роза Люксембург. Для этого я хочу взять эту небольшую, но оказавшуюся чрезвычайно влиятельной работу как целое. Поэтому я схватываю ее как

симфонию, сокомпонированную с равно большой строгостью и продумностью, как и страстью, и вполне классически состоящую из четырех частей. Для меня важна не историческая или актуальная верность ее высказываний, но ее искомая направленность; замысленное Розой Люксембург.

Лишь в этом смысле будущее повсюду принадлежит большевизму

Рукопись «О русской революции» начинается и кончается чествованием (Würdigung) русской революции и большевиков. Это происходит, прежде всего, в разделах I и II и заключительной части работы – можно рассматривать их как длинную первую и короткую четвертую часть ее «симфонии». Вводные слова работы, словно удар в литавры, задают мотив: «Русская революция – величайшее событие (gewaltigste Faktum) мировой войны». (GW 4: 332^(PP 220)) Этот удар повторяется вновь и вновь, как если бы бетховенская «Героическая» задавала здесь тон.

Рукопись и кончается чествованием большевиков. По ту сторону «той или иной детали тактики» они выдвинули в центр «важнейшую проблему социализма»: «способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма (der Wille zur Macht des Sozialismus überhaupt)» (GW 4: 365 ^(PP 229)). Свою рукопись Люксембург завершает предложением: «И в этом смысле будущее повсюду принадлежит «большевизму»». (ebd.) Однако это последнее предложение «Рукописи» можно прочитать и так: «*Лишь* в этом смысле будущее повсюду принадлежит «большевизму». Литавры переходят в фортепьяно: сначала громко, затем тихо. И это совсем другая концовка симфонии, нежели в «Героической».

Ретроспективно заставляет задуматься то, что в центр Роза Люксембург ставила не, например, захват власти большевиками в России, лейтмотивом делала

не установление социалистического правительства и не создание социалистических учреждений. Напротив, она выделяла как свершение большевиков развитие ими *способности к революционному действию* рабочего класса и [народных] масс России. Она остается верной своему жизненному кредо, которое она, вместе с Гейне, формулирует следующим образом: «Массы творят это» («Die Menge tut es») (см. GW 4: 208). В этом и, собственно, только в этом она видит непреходящую заслугу ленинской партии. Не в красном знамени на Кремле, но в действиях миллионов рабочих, крестьян, солдат заключается ее собственный интерес.

Здесь также звучит и «побочная тема» ее симфонии. Как и в других, более ранних статьях собственной целью ее объяснения политики большевиков является преодоление «фатальной инертности (Trägheit) немецких масс» (GW 4: 335 ^(PP 203)). Не русские большевики, но немецкие трудящиеся были адресатами «Рукописи» Люксембург. Ее критика советского правительства преследовала цель именно в Германии содействовать тому, что она считала действительным свершением большевиков для России: революционные социалистические действия масс. Однако, в ее понимании, этого не достичь «посредством чудодейственных опекунских методов блаженной памяти германской социал-демократии, каким-либо массовым гипнозом, слепой верой в незапятнанный авторитет собственных ли ‘инстанций’ или же ‘русского примера’» (ebd.). Она была убеждена, что –

«историческая дееспособность германского пролетариата не может родиться через создание революционного ‘ура’-настроения, а, напротив, только путем осознания всей страшной серьезности, всей сложности задач, исходя из политической зрелости и духовной самостоятельности, из критической способности принимать решения, которую германская социал-демократия систематически убивала в течение десятилетий под самыми разными предложениями. Критическое осмысление русской революции

во всех ее исторических взаимосвязях есть лучшая школа для германского и международного пролетариата в решении тех задач, которые вырастают перед ними из современной ситуации» (ebd.)

Теперь резюмируем: если главным мотивом рукописи Люксембург «О русской революции» являлось движение свершения большевиков – через правильные лозунги пробуждать и направлять самостоятельные революционные действия масс, – то вторым мотивом ее произведения была критика большевиков именно в тех моментах, где, в понимании Люксембург, их политика противоречила этой цели. Высочайшее восхищение в отношении исторического свершения большевиков, как и самая жесткая критика в их адрес, имели один и тот же масштаб. При социализме, для Розы Люксембург, дело всегда, прежде всего, идет об одном: «Вся масса народа должна участвовать [в нем]». (GW 4: 360 ^(PP 224)) Этот масштаб и задает *общий* тон всего произведения, охватывает оба мотива – как мотив чествования большевиков, так критики их.

Если первая длинная часть сочинения Люксембург посвящена чествованию большевиков, то III и IV ее разделы сосредоточены на критике. Акцент делается на трех центральных пунктах: (1) аграрная реформа; (2) провозглашение права наций на самоопределение, включая сепаратный мир с Германией; и (3) «подавление демократии» (GW 4: 352 ^(PP 217)). Разбор первых двух пунктов дается в III-м разделе, третьего пункта – в IV-м; причем оба раздела имеют примерно одинаковый объем. Они являются второй и третьей частями симфонии «О русской революции» Розы Люксембург.

Слишком мало социализма, слишком мало демократии

Критику большевиков Розой Люксембург (см. Laschitz 1990) отличает одна особенность: сначала она критикует их за ту политику, посредством которой они

хотели редуцировать существовавшее напряжение между их правительством и народными движениями, выдвигая предложения, которые – как можно догадаться – как раз, наоборот, усилили бы сопротивление большевикам. После этого большевикам дается совет проведения радикальной политической демократизации, которая только повысила бы опасность того, что большевики, чуть ли не неизбежно, утратили бы свою столь тяжело обретенную власть. Эти два раздела, как кажется, пребывают в непримиримом логическом противоречии. Рассмотрим это противоречие несколько ближе.

В III-м разделе «Рукописи» Люксембург большевики критикуются за их аграрную политику и политику национальностей (Nationalitätenpolitik). Роза Люксембург возражала против того, что крестьяне наделялись землей для ее частного использования, а угнетенные народы Российской империи получали право на национальную самостоятельность. Она не хотела ни усиления частной собственности, ни национально-государственных отграничений. Конечно же, Люксембург понимала, что критикуемая ею политика большевиков представляла собой «превосходную тактику» для «укрепления пролетарско-социалистического правительства» (GW 4: 342 ^(PP 209)) и была нацелена на то, чтобы «привлечь многие инородные (fremden) национальности... к делу революции» (GW 4: 348). В обоих этих случаях делались уступки устремлениям больших групп населения, будь то крестьянство или же финны, эстонцы, латыши и т.д. Также и Брест-Литовский «мир» вырос из, прежде всего, из неспособности большевиков далее мобилизовывать солдат на войну. Любая другая политика – по крайней мере, как это считал Ленин – либо сделала бы захват власти большевиками невозможным, либо привела бы к их скорому концу. Почему же тогда Люксембург столь непримиримо это критикует?

Можно не без основания сказать, что для Розы Люксембург удержание власти большевиками было ме-

нее важным, нежели спасение чести левых. Она считала, что действительная власть социализма – идеальной природы. Будет лучше – так, по-моему, можно озвучить ее, невысказанную столь остро, установку, – если большевистская Россия потерпит крах (Untergang), нежели вновь столкнуться с предательством социалистических идеалов, подобным совершенному в 1914-м правой социал-демократией, – лучше, прежде всего, в перспективе всё решающей, в ее глазах, социалистической революции в Германии. В виду того, что большевистское правительство, пребывавшее осенью 1918-го в практически безнадежном для него положении, было готово пойти на союз с кайзеровской Империей, чтобы удержаться у власти, она пишет:

«Россия была единственным, последним местом (Winkel), где еще сохранялась верность революционному социализму, чистоте основ, идеальным благам и куда устремлялись взгляды всех честных социалистических элементов как в Германии, так и во всей Европе, чтобы передохнуть от той мерзости, что порождала практика западноевропейского рабочего движения, и вооружиться мужеством к упорству, верой в идеальные свершения, в истинные (heilige) слова. Но такое гротескное ‘спаривание’ Ленина и Гинденбурга загасило бы моральный источник света с Востока». (GW 4: 390) Для того, кто пишет так, кто таким образом взывает к абсолютному (an das Absolute), на кон, действительно, поставлено всё».

Хотя Люксембург и знала о политическом смысле ленинской политики, большевикам она советовала стратегию, которая не могла не привести их к глубокому противоречию с населением, особенно с крестьянами, солдатами и периферией бывшей царской империи. Она исходила из того, что ни один реальный шаг социалистической политики не должен «блокировать» или «пресекать» дорогу к социализму (GW 4: 343). И этот социализм заключался для нее в однозначном главен-

стве общественной собственности как опоре общности (Gemeinschaftlichkeit) и солидарности народов в рамках единого Советского государства. Она не принимала «обходных путей», ведущих к усилению крестьянской частной собственности или же национальной самостоятельности народов, которые уже давно населяли территории, являвшиеся частью контролируемых Россией экономических пространств и рынков. В мелких собственниках и новых маленьких «национальных государствах» она видела прирожденных союзников империализма и контрреволюции. (см. GW 4: 344 f., 350).

Во второй части своей «симфонии», если продолжать использовать избранную метафору, Роза Люксембург советовала большевикам проводить принципиальную коммунистическую политику централизации и концентрации как экономической, так и политической власти, пусть и наперекор как – так ею называемому – «спонтанному движению крестьянства» (GW 4: 344 ^(PP 211)), так и «буржуазным и мелкобуржуазным классам» (GW 4: 348 ^(PP 214)) угнетенных наций. Она видела, что большевики мотивированы тактическими интересами в сохранении власти, и считала «этот расчет, к сожалению, совершенно ошибочным» (ebd.). Однако исторически ее сомнение не подтвердилось.

Однако более интересным, чем эти факты, для проясняемой здесь взаимосвязи является то, что Роза Люксембург, предлагавшая во второй части своей «симфонии» шаги, которые усугубили бы конфронтацию большевиков с большими массами крестьянской России и ее периферии, в третьей части, напротив, как раз самым решительным образом отвергает те средства, при помощи которых большевики пытались стабилизировать свою власть в ситуации так или иначе уже существовавших конфликтов, а именно – посредством диктатуры и террора. Как если бы она верила, что одновременно возможно и то, и другое: политика, непосредственно нацеленная и на обобществление средств производства и

единство народов в одном государстве, и на всеобъемлющую демократизацию (см. GW 4: 363).

Если любое обособление (Besonderung) интересов в экономике Роза Люксембург воспринимала как усиление частной собственности, если любое выделение (Abtrennung) народов из имперских образований, куда они экономически интегрированы, она рассматривала как раскол рабочего класса, если против любого союза с национальной или зарубежной буржуазией она призывала бороться, то на свободе выражения мнений, собраний и выборов она настаивала даже в отношении открытых врагов социалистического правительства, со всей непреклонностью подчеркивая: «Без всеобщих выборов; беспрепятственной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении» и возникнет «диктатура горстки политиков» (GW 4: 362 ^(PP 226)), которую она к тому же характеризует как «буржуазную», поскольку она окажется «диктатурой для горстки людей» (ebd.). Она обосновывает это тем, что на свой лад разрешает противоположность диктатуры и демократии:

«Пролетариат, берущий в свои руки власть, никак не может, действуя по доброму совету Каутского, под предлогом 'незрелости страны' отказаться от социалистического переворота и посвятить себя только демократии, не совершив предательства по отношению к себе самому, Интернационалу, революции. Он обязан и должен как раз немедленно, самым энергичным, самым решительным, самым беспощадным образом начать социалистические преобразования, следовательно, осуществлять диктатуру, но диктатуру *класса*, а не партии или клики, [осуществлять] диктатуру класса, т. е. [действовать] при самой широкой гласности (Öffentlichkeit), при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии». (GW 4: 362 f. ^(PP 227))

Чаемая гармония контрапунктов: социализм и свобода

Но как это должно оказаться совместимым: применение «железной руки пролетарской диктатуры», когда дело идет о подавлении всех особых интересов, непосредственно не совпадающих с интересами так понятого социализма, и «неограниченная свобода печати», «беспрепятственная жизнь союзов и собраний» (GW 4: 358^(PP 222)), «решительный и беспощадный» переворот и «демократия без границ»?

Казалось, Роза Люксембург хотела невозможного. Разделы III и IV, или вторая и третья часть ее «симфонии», находились в противоречии: подавление «в зародыше» любой социальной национально-государственной самостоятельности народов бывшей Российской империи и высочайшая хвала политической свободе; борьба «железной рукой» против всех частных захватов земли и максимальная поддержка неограниченной политической свободы и демократии как «жизненных источников всякого духовного богатства и прогресса» (GW 4: 360^(PP 224)).

Сама Люксембург хотела бы объединить названные противоположности. Контрапункты приходят у нее в конце к созвучию и в силу их специфического противохода (*Gegenbewegung*) производят действительную гармонию. Но это представленное объединение было для нее возможно, лишь поскольку она исходила из того, что рабочие и массы как раз в повседневной практике, в заботах о «тысячах проблем» построения социализма, в «неограниченной, бурлящей жизни» (*ebd.*) сами быстро изменятся, причем будут формироваться «социальные инстинкты вместо эгоистических; массовая инициатива вместо косности; идеализм, позволяющий преодолеть все страдания, и т. д. и т. д.» (GW 4: 361^(PP 226)). И она предполагала, что эти инстинкты и инициативы, как и этот идеализм, будут указывать именно в том направлении, что и отстаиваемая ею социалистическая политика. Поэтому

она также могла предполагать, что наивысшая мера свободы одновременно будет производить и наивысшую меру осознания правильности социализма как общества обобществленной собственности, тождества интересов, интернационализма и мира.

Но и наоборот, казалось, что Роза Люксембург предполагала и то, что, если крестьянским массам воспрепятствуют, в том числе и силой, захватывать землю в частное пользование, таким образом принудив их к совместному производству; если народы Российской империи будут не отпущены в самостоятельность, но «железной рукой» удержаны в одном политическом и экономическом пространстве; если рабочие, трудящиеся на фабрике, являющейся общественной собственностью, будут подчиняться одному центральному плану, – то одновременно также возникнет пространство тех опытов, которые приведут к утверждению социализма и выльются в его свободную поддержку и энтузиастическую защиту.

Свободная самодеятельность масс и социализм как общество коллективной собственности для Розы Люксембург совпадают. Руководство проявляется здесь, прежде всего, как способность активно содействовать этому совпадению. Подавление инакомыслящих (*Andersdenkender*) и террор были для нее смертельными врагами социализма, поскольку, в ее глазах, вместе с подавлением самостоятельного действия масс также подавляются и сами протагонисты любого осуществления социалистических потребностей. Возможность того, что свободное самоопределение будет долгое время противиться ее представлению о социализме как обществе, основанном на непосредственной коллективной собственности на средства производства, она не рассматривала.

В отличие от Ленина и Каутского, Роза Люксембург как раз не исходила из того, что спонтанно возникают убеждения, уводящие в сторону от социализма, так что социалистическая «сознательность» должна привно-

ситься в рабочий класс извне. Она предполагала, что собственный прaxis рабочих и трудящихся масс приведут их прямо к социализму – при условии, если это будет свободный прaxis, основанный на собственных, а не продиктованных действиях, и не результат манипуляций; и если это будет действительная общность производства и жизни. Социализм для нее – это не спланированная из центра машина, но жизнь, свободная самодеятельность свободных людей на основе непосредственной общности. Если бы действительно существовало такое соответствие между непосредственным практическим опытом и государственно обобществленной (*vergesellschafteten*) экономикой, тогда, однако, и только тогда партийная диктатура и террор были бы не только морально неверными, но также и властно-политически неудачными средствами, как это вновь и вновь подчеркивала Роза Люксембург. Но чего она не распознала – так это того, что социализм, поскольку он отождествляется с централизованно управляемой коллективной экономикой, находится в глубочайшем противоречии с самостоятельными действиями масс. Однако общие предпосылки ее почерпнутых из марксизма II-го Интернационала предположений относительно социализма она никогда не подвергала критической рефлексии, но лишь конкретно их проблематизировала.

Критика большевиков Розой Люксембург, по моему мнению, является, с одной стороны, критикой, исходящей из заранее созданного образа того, как должен выглядеть социализм, а именно из образа общества с единственно коллективной собственностью. С другой стороны, это критика с позиции движения, которое всю свою силу должно было черпать из развития действительной мощи самих угнетенных, лишь отсюда устанавливая те критерии, которыми она может руководствоваться при принятии своих решений. Это противоречие между обособившейся идеей и живым движением, наложило отпечаток на всю ее жизнедеятельность, так и оставаясь

неразрешенным вплоть до ее трагической гибели. Тем самым она находилась в самой середине того движения, считавшего, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, но определяющим для которого так и оставалось попечительство над этими рабочими или даже их подавление.

Часть 9: *Ноябрьская революция* – *насильственно прерванное начало*

«Сущность социалистического общества состоит в том, что многочисленная масса рабочих прекращает быть управляемой массой, скорее; это политическая и хозяйственная жизнь в целом сама живет и руководствуется сознательным свободным самоопределением».
(GW 4: 444)

Социализм на повестке дня

В августе и сентябре 1918-го стало ясно, что Германия проиграла войну. Австрийские армии обессили. Западные союзники, теперь поддерживаемые и США, начали большое наступление на так называемой «линии Гинденбурга», которую они прорвали 27 сентября. Верховное главнокомандование, по предложению Эриха Людендорфа, настаивало на перемирии и политических реформах. Без них получить перемирие было невозможно. Рейхстаг проинформировали о непредставимом – капитуляции Германии. (Haffner 1969: 39) Договоренность о контролируемых половинчатых реформах сплотила элиты кайзеровского рейха, включая и руководство СДПГ, в этот час политически-военного поражения, вина за которое лежала на них самих. Люксембург тогда пишет из тюрьмы:

«В этот раз, впервые в истории некая называющая себя социал-демократической партией озабочена тем, чтобы в виду ясно приближающейся катастрофы существующего классового господства, выступить в роли его спасителя, посредством мнимых реформ и мнимого обновления обездвигнуть надвигающийся шторм народного возмущения и усмирить массы».
(GW 4: 394)

Однако совсем остановить шторм было невозможно. Уж слишком долго цеплялись за кайзера, возились с «мни-

мыми реформами», медлили с прекращением войны. Причиной революции послужил приказ о масштабной атаке военно-морских сил на вдвое больший британский флот. В Киле началось восстание. Матросы считали себя сторонниками правительства и почувствовали, что их предали. Из Кили восстание быстро распространилось по всему Рейху. 6 ноября Фридрих Эберт потребовал отставки кайзера. Тогдашний рейхсканцлер фон Баден в своих мемуарах приписывает ему следующие слова: «Если кайзер не отречется, социальная революция неизбежна. Однако я ее не хочу, более того – просто ненавижу ее». (цит. в: Baden 2011: 599f.) Утром 9 ноября берлинские рабочие маршем отправляются в центр города, где братаются с размещенными там армейскими частями. Революция стала фактом. Шейдеман от имени СДПГ – и вопреки воле Эберта, желавшего сохранения монархии – провозглашает республику. Вскоре после этого Карл Либкнехт из Берлинского дворца объявляет социалистическую республику.

7 ноября Роза Люксембург, наконец-таки, получает сообщение о ее освобождении. Однако до Берлина она добирается только 10 ноября, сразу же принимая на себя редакторское руководство изданием «Роте Фане», газеты «Союза Спартака». Как и прежде, в первую очередь, она делала ставку на руководство через убеждение. За те 68 дней, которые ей еще оставались, она написала множество, общим объемом в 140 печатных страниц, статей, программных проектов и воззваний, наряду с этим занимаясь необозримой организаторской работой и участвуя в множестве совещаний. Разрыв с НСДПГ так еще и остается неосуществленным, несмотря на непреодолимые различия по вопросу о власти (Советы vs. Национальное собрание). Люксембург не хотела потерять контакт с рабочими массами, связанными с СДПГ и НСДПГ (см. Laschitz 2002: 589).

В своих «Рукописных фрагментах», написанных еще в тюрьме, Люксембург пыталась установить ясность

относительно возникшей ситуации и насущных задачах ожидаемого «бурного периода» («Sturmperiode») революции (GW 7.2: 1036):

«Теперь приходит время расчетов и сведения счетов. Прол[етариат], прежде всего, должен свести счета с самим собой, составить инвентарную опись, разобраться с тем, что было и что предстоит. Мысль разворачивается на три направления: (1) На прошлое, чтобы ответить на вопрос *почему?*; (2) На Русскую революцию, чтобы уяснить ее уроки; (3) На будущее, чтобы обозреть созданную войной новую ситуацию и задаваемые ею перспективы и задачи соц[иализма]». (GW 7.2: 1092)

Эти же три задачи определяли ее повестку дня и после освобождения из тюрьмы.

Когда «Роте Фане» 18 ноября вновь стала печататься после паузы, обусловленной техническими причинами (не было типографии и бумаги), Люксембург в своей статье под названием «Начало» прописала концепцию «Союза Спартака» по ближайшим действиям. Ее главный тезис: Ликвидация монархии была лишь срыванием фасада, скрывающего господство империалистической буржуазии, капиталистического классового господства. Главную задачу еще предстоит разрешить:

«Целью революции ясно задается ее путь, ее задачей – метод. Вся полнота власти в руки трудящихся масс, в руки рабочих и солдатских Советов, защита свершения революции (Revolutionswerks) от подстерегающих в засаде врагов – таковы направляющие для всех мероприятий революционного правительства.

Каждый шаг, каждое действие правительства должно, как компас, указывать в этом направлении: достраивание и переизбрание рабочих и солдатских Советов [...] постоянное совещание (*Tagung*) этих представительств и перенос собственной политической власти из небольшого комитета исполнитель-

ного совета на обширное основание Р. и С. Совета; скорейший созыв всегерманского парламента рабочих и солдат, чтобы сформировать пролетариев всей Германии как класс, как компактную политическую власть, и укрепить ими как защитным валом и ударной силой свершение революции; безотлагательная организация [...] сельского пролетариата и мелкого крестьянства [...]; создание пролетарской Красной гвардии для постоянной защиты революции [...]; оттеснение бывших (*übernommenen*) органов абсолютистского милитаристского полицейского государства от управления, судопроизводства и армии; немедленная конфискация династических состояний и владений, а также крупных землевладений [...]; немедленный созыв Всемирного конгресса рабочих в Германии, чтобы ясно и четко заявить о социалистическом и интернациональном характере революции, поскольку лишь с Интернационалом и с мировой революцией связывается будущее немецкой революции». (GW 4: 397 f.)

«Союз Спартака» хотел, чтобы рабочие и солдатские Советы надолго стали центральными органами власти, усматривая в Национальном собрании лишь «обходной путь» («Umweg»), который позволит буржуазии укрепиться и превратит возможную социалистическую революцию в просто буржуазно-демократическую революцию (см. GW 4: 409). Поэтому Люксембург и ее товарищи были также готовы и к возможности гражданской войны:

«Гражданская война», которую с тревожной заботой пытаются изгнать из революции, изгнать из нее невозможно. Гражданская война это лишь другое имя для классовой борьбы, а мысль о том, что социализм можно ввести без классовой борьбы, простым решением парламентского большинства, – не более чем смехотворная мелкобуржуазная иллюзия». (GW 4: 408)

Однако таких позиций придерживалось безнадежное меньшинство, даже в рабочих и солдатских Советах.¹ Для рабочих и солдат СДПГ вместе с НСДПГ были символом единства рабочего класса. Они поддерживали политику поиска компромисса и хотели во что бы то ни стало воспрепятствовать гражданской войне. Сопrotивление правительству Фридриха Эберта возникло лишь тогда, когда стало ясно, что оно пошло на насильственное разоружение революции – в связи с последовавшей в начале 1919-го отставкой начальника полицейского управления Берлина, представителя левого крыла НСДПГ Эмиля Эйхгорна.

Однако ни Люксембург, ни руководство «Союза Спартака» не были готовы к компромиссам. Было отклонено предложение НСДПГ: отложить выборы в Национальное собрание и сначала провести масштабные мероприятия по социализированию. Оказалась создана ситуация жесткого выбора: «или-или» (см. GW 4: 427). Имелся ли реальный шанс для какой-либо третьей альтернативы – остается открытым вопросом. Это было различие (eine Differenz) со смертельным исходом.

Радикализация зашла настолько далеко, что Люксембург в то время даже не вспоминала о своей, развитой в 1905/06 гг., концепции продолжительного периода двоевластия революционного временного правительства и учредительного собрания. Однако этой степени радикализации Люксембург и «Союза Спартака» в конце 1918-го не соответствовала готовность к радикализации усталых от войны масс. Как раз характер развития событий в России пугал их тем, что «слишком далеко зашедшая революция обернется новым кровопролитием, хаосом и беспорядками» (Laschitz 1998: 123).

1 Из 489 делегатов Первого Всеобщего Съезда рабочих и солдатских Советов (16 декабря 1918 г.) 289 представляли СДПГ, 80 – НСДПГ и только 10 – «спартакистов» и коммунистов-интернационалистов (Brandt 2009; см. также Rürup 1994; Schmidt 1988: 106).

Обновление программы и основание Коммунистической партии Германии

Наряду с ежедневной работой по изданию «Роте Фане» и проведением бесчисленных совещаний, в те сумбурные недели ноября и декабря 1918-го Роза Люксембург также написала проект программы «Союза Спартака», послуживший основой для программы Коммунистической партии Германии (КПГ), созданной на рубеже 1918/19-го годов. Под заголовком «Чего хочет Союз Спартака» она излагает суть своего программно-стратегического подхода на тот момент. Этот текст, ставший ее важнейшим политическим завещанием, был опубликован 14 декабря в «Роте Фане». Здесь ей вновь удалось собрать воедино блистательность изложения, аналитическую остроту, радикальность мышления и широкий горизонт надежды.

Проект программы Люксембург четко структурирован. 1-ю часть составляет истолкование стратегической ситуации, эпохи как пространства действий (Handlungsraum). 2-я часть резюмирует ее идеи социализма. 3-я часть формулирует важнейшие цели, преследовавшиеся «Союзом Спартака». Она дает четкие отграничения как от СДПГ и НСДПГ, так и от большевиков. 4-я и 5-я части выступают за интернационализм и излагают самоопределение «Союза Спартака»

[1.] *Альтернативы эпохи:
социализм или варварство*

Осенью 1918-го общим для многих социалистов было понимание того, что конец четырехлетней мировой войны также станет концом капитализма в Европе. Разрушения казались столь масштабными, делигитимация заправлявших экономикой и политикой кругов столь тотальной, а народный гнев и воля к переменам столь горячими – что ничего иного, кроме тотального разрыва (Bruch) и не ожидалось. Центральным в программе «Союза Спартака» Роза Люксембург сделала

тезис о том, что капитализм неизбежно превращается в варварство. Капитализм для нее был, в первую очередь, не экономической проблемой, не только системой господства, приводящей к эксплуатации и войне. Прежде всего, он являлся системой, разрушающей цивилизацию и несовместимой с культурным развитием человечества. На паре страниц, в десяти абзацах, сжимая каждое отдельное предложение, она резюмирует свое истолкование. Альтернатива выражается с предельной жесткостью:

«Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо продолжение капитализма, новые войны и скорая гибель в хаосе и анархии, либо ликвидация капиталистической эксплуатации. С исходом мировой войны буржуазное классовое господство потеряло право на существование. Оно более не в состоянии вывести общество из страшного экономического краха (*Zusammenbruch*), оставленного империалистической оргией. [...] Социализм в этот час – единственный якорь спасения человечества. Над рушащимися стенами капиталистического общества вспыхивают грозным предзнаменованием слова «Манифеста Коммунистической партии»: *Социализм или гибель в варварстве!*» (GW 4: 442 f.)
(СС 242-3)¹

Критика капитализма у Люксембург отличается тем, что центральным она делает масштаб цивилизации, критерий достойной и богатой жизни для всех, мира, защищенности, сохранения многообразия культур и их солидарного со-развития. Если заглянуть за рамки расхожих в то время марксистских формулировок, то открывается эта широкая перспектива, к которой позднее мог непосредственно обращаться Эрнст Блох.

1 {Цит. по изд.: Люксембург Р. Чего хочет Союз Спартака? Пер. с нем. Я. С. Драбкина. // Роза Люксембург: актуальные аспекты политической и научной деятельности. М., 2004. [= {СС}]}

[2.] *Социализм как свободное самоопределение*

С началом ноябрьской революции на повестке дня в Германии для Люксембург встала революция социалистическая. Пелена тумана (*Nebelwand*) будущего, о которой в 1881-м Маркс писал социалисту Ньювенгейсу (Marx 1881: 160), рассеялась. Социализм стал вопросом повестки дня. Уже во время революции 1905-го Люксембург приходилось разбираться с этим.

В своем «Комментарии к программе социал-демократии Королевства Польского и Литвы» 1906 года она выработала позиции, очень точно передающие ее понимание социалистического общества. «*Главные опоры*» социалистического общественного порядка ясны:

«Достаточно того, что мы знаем, что опираться он будет на общественную собственность на все средства производства и что каждому отдельному производителю не придется вести производство на свой страх и риск – этим будет заниматься всё общество и его выбранные органы, так что отсюда мы можем сделать вывод, что будущий порядок не будет знать ни недостатка, ни праздного избытка, ни кризисов, ни неуверенности в завтрашнем дне. А с устранением продажи рабочей силы частным эксплуататорам исчезнет и источник всякого сегодняшнего социального неравенства». (GW 2: 43)

Также и в своих экономических сочинениях и лекциях она вновь и вновь выделяла характер социализма как порядка, опирающегося на коллективную собственность (*Gemeineigentum*), и подчеркивала точки его соприкосновения с докапиталистическими способами хозяйствования (см., например, GW 7.1: 213). В товарном обмене и деньгах нужда появляется лишь там, где производство не организовано общественно (GW 7: 494 ff.).

Во второй части программы «Союза Спартака» Люксембург развивала понимание социализма, радикально выделяя самостоятельность людей, освобожденных от капиталистической наемной зависимости. И

опять перед нами десять абзацев, насыщающие эту основную мысль всё новыми акцентами. Не только захват политической власти, но и формирование новых социалистических отношений должно «быть свершением самого рабочего класса» (GW 4: 445 ^(CC 245)). В ход идут идеи из ее только что написанной статьи о «Социализировании общества» («Sozialisierung der Gesellschaft»):

«Пролетарские массы должны учиться становиться из мертвых машин, которые капиталист включает в производственный процесс, мыслящими, свободными, самостоятельными руководителями этого процесса. Они должны обрести чувство ответственности действующих членов общества (Allgemeinheit), единственных владельцев всего общественного богатства. Они должны развить в себе усердие без предпринимательского кнута, давать наивысшую производительность труда без капиталистических надсмотрщиков, проявлять дисциплину без ярма и порядок без господства. Высший идеализм в интересах всего общества, строжайшая самодисциплина, подлинная гражданская сознательность масс являются для социалистического общества такой же моральной основой, какой для капиталистического общества служат тупоумие, эгоизм и коррупция».
(ebd.)

На передний план Люксембург выводила не иерархически организованное крупное производство, не совершенную бюрократию и не детально проработанные демократические правила всеохватной системы Советов. Планирование и дисциплина, воля к работе и производительность и так, безусловно, относились для нее к социалистическому обществу. Однако они являлись неотъемлемыми условиями для нечто иного – для превращения социального целого в живую взаимосвязь живых людей, разрешающих свои собственные проблемы путем открытой дискуссии и демократического решения. Вопрос о том, как это происходит – остается открытым. Скорее, это призыв: в «постоянном, живом взаимодей-

ствии между народными массами и их органами, рабочими и солдатскими Советами» деятельность людей должна «наполнять государство социалистическим духом» (GW 4: 444 ^(CC 244)). На этом месте Люксембург и дает свое непреходящее определение социализма как общества царства свободы, не свободного от тяжелой необходимой работы, не свободного от самодисциплины и контроля, как и не свободного от демократических усилий и угроз этой свободы, однако формуемое как пространство сообща разделяемой свободы. Социализм как сообразная человеку, поскольку самая живая и самая свободная форма становления – таков тот горизонт, что мог бы дать социализму будущее!

[3.] *Ближайшие задачи революции*

3-й раздел Программы «Союза Спартака» начинается с длинного введения, за которым следует список конкретных требований. Сначала производится ясное отграничение – не от насилия, но от террора. Люксембург уже и раньше очень критично отзывалась об использовании большевиками государственно организованного террора. К тому же, в идентификации «Союза Спартака» с этой политикой большевиков она усматривала большую угрозу для его собственной действенности. Ни применение силы (Gewalt) в вооруженных столкновениях, ни уголовное преследование тех, кто активно противится революционной законности не было для нее «террором». «Террором» она считала убийство или преследование беззащитных, используемые как средство политического устрашения. Она жестко отвергала преследование невинных, арест и расстрел на основании расхождения во взглядах. Террор против отдельных лидеров авторитарного режима, как то царизма или, во время Первой мировой войны, габсбургской империи, она считала вполне *легитимным*, но зачастую *нецелесообразным* средством сопротивления (см., наряду с прочим, GW 1.2: 276f., 521, GW 6: 362, GW 7: 1064).

Для Люксембург большевистская диктатура была буржуазной именно потому, что являлась «диктатурой горстки людей» (GW 4: 362), т.е. независимо от преследуемых ими целей; как буржуазным, в ее глазах, был и террор большевиков. В первую очередь Люксембург обращала внимание не на более или менее благие намерения, но на используемые средства политики:

«В буржуазных революциях необходимым оружием в руках восходящих классов были кровопролитие, террор, политическое убийство. Пролетарская революция не нуждается для своих целей в терроре, она ненавидит и с отвращением отвергает убийство людей. Она не нуждается в этом средстве борьбы, потому что борется не против индивидов, а против общественных структур, потому что выходит на арену не с наивными иллюзиями, за разочарованием в которых приходилось бы прибегнуть к кровавой мести. Она – не отчаянная попытка меньшинства насильем смоделировать мир по своему идеалу, а действие огромных многомиллионных масс народа, призванное выполнить историческую миссию и воплотить в действительность историческую необходимость». (GW 4: 445 ^(CC 245))

Роза Люксембург, определенно, не была «пророком насилия», однако она выступала за то, чтобы революционное насилие применялось лишь на основании заявленной воли подавляющего большинства, по крайней мере, рабочего класса. В этом же она видела и условие для минимизации этого применения насилия – чтобы не хвататься за средства террора лишь потому, что оказываешься в меньшинстве, чтобы жестокостью компенсировать реальные слабости: насилие в открытом бою – допустимо, но трусливая расправа с безоружными – нет.

Лишь после этих вводных размежеваний от организованного террора следует в этом программном тексте Люксембург выделение задачи: «железным кулаком, с беспощадной энергией» (GW 4: 446 ^(CC 246)) сломать любое сопротивление. Но и здесь Люксембург продол-

жает свою линию, прочерченную еще во время первой русской революции. Ее ориентация на революционное насилие, на гражданскую войну как форму классовой борьбы, в которой старые классы подавляются и экспроприруются *как классы*, была для нее несовместима с террором против людей. Политика должна быть жесткой в делах, но гуманной по отношению к людям.

Программа немедленных действий социалистического правительства рабочих и солдатских Советов, которую Роза Люксембург выработала в декабре 1918-го, в первую очередь, предполагала разоружение контрреволюции и создание рабочей милиции, как и повсеместное замещение имперских чиновников доверенными людьми Советов. Кроме того, революционный трибунал должен был осудить «обоих Гогенцоллернов, Людендорфа, Гинденбурга, Тирпица, а также всех контрреволюционных заговорщиков» (GW 4: 448 ^(CC 2447)). Во-вторых, власть рабочих и солдатских Советов должна была устоять надолго. Она подхватывала предложения радикальной демократизации, ориентировавшиеся на правила Парижской коммуны с ее императивным мандатом и возможностью отзыва депутатов в любое время. Максимальная продолжительность рабочего дня сокращалась до шести часов. В качестве третьего шага выводились насущные экономические требования. Они простирались от конфискации всех имуществ и доходов династий до аннулирования государственных долгов, земельной реформы с отчуждением всех крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, перевода всех крупных предприятий в собственность республики. И всё это с той целью, чтобы в перспективе рабочие и работницы взяли на себя руководство производством.

[4.] *Определение роли «Союза Спартака»*

В программе «Союза Спартака» Люксембург еще раз сформулировала свое понимание партии, причем непосредственно соотносясь с «Коммунистическим

манифестом» Маркса и Энгельса и отмежевываясь от большевиков:

«Союз Спартака – не партия, которая через рабочую массу или посредством рабочей массы хочет добиться господства. Союз Спартака – это лишь сознающая свою цель часть пролетариата, которая на каждом шагу указывает всей широкой массе рабочего класса его исторические задачи, которая в каждой отдельной фазе революции отстаивает социалистическую конечную цель, а во всех национальных вопросах – интересы пролетарской мировой революции». (GW 4: 450) Чуть позднее она говорит о том, что «Союз Спартака» должен быть «направляющим компасом», «пробивающим клином» (GW 4: 480) революции.

Дискуссия о роли политической силы, которую стремились сформировать в революции Люксембург и ее товарищи, разгорелась еще раз – на учредительном съезде КПП. Произошел разрыв с НСДПГ. Теперь и Люксембург проголосовала «за». При обсуждении названия для новой партии она предложила «Социалистическая рабочая партия», но ее вариант не поддержали. По словам Гуго Эберлейна, существовало общее согласие о необходимости порвать с социал-демократической традицией «союза для выборов» («Wahlvereins») и стать «революционной боевой организацией (Kampforganisation)». Центральным тактическим вопросом был вопрос о том, следует ли КПП участвовать в выборах в Национальное собрание. Большинство делегатов проголосовало против этого.

В своем выступлении по вопросу участия в выборах Люксембург выделила в качестве центральной проблемы «обучения» масс: «Я говорю вам, что как раз по причине незрелости масс [...] контрреволюции удалось выстроить Национальное собрание как бастион против нас. Теперь наш путь идет сквозь этот бастион». (GW 4: 483) Однако этот бастион оказался очень прочным: если в конце 1918-го Советы, скорее, следовали линии СДПГ,

то в 1920-м социал-демократические силы Ноябрьской революции (СДПГ и НСДПГ) уже не имели большинства в Рейхстаге. Направленность Розы Люксембург была совсем другой. Лишь тогда, подчеркивала она, когда подавляющее большинство населения будет поддерживать социалистический переворот, переход власти сможет состояться, но, в первую очередь, уже не посредством штыков, а, прежде всего, посредством демократии.

Опыт революций 1917-го и 1918-го также выводил Розу Люксембург за пределы противоположности революции и реформы. В виду слабости левых она в декабре 1918-го искала альтернативных путей социализирования и подхватила идею Советов. Даже в условиях в значительной степени неудавшейся революции она не хотела отказываться от этого нового пути самоорганизации и самоуправления, который, как она надеялась, мог развиваться за пределами старого союза социал-демократии и профсоюзов:

«Сегодня мы должны сконцентрироваться на системе рабочих Советов, организации должны не собираться через сочетание старых форм, профсоюза и партии, но быть поставлены на совершенно новый базис. Производственные Советы, рабочие Советы и так далее по нарастающей – совершенно новая конструкция, не имеющая ничего нового со старыми, унаследованными от прошлого традициями». (GW 4: 487)

Вместо генерального наступления Роза Люксембург предложила стратегию формирования элементов нового общества в лоне старого общества:

«Мы... должны представить себе вопрос о захвате власти как вопрос о том, что делает, что может и что должен делать каждый рабочий и солдатский Совет по всей Германии? В том и заключается власть, что мы должны выхолащивать буржуазное государство снизу, а именно нигде более не разделяя публичную (öffentliche) власть, законодательство и управление, но объединяя их и передавая в руки рабочих и солдатских Советов». (GW 4: 511)

Таким образом вопрос о реформе и революции мог быть поставлен заново: социалистический переворот мог уже мыслиться не исключительно как «день решения», но как процесс, который – через изменение соотношений сил, структур власти и собственности, институциональных инноваций, выводящих за пределы капитализма реформ – *может* начаться здесь и сейчас.

Январское восстание в Берлине и правительственный террор

Стратегия спартакистов не была направлена на непосредственный захват власти из позиции меньшинства. Как позднее записал начальник штаба генерал Грёнер: «Г-н Либкнехт сотоварищи отпраздновали Рождество и в те дни, когда в Берлине было меньше всего войск, вели себя совершенно спокойно» (цит. в: Ettinger 1990: 290f.). Спартакисты были погружены в просвещение рабочих и формирование собственной партии. Имперское правительство, тем временем, добивалось скорейшего прояснения властных отношений. Тот же Грёнер позднее пишет: «В начале 1919-го мы уже чувствовали себя в силах взяться за Берлин и зачистить его. Все меры, принятые тогда и позднее, были непосредственно согласованы с армейским главным командованием, однако руководство и ответственность перед правительством и народом нес назначенный вскоре на пост министра рейхсвера Носке, который, следуя по стопам Эберта, вошел в прочный союз с офицерами». (цит. в: Laschitza 2002: 617)

Берлинское восстание в январе 1919-го не было результатом решения руководства КПП. Непосредственной причиной послужило увольнение начальника полицейского управления Берлина Эмиля Эйхгорна прусским премьер-министром Хиршом. Это посчитали провокацией. Большая демонстрация берлинских рабочих и работниц, состоявшаяся 5 января, и вера в то, что восстание

получит широкую поддержку со стороны военных, дали толчок к стихийному развитию событий. Если Либкнехт поддерживал восстание, а Лео Йогихес требовал дистанцироваться от него, то Люксембург, в конце концов, решила поддержать его, поскольку видела в нем выражение воли большинства берлинских рабочих (см. Winkler 1993: 57). Оттокар Любан в своем исследовании, основанном на анализе многочисленных и разнообразных источников, приходит к следующему выводу: «Несмотря на свою иллюзорную переоценку готовности пролетарских масс к революционной активности и совершенно неуместные острые нападки на других социалистических лидеров, агитировавших с меньшей радикальностью, предводительница «Спартака» (Роза Люксембург – М. Б.) никогда не была «кровавой Розой», никогда не становилась пугачиком и тем более террористкой в политике: Роза Люксембург всегда оставалась абсолютно верной своим демократическим принципам – опираясь на систему Советов, а не на парламентскую демократию – в дни Январского восстания 1919-го». (Luban 2000: 35) Особенно трагическим было то, что всё руководство КПП и берлинские революционные вожаки ошибочно воспринимали массовое движение берлинских рабочих за единение снизу, за объединение СДПГ, НСДПГ и КПП и за новые выборы в рабочие Советы исключительно как результат манипуляции «центристов» из НСДПГ (Luban 2000: 19 f.).

Берлинское восстание было подавлено 12 января 1919-го. Это было полное поражение, приведшее к демобилизации рабочих и работниц и к утрате власти и легитимности революционными вожаками, ключевыми протагонистами революционных перемен во власти, произошедших в Берлине 9 ноября 1918-го. Хлынула волна террора. Безоружных расстреливали, арестованных убивали (см. Jones 2017). Развернулась охота на вождей КПП. 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были схвачены так называемыми «ополченцами» (Bürgerwehr)

в районе Берлин-Вильмерсдорф, доставлены в отель «Рай» (Eden-Hotel) и потом убиты по приказу гауптмана Пабста, которому покровительствовал Носке. Как позднее признался один из убийц: «События того вечера разворачивались словно в лихорадке (wie im Rausch). На протяжении четырех лет мы друг-друга убивали, поэтому было всё равно – одним больше, одним меньше». (цит. в: Hannover/Hannover-Drück 1979: 139) 10 марта 1919-го в следственном изоляторе полицейский вахтмейстер убивает Лео Йогихеса, пытавшегося выяснить обстоятельства убийства Люксембург и Либкнехта. 2 февраля полный отчаяния Пауль Леви начал свою погребальную речь Люксембург и Либкнехту словами: «Как если бы земля так до сих пор и не насытилась кровью. Четыре года она только кровь и пила – кровь за кровь». (Levi 1919: 3) Когда ее арестовывали, Роза Люксембург спрятала себе в одежду «Фауста» Гёте. Вероятно, она предполагала, что ее вновь ожидает тюрьма. Но вместе с тем она была готова и к тому, что умрет «на посту». Ей было только 48. Ее продлившийся тридцать лет поиск революционной реальной политики, которая положила бы конец капитализму, колониализму, расизму и войне, так и остался незавершенным. Ее враги отказали Розе Люксембург в самой элементарной человечности и заставили ее замолчать навсегда.

Литература:

- Anton, Bernward (2018): Wolfgang Heine und die «Erfindung» der Burgfriedenspolitik. In: Schöler, Uli/Scholle, Thilo (Hrsg.), Weltkrieg. Spaltung. Revolution: Sozialdemokratie 1916–1922. Bonn, 73–85.
- Arendt, Hannah (1989): Rosa Luxemburg. In: Menschen in finsternen Zeiten. München, 43–68.
- Arendt, Hannah (1995): Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München.
- Baden, Prinz Max von (2011): Erinnerungen und Dokumente. Hamburg.
- Beckert, Sven (2014): King Cotton. Eine Globalgeschichte des Kapitalismus. München.
- Bellofiore, Riccardo (2010): «Like a candle burning at both ends». Rosa Luxemburg and the critique of political economy. libcom.org.
- Bergmann, Theodor/Haible, Wolfgang (Hrsg.) (1997): Reform – Demokratie – Revolution. Zur Aktualität von Rosa Luxemburg. Supplement der Zeitschrift «Sozialismus» 5/1997. Hamburg.
- Bergmann, Theodor/Rojahn, Jürgen/Weber, Fritz (Hrsg.) (1995): Die Freiheit der Andersdenkenden. Rosa Luxemburg und das Problem der Demokratie. Hamburg.
- Bernstein, Eduard (1897): Probleme des Sozialismus. Eigenes und Übersetztes von Eduard Bernstein. 1. Allgemeines über Utopismus und Eklektizismus. In: Die Neue Zeit, 15 (6), 164–171.
- Bernstein, Eduard (1898): Der Kampf der Sozialdemokratie und die Revolution der Gesellschaft. 2. Die Zusammenbruchs-Theorie und die Kolonialpolitik. In: Die Neue Zeit, 18 (1), 548–557.
- Bernstein, Eduard (1900): Der Socialismus und die Colonialfrage. In: Socialistische Monatshefte, 6 (9), 549–562. [Бернштейн Э., Очерки из истории и теории социализма. — СПб., 1902. — 312 с. {Неполный перевод сборника: Zur Geschichte und Theorie des Socialismus gesammelte Abhandlungen. Akademischer Verlag für soziale Wissenschaften, Berlin 1901}]
- Bernstein, Eduard (1969): Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Reinbek bei Hamburg.
- Brandt, Peter (2009): Der historische Ort der deutschen Revolution von 1918/19. In: Globkult, Text abrufbar unter: <https://www.globkult.de/geschichte/entwicklungen/482-der-historische-ort-der-deutschen-revolution-von-191819>.
- Brangsch, Lutz (2009): «Der Unterschied liegt nicht im Was, wohl aber im Wie». Einstiegsprojekte als Problem von Zielen und Mitteln linker Bewegungen. In: Brie, Michael (Hrsg.), Radikale Realpolitik. Plädoyer für eine andere Politik. Berlin, 39–51.
- Brie, Michael (2011): Der Fall Millerand – Regierungsbeteiligung der Sozialisten als Testfall marxistischer Staatstheorie. In: Brie, Michael/Haug, Frigga (Hrsg.), Zwischen Klassenstaat und Selbstbefreiung. Zum Staatsverständnis von Rosa Luxemburg. Baden-Baden, 33–61.

- Brie, Michael (2016): A Critical Reception of Accumulation of Capital. In: Dellheim, Judith/Wolf, Frieder Otto (Hrsg.), Rosa Luxemburg: A Permanent Challenge for Political Economy. On the History and the Present of Luxemburg's «Accumulation of Capital». London, 261–303.
- Bucharin, Nikolaj I. (1969): Imperialismus und Weltwirtschaft. Frankfurt am Main. [Бухарин Н.И., «Мировое хозяйство и империализм (Экономический очерк)». Пг., 1918 (115 с.)]
- Caysa, Volker (2017): Rosa Luxemburg – die Philosophin. Leipzig.
- Cliff, Tony (1969): Studie über Rosa Luxemburg. Berlin.
- Das Argument (Hrsg.) (1997): Die Linie Luxemburg – Gramsci. Zur Aktualität und Historizität marxistischen Denkens. Berlin.
- Dellheim, Judith (2016): From 'Accumulation of Capital' to Solidarity Based Ways of Life. In: Dellheim, Judith/Wolf, Frieder Otto (Hrsg.), Rosa Luxemburg: A Permanent Challenge for Political Economy. On the History and the Present of Luxemburg's «Accumulation of Capital». London, 305–338.
- Dellheim, Judith/Wolf, Frieder Otto (Hrsg.) (2016): Rosa Luxemburg: A Permanent Challenge for Political Economy. On the History and the Present of Luxemburg's «Accumulation of Capital». London.
- Dunayevskaya, Raya (1981): Rosa Luxemburg, Women's Liberation, and Marx's Philosophy of Revolution. New Jersey.
- Eichhorn, Wolfgang (2001): Über Eduard Bernstein und Rosa Luxemburg. In: Kinner, Klaus/Seidel, Helmut (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Historische und aktuelle Dimensionen ihres theoretischen Werkes. Berlin, 297–304.
- Engels, Friedrich (1849): Der demokratische Panslawismus. In: MEW, Bd. 6. Berlin, 270–286. {М/Э, Соч. 6: §§}
- Engels, Friedrich (1850): Der deutsche Bauernkrieg. In: MEW, Bd. 7. Berlin, 327–413. {М/Э, СС, 7: 343-437}
- Engels, Friedrich (1892): Vorwort [zur zweiten polnischen Ausgabe (1892) des «Manifests der Kommunistischen Partei»]. In: MEW, Bd. 22. Berlin, 282–283. {М/Э, Соч. 22: 289-290}
- Engels, Friedrich (1895a): Brief an Karl Kautsky vom 1. April 1895. In: MEW, Bd. 39. Berlin, 452. {М/Э, Соч. 39: 373}
- Engels, Friedrich (1895b): Einleitung [zu Karl Marx' «Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850»]. In: MEW, Bd. 22. Berlin, 509–527. {М/Э, Соч. 22: 189-201}
- Ettinger, Elzbieta (1990): Rosa Luxemburg. Ein Leben. Bonn.
- Foucault, Michel (2010): Der Mut zur Wahrheit. Vorlesung am Collège de France 1983/84. Frankfurt am Main. []
- Frölich, Paul (1990): Rosa Luxemburg. Gedanke und Tat. Berlin.
- Geide, Peter (1995): Rosa Luxemburg und die Weimarer Linke. In: Soden, Kristine von (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Berlin, 138–143.
- Gioia, Vittantonio (1989): Rosa Luxemburg und Antonio Gramsci: Zur ökonomischen Entwicklung im Monopolkapitalismus. In: Die Linie Luxemburg – Gramsci. Zur Aktualität und Historizität marxistischen Denkens. Argument Sonderheft, 33–50.
- Haffner, Sebastian (1969): Die deutsche Revolution 1918/19. Bern.
- Hannover, Heinrich/Hannover-Drück, Elisabeth (1979): Der Mord an Rosa Luxemburg und Karl Liebknecht. Dokumentation eines politischen Verbrechens. Frankfurt am Main.
- Haug, Frigga (2013): Was bringt es, Herrschaft als Knoten zu denken? In: Brie, Michael (Hrsg.), Am Herrschaftsknoten ansetzen. Symposium zum 75. Geburtstag von Frigga Haug. Berlin, 8–13.
- Haug, Wolfgang Fritz (2001): Revolutionärer Determinismus. Notiz zum Fokus der Luxemburgschen Dialektik. In: Kinner, Klaus/Seidel, Helmut (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Historische und aktuelle Dimensionen ihres theoretischen Werkes. Berlin, 53–65.
- Haug, Wolfgang Fritz (2015): Marxistsein/Marxistinsein. In: Haug, Wolfgang Fritz/Haug, Frigga/Jehle, Peter/Küttler, Wolfgang (Hrsg.), Historisch-kritisches Wörterbuch des Marxismus, Bd. 8/II. Hamburg, 1965–2026.
- Heraklit (2011): Fragmente. In: Marciano, Laura Gemelli (Hrsg.), Die Vorsokratiker. Band 1. Griechisch – Deutsch. Berlin, 284–329.
- Hetmann, Frederik (1998): Eine Kerze, die an beiden Seiten brennt. Freiburg.
- Hilferding, Rudolf (1947): Das Finanzkapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus. Berlin. {Гильфердинг, Рудольф. Финансовый капитал. – М.: Соцэкгиз, 1959.}
- Hirsch, Helmut (1969): Rosa Luxemburg. Reinbek.
- Hobsbawm, Eric J. (1989): The Age of Empire, 1875-1914. New York.
- Hobson, John Atkinson (1968): Der Imperialismus. Köln.
- Hoßfeld, Reinhard (1993): Rosa Luxemburg oder Die Kühnheit des eigenen Urteils. Aachen.
- Hudis, Peter (2014): The Dialectic of the Spatial Determination of Capital: Rosa Luxemburg's Accumulation of Capital Reconsidered. In: International Critical Thought, 4 (4), 474–490.
- Ito, Narihiko/Bergmann, Theodor/Hochstadt, Stefan/Luban, Ottokar (Hrsg.) (2007): China entdeckt Rosa Luxemburg: Internationale Rosa-Luxemburg-Gesellschaft in Guangzhou am 21./22. November 2004. Berlin.
- Ito, Narihiko/Laschitzka, Annelies/Luban, Ottokar (Hrsg.) (2002): Rosa Luxemburg im internationalen Diskurs: Internationale Rosa-Luxemburg-Gesellschaft in Chicago, Tampere, Berlin und Zürich. Berlin.

- Ito, Narihiko/Laschitza, Annelies/Luban, Ottokar (Hrsg.) (2010): Rosa Luxemburg. Ökonomische und historisch-politische Aspekte ihres Werkes: Internationale Rosa-Luxemburg-Gesellschaft in Tokio, April 2007, und Berlin, Januar 2009. Berlin.
- Jens, Walter (1995): Rosa Luxemburg. Weder Poetin noch Petroleuse. In: Soden, Kristine von (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Berlin, 6–17.
- Jones, Mark (2017): Am Anfang war Gewalt. Die deutsche Revolution 1918/19 und der Beginn der Weimarer Republik. Berlin.
- Kalecki, Michal (2003): Essays on the Theory of Economic Fluctuations. New York.
- Kant, Immanuel (1903): Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können. In: Gesammelte Schriften, Bd. IV. Berlin, 253–384.
- Kautsky, Karl (1911): Finanzkapital und Krisen. In: Die Neue Zeit, 29, 22–25, 764–772, 797–804, 874–883.
- Kautsky, Karl (1914): Der Imperialismus. In: Die Neue Zeit, 32 (2), 908–922.
- Kautsky, Luise (1929): Rosa Luxemburg. Ein Gedenkbuch. Berlin.
- Laschitza, Annelies (1990): Vorwort. In: Institut für Geschichte der Arbeiterbewegung (Hrsg.), Rosa Luxemburg und die Freiheit der Andersdenkenden. Extraausgabe des unvollendeten Manuskripts «Zur russischen Revolution» und anderer Quellen zur Polemik mit Lenin. Zusammengestellt und eingeleitet von Annelies Laschitza. Berlin, 7–32.
- Laschitza, Annelies (1998): Die Welt ist so schön bei allem Graus. Rosa Luxemburg im internationalen Diskurs. Leipzig.
- Laschitza, Annelies (2002): Im Lebensrausch, trotz alledem. Rosa Luxemburg. Eine Biographie. Berlin.
- Laschitza, Annelies (2014): Vorwort. In: Gesammelte Werke, Bd. 6. Berlin, 19–66.
- Laschitza, Annelies (2016): Vorwort. In: Gesammelte Werke, Bd. 7. Berlin, 7–72.
- Laschitza, Annelies/Radcun, Günter (1971): Rosa Luxemburg. Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin.
- Lenin, Wladimir I. (1903): Die nationale Frage in unserem Programm. In: Werke, Bd. 6. Berlin, 452–461. [«Национальный вопрос в нашей программе» (1903) – Ленин В.И., ПСС (5 изд.), т. 7, с. 233–242]
- Lenin, Wladimir I. (1904): Ein Schritt vorwärts, zwei Schritte zurück (Die Krise in unserer Partei). In: Werke. Bd. 7. Berlin, 197–430. [«Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» (1904) – Ленин В.И., ПСС, т. 8, с. 185–414 {с. 383}]
- Lenin, Wladimir I. (1905): Sozialdemokratie und provisorische revolutionäre Regierung. In: Werke. Bd. 8. Berlin, 267–285. [«Социал-демократия и временное революционное правительство» (1905) – Ленин В.И., ПСС, т. 10, с. 1–19 {с. 383}]
- Lenin, Wladimir I. (1913a): Drei Quellen und drei Bestandteile des Marxismus. In: Werke, Bd. 19. Berlin, 3–9. [«Три источника и три составных части марксизма» (1913) – Ленин В. И, ПСС, том 23, с.40–48]
- Lenin, Wladimir I. (1913b): Kritische Bemerkungen zur nationalen Frage. In: Werke. Bd. 20. Berlin, 3–37. [«Критические заметки по национальному вопросу» (1913) – Ленин В. И, ПСС, том 24, с. 113–150]
- Lenin, Wladimir I. (1914): Über das Selbstbestimmungsrecht der Nationen. In: Werke. Bd. 20. Berlin, 395–461. [«О праве наций на самоопределение» (1914) – Ленин В. И, ПСС, том 25, с. 255–320]
- Lenin, Wladimir I. (1916): Der Imperialismus als höchstes Stadium des Kapitalismus. Gemeinverständlicher Abriss. In: Werke. Bd. 22. Berlin, 189–309. [«Империализм, как высшая стадия капитализма: Популярный очерк» (1916) – Ленин В.И., ПСС, т. 27, с. 299–426]
- Levi, Paul (1919): Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg zum Gedächtnis. Rede bei der Trauerfeier am 2. Februar 1919 im Lehrer-Vereinshaus zu Berlin. Berlin.
- Levi, Paul (1990): Einleitung zu »Die Russische Revolution. Eine kritische Würdigung. Aus dem Nachlass von Rosa Luxemburg«. In: Institut für Geschichte der Arbeiterbewegung (Hrsg.), Rosa Luxemburg und die Freiheit der Andersdenkenden. Extraausgabe des unvollendeten Manuskripts «Zur russischen Revolution» und anderer Quellen zur Polemik mit Lenin. Zusammengestellt und eingeleitet von Annelies Laschitza. Berlin, 177–231.
- Löwy, Michael (1989): Der Urkommunismus in den ökonomischen Schriften von Rosa Luxemburg. Für eine romantisch-revolutionäre Geschichtsauffassung. In: Die Linie Luxemburg – Gramsci. Zur Aktualität und Historizität marxistischen Denkens. Argument Sonderheft, 140–146.
- Luban, Ottokar (2000): Die ratlose Rosa. Die KPD-Führung und der Berliner Januaraufstand – Legende und Wirklichkeit. Hamburg.
- Luxemburg, Rosa (2015): Zur Konstituante und zur Provisorischen Regierung. In: Kinner, Klaus/Neuhaus, Manfred (Hrsg.), Im Licht der Revolution. Zwei Texte von Rosa Luxemburg aus dem Jahre 1906 und Paralipomena zu Leben und Werk. Leipzig, 15–54.
- Luxemburg, Rosa (2016): Herbarium. Herausgegeben von Evelin Wittich und mit einem Vorwort von Holger Politt. Berlin.
- Luxemburg, Rosa/Jogiches, Leo (2015): Die politischen Aufgaben der polnischen Arbeiterklasse (1893). In: Enkelmann, Dagmar/Weis, Florian (Hrsg.), «Ich lebe am fröhlichsten im Sturm» (Rosa Luxemburg). 25 Jahre Rosa-Luxemburg-Stiftung:

- Gesellschaftsanalyse und politische Bildung. Berlin, 20–25.
- Mandel, Ernest (1986): Rosa Luxemburg und die deutsche Sozialdemokratie. In: Mandel, Ernest/Radek, Karl (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Leben – Kampf – Tod. Frankfurt am Main, 46–66.
- Marx, Karl (1859): Zur Kritik der Politischen Ökonomie. Vorwort. In: MEW, Bd. 13. Berlin, 7–11. {M/Э, CC, 13: 5-9}
- Marx, Karl (1864): Provisorische Statuten der Internationalen Arbeiter-Assoziation. In: MEW, Bd. 16. Berlin, 14–16. {M/Э, CC, 16: 12-15}
- Marx, Karl (1880): [Einleitung zum Programm der französischen Arbeiterpartei]. In: MEW, Bd. 19. Berlin, 238. {M/Э, CC, 19: 246}
- Marx, Karl (1881): Brief an Ferdinand Domela Nieuwenhuis vom 22. Februar 1881. In: MEW, Bd. 35. Berlin, 159–161. {M/Э, CC, 35: 130-133}
- Marx, Karl (1890): Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. In: MEW, Bd. 23. Berlin. {M/Э, CC, 23: 5-784}
- Marx, Karl/Engels, Friedrich (1872): Vorwort [zum «Manifest der Kommunistischen Partei» (deutsche Ausgabe 1872)]. In: MEW, Bd. 18. Berlin, 95–96. {M/Э, CC, 18: 89-90}
- Nettl, Peter (1967): Rosa Luxemburg. Köln.
- Neusüß, Christel (1985): Die Kopfgeburten der Arbeiterbewegung oder die Genossin Luxemburg bringt alles durcheinander. Hamburg.
- Oelßner, Fred (1951): Rosa Luxemburg. Eine kritische biographische Skizze. Berlin.
- Papcke, Sven (1979): Der Revisionismusstreit und die politische Theorie der Reform. Fragen und Vergleiche. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz.
- Parvus, Alexander (1896): Staatsstreik und politischer Massenstreik. In: Die Neue Zeit, (33, 35, 36, 38, 39).
- Plechanov, G.V. (1956a): Naši raznoglasija. In: Izbrannye filosofskije proizvođenija. Bd. 1. Moskva, 115–370. [«Наши разногласия» (1885) – Плеханов Г.В., Избранные философские произведения (в 5 тт.), т. 1, с. 115-370]
- Plechanov, G.V. (1956b): Programma social-demokratičeskoj grupy «Osvoboždenie truda». In: Izbrannye filosofskije proizvođenija. Bd. 1. Moskva, 371–376. [«Программа социал-демократической группы «Освобождение Труда»» (1884) – Плеханов Г.В., Избранные философские произведения (в 5 тт.), т. 1, с. 371-376]
- Politt, Holger (2012): Rosa Luxemburgs «Krakauer Horizont». In: Nationalitätenfrage und Autonomie. Berlin, 9–33.
- Politt, Holger (2015): Unter Blitz und Donner: Zusammenstoß zweier Zeitalter. In: Arbeiterrevolution 1905/06. Polnische Texte. Herausgegeben von Holger Politt. Berlin, 9–34.
- Politt, Holger (2018): In Zamość wurde die an Rosa Luxemburg erinnernde Gedenktafel entfernt. – Текст доступен по ссылке: <https://brandenburg.rosalux.de/news/id/38646/in-zamosc-wurde-die-an-rosa-luxemburg-erinnernde-gedenktafel-entfernt-ein-kommentar-von-holger-pol/> (проверено 9.11.2018).
- Radek, Karl (1986): Leben und Kampf unserer Genossin Rosa Luxemburg. In: Mandel, Ernest/Radek, Karl (Hrsg.), Rosa Luxemburg. Leben – Kampf – Tod. Frankfurt am Main, 10–45.
- Rürup, Reinhard (1994): Die Revolution von 1918/19 in der deutschen Geschichte. Text abrufbar unter: <https://www.fes.de/fulltext/historiker/00186001.htm>.
- Schmidt, Giselher (1988): Rosa Luxemburg. Sozialistin zwischen Ost und West. Göttingen.
- Schmidt, Ingo (Hrsg.) (2013): Rosa Luxemburgs «Akkumulation des Kapitals». Die Aktualität von ökonomischer Theorie, Imperialismuserklärung und Klassenanalyse. Hamburg.
- Schütrumpf, Jörn (Hrsg.) (2017): Diktatur statt Sozialismus. Die russische Revolution und die deutsche Linke 1917/18. Berlin.
- Schütrumpf, Jörn (2018): Zwischen Liebe und Zorn: Rosa Luxemburg. In: Rosa Luxemburg oder: Der Preis der Freiheit. Dritte, überarbeitete und ergänzte Auflage. Berlin, 11–100.
- Seidemann, Maria (1998): Rosa Luxemburg und Leo Jogiches. Berlin.
- Shepardson, Donald E. (1996): Rosa Luxemburg and the Noble Dream. New York.
- SPD (1891a): Das Erfurter Programm.
- SPD (1891b): Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten zu Erfurt. Berlin.
- Sum, Ngai-Ling/Jessop, Bob (2013): Towards a Cultural Political Economy. Putting Culture in its Place in Political Economy. Northampton.
- Trotsky, Leon (1969): The Permanent Revolution and Results and Prospects. New York. {Троцкий Л. Д. Перманентная революция. Берлин : Гранит, 1930. – 169, [2] с. (скан издания – <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/28291#mode/grid/page/1/zoom/1>; электронный текст на русском – <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm>)}
- Veerkamp, Ton (2013): Die Welt anders. Politische Geschichte der Großen Erzählung. Hamburg und Berlin.
- Vollrath, Ernst (1973): Rosa Luxemburg's Theory of Revolution. In: Social Research, 40 (1), 83–109.
- Winkler, Heinrich August (1993): Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München.

Избранная библиография русскоязычных переводов работ Розы Люксембург¹:

- Промышленное развитие Польши. Редакция Д. Протопопова. Пер. с нем. Ф. Гурвича. С.-Петербург. Комелова 1899 г. 104 с. <[См. также:] Промышленное развитие Польши / Роза Люксембург, д-р гос. наук; Ред. Д. Протопопова; Пер. с нем. Ф. Гурвича [Ф. Дана]. – Санкт-Петербург : Знание, 1899. – 101, [2] с.>;
- {Русская революция : (Речь, произнес. на нар. собр. в Маннгейме 25 сент. 1906 г.) / Роза Люксембург; Пер. с предисл. П. Гуревича. – Санкт-Петербург : Мир, [1906]. – 8 с.}
- {Что мы хотим? Комментарий к программе с.-д. Польши и Литвы. Перевод с польского с разрешения автора. С. Петербург. Эпоха. 1906 г. 72 с.}
- Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия, Киев, 1906.
{[См. также:] Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. С предисловием автора к русскому изданию. Петроград Издание Петроградск. Совета Рабочих и Красноарм. Депутатов 1919г. 84 с.};
- Карл Маркс : Крит. очерк его учения : Пер. с пол. / Роза Люксембург. – Киев : тип. И.И. Чоколова, 1906. – 15 с.; 20. – (Общественно-экономическая библиотека “Труд и знание” № 2).
- Реформа или переворот? : [Пер. с нем.] / Роза Люксембург. – [5-я тыс.]. – Киев : Правда, 1906. – 96 с.; Социальная реформа или революция : Пер. с нем. / Роза Люксембург. – Санкт-Петербург : Век, 1907.
<[См. также:] Социальная реформа или революция? / Соч. Розы Люксембург; Пер. с нем. М. Розенберга. – Санкт-Петербург : Просвещение, [1907]. – [4], 124 с.; 18. – (Библиотека “Просвещения” 45).>
- Реформа или революция. Пг. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 1919 г. 108 с. {= РЛ, 1899}
<[См. также:] Реформа или революция? М. Красная новь. 1923 г. 96 с.; Реформа или революция, с предисл. Н. Н. Попова, М, 1923; Социальная реформа или революция? / Роза Люксембург. – Новое изд., сверенное с последним нем. изд. – [Харьков]: Пролетарий, 1923. – 106, [1] с.; Социальная реформа или революция [Текст]. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 134 с. : портр.; 20 см. – (Б-чка по научному социализму; Вып. 34); Реформа или революция? [Текст] =

1 {Приводится в хронологическом порядке известных публикаций переводов на русском языке. – *Прим. пер.*}

- Socialreform oder revolution? : пособие для вузов и самообразования / Роза Люксембург ; коммент. и словарем снабдил Н. М. Качкачев. – Москва: Гос. социально-экономическое изд-во; Ленинград: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. – 78, [2] с. – (Книги для чтения на иностранных языках).>
- В. Короленко, «Красная новь», 1921, № 2 (и отд. изд., М., 1922); То же, под названием «Душа русской литературы», перев. под ред. А. Г. Горнфельда, П., 1922 {Пер. с нем. Л. Я. Круковской. 34 с.};
- Письма Розы Люксембург из тюрьмы [к Софье Либкнехт]. – Москва : Ком. интернационал, 1920. – 62 с.
<[См. также:] Письма из тюрьмы : Письма, вошедшие в этот сборник, адресованы Софии Либкнехт / Роза Люксембург ; Пер. с нем. Зин. Венгеровой ; Предисл. А. Коллонтай. – Петербург : Гос. изд-во, 1921. – 71 с.; <Письма из тюрьмы [к Софье Либкнехт] / Роза Люксембург ; Пер. и прим. Веры Бархиной. – [Одесса] : Гос. изд-во Украины, 1923. – IV, [4], 72 с.; То же: [Харьков] : Пролетарий, 1923. – 56, [1] с. >;
- Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма, перев. Ш. Дволайцкого, под ред. Н. Бухарина, М., 1921
<[См. также:] Люксембург Роза, Накопление капитала (Под ред. Н. Бухарина). М. 1921. 8+336 с.; То же, 2 тт., изд. 2-е с прилож. статей Г. Экштейна и О. Бауэра, М., 1923 (671 с.); То же, изд. 3-е, М., 1924; Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика), перев. Ш. Дволайцкого, Москва, 1922; Накопление капитала. Том I и II. Пер. под ред. Дволайцкого. С пред. В. Мотылева. Изд. 5-е. М.-Л. Соцэкгиз. 1934 г. XLIV, 480 с.; Накопление капитала : В попул. изложении для рабочих читателей Р. И. Зорге / Роза Люксембург ; Пер. с нем. под ред. [и с предисл.] И. Гладнева. – [Харьков] : Пролетарий, 1924. – 81, [2] с.; Накопление капитала : [Текст] : том I и II : с приложением статей Г. Экштейна и О. Бауэра / Роза Люксембург ; пер. под ред. Ш. Дволайцкого ; с предисл. В. Мотылева. – 4-е изд. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ – Гос. социально-экономическое издательство, 1931 (тип. «Красный пролетарий»). – XXXI, 472 с.>;
- Коалиционная политика или классовая борьба? Под ред. и с пред. Ф.Ротштейна. Пер. с нем. Е.Успенской. М. Красная Новь. Главполитпросвет. 1923 г. 118 с.;
- Кризис социал-демократии, с предисловием К. Цеткин, перев. под ред. Н. Н. Попова, с прилож. статьи Н. Ленина, М., 1923
<[См. также:] Кризис социал-демократии. С приложением статьи Н. Ленина. С предисловием Клары Цеткин. Перевод с немецкого по редакцией Н.Н. Попова. М. Изд-во Красная новь. 1924 г. 130 с.>;
- Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896–1918), перев. под ред. и с предисл. Н. Н. Попова, М., 1923
{Портрет Розы Люксембург и Луизы Каутской. Письмо в раскладке. Тираж 10000 экз. М. ``Красная новь``. 1923 г. 194 с.; Лев Толстой, “На посту”, 1924, № 5, перепечатана во II т. сб. “Искусство и литература в марксистском освещении” и в сб. “О Толстом”, Гиз, 1928; Посмертные художественные произведения Толстого, “Литературное наследство”, № 2; О Шиллере (там же); А. Мицкевич, Красная новь”. 1929, № 6;
- Шаг за шагом, с предисл. С. Бобинского, М., 1925.
<[См. также:] Шаг за шагом : Пер. с польск. / Роза Люксембург ; С предисл. Г. Валецкого. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – 68 с.>;
- Введение в политическую экономию. Ленинград: Прибой, 1925 г. 230 с.;
<[См. также:] Введение в политическую экономию, М., 1926 {Пер. с проверенного нем. текста. – М.-Л. Государственное издательство. 1926 г. 358 с.; Введение в политическую экономию [Текст] / Роза Люксембург ; перевод с немецкого с предисл. Д. Розенберга. – Изд. 2-е. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. – XVI, 285, [1] с.; 24 см. – (Библиотека теоретической экономики).>;
- Памяти “Пролетариата” / Роза Люксембург ; Пер. с польск. К. Орлинской. – [Харьков] : Гос. изд-во Украины, 1926. – 66 с.;
- Речи [Текст] / Роза Люксембург ; Пер. с немецк. под ред. Т. Л. Аксельрода ; Введение: П. Ф. – Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1929 (Мосполиграф-10-я тип. “Заря коммунизма”). – 124 с.;
- Избранные сочинения... [Текст]. – Москва ; Ленинград : Московский рабочий, [1928]-1930 (тип. “Красная Пресня” 3-я Мосполиграф). – 2 т.; 23x15 см. Т. 1: Против реформизма. Часть 1 [Текст] / Под ред. и с введением Пауля Фрелиха. – 1928. – 256 с.> <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000709736#?page=1>
- <Избранные сочинения... [Текст]. – Москва ; Ленинград : Московский рабочий, [1928]-1930 (тип. «Красная Пресня» 3-я Мосполиграф). – 2 т.; 23x15 см. Т. 1, ч. 2: Против реформизма. Ч. 2 [Текст] / Под ред. и с введением Пауля Фрелиха. – 1930. – 256 с.> <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008664380#?page=1>
- Организационные вопросы русской социал-демократии [Текст] / Роза Люксембург. – Минск : [б. и.], 1932. – 31 с.;
- О литературе. М.-Л. Академия. 1934. 176 с.
<[См. также:] Статьи о литературе [Текст] / Роза Люксембург ; Приготовил к печати С. М. Брейтбург ; Ред. и вступ. статья И. М. Нусинова. – [Москва] ; [Ленинград] : Academia, 1934. – 172, [2] с., 3 вкл. л. портр., факс.; 18 см. – (Литературоведение/ Под общ. ред. Вал. Полянского. Ком. акад. при ЦИК СССР. Науч.-исслед. ин-т лит-ры и искусства); О ли-

тературе [Текст] / [Сост., переводы, вступ. статья, с. 7-54, и примеч. М. Кораллова]. – Москва : Гослитиздат, 1961. – 351 с., 1 л. портр. – (Памятники мировой эстетической и критической мысли).; О литературе и искусстве : Сборник / Клара Цеткин, Роза Люксембург; [Сост., вступ. ст. и примеч. Л. П. Жаровой]. – Киев : Мистецтво, 1982. – 223 с. >;

О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма: [перевод с немецкого] / [сост. и авт. предисл. Я. С. Драбкин]. – Москва : Политиздат, 1991. – 398, [1] с., [1] л. портр.

Содержание:

Раздел 1-й – Марксизм и ревизионизм: Социальная реформа или революция? [РЛ, 1899]/ Из писем 1898–1902 гг.//

Раздел 2-й – Революция 1905–1907 гг. в России и Польше: Революция [1905 г.] в России/ Эпохальные события/ В заре революции/ В революционный час: что дальше?/ Русская революция/ Речь о русской революции/ Приветственная речь на V съезде РСДРП/ Со доклад об отношении к буржуазным партиям/ Заключительное слово/ Из писем друзьям//

Раздел 3-й – Политическая борьба: теория и практика: Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля/ Карл Маркс (1903 г.)/ Застой и прогресс в марксизме/ Карл Маркс [1913 г.]/ Официозность теории/ Два письма//

Раздел 4-й – Против милитаризма, за гуманизм: Речь о милитаризме и мировой политике/ Речь о революции и войне/ Толстой как социальный мыслитель/ Наследие Толстого/ Введение к «Истории моего современника» Владимира Короленко/ Милитаризм — жизненный нерв государства/ Из писем 1909–1917 гг.//

Раздел 5-й – Февраль и октябрь 1917 г. в России: [Февральская] революция в России/ Русские проблемы/ Русская трагедия/ Рукопись о русской революции/ Из писем 1917–1918 гг.//

Раздел 6-й – Ноябрьская революция 1918 г. в Германии: Ахерон пришел в движение/ Чего хочет Союз Спартака?/ Национальное собрание или правительство советов?/ Выборы в национальное собрание/ Наша программа и политическая ситуация/ Порядок царит в Берлине/ Из последних писем.

Роза Люксембург: актуальные аспекты политической и научной деятельности (к 85-летию со дня гибели). Международная конференция в Москве, 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. [В приложении («Из русских переводов работ и писем Розы Люксембург», с.125-285) перепечатаны «без сколько-нибудь существенных изменений» (с. 123) переводы из сборника: Роза Люксембург. О социализме и русской революции. М., 1991.]